

Вячеслав Овсянников

В ТЕНИ ВОДОЛЕЯ

Санкт-Петербург
Написано пером
2017

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6
О 34

О 34 Овсянников Вячеслав.
В тени Водолея. Проза.
СПб.: Написано пером, 2017. – 208 с.

ISBN 978-5-00071-823-0

«В тени Водолея» Вячеслава Овсянникова – сложное произведение, но это сложность обнаженного жизненного ритма, многослойная каллиграфия пульса человека – в волнении, в боли, в тоске и радости, тайнопись живой, бессонной, тревожной крови. Человек в безграничности событий внешнего и внутреннего миров, культуры, истории и собственного «я», снов и яви, музыки и мысли, поэзии и повседневности, слитых в единую ткань, зыбкую и хрупкую, в потоке быстротечного времени. Человек на краю, на закате – в тени Знака, Символа, тайны Слова и Смысла, трагедии и катастрофы, в тени творческой Силы и в тени хрупкой красоты мира, особенно остро и больно ощущаемой, когда и мир – на краю.

ISBN 978-5-00071-823-0

© Овсянников В. А., 2017
© Медведев А. В., оформление, 2017

Человек на мосту

Водолей – знак гениев.

Водолей – совокупность ангела и дьявола.

I

Знак есть результат своеобразного договора между людьми, когда изображение начинает означать сверх очевидного нечто ещё. Люди видят мир собранием знаков, широко понимаемых и тайных. Одни неизменны, о других время толкует расширенно. Трактовка зависит и от личности, читающей знаки. Греки раскрашивали мраморных богов, любопытство побуждает представить статуи в цвете, но, вкус и обаяние тайны возвращают к белизне, уводя от натурализма, – современная палитра не равна древней. Да и греки воспринимаются знаково, в преломлении классических изваяний, поскольку людей безукоризненно сложенных не сыскать и в античности (Плиний Старший извещал о скульпторе, находившем канонические пропорции образа в сумме деталей внешности пяти-шести моделей).

II

Где нет условности, там нет искусства. Условность – результат усилий. Не многие дерзают стирать случайные черты, желая видеть мир прекрасным, ибо мир и так прельщает неисчислимыми вариациями линий, красок и тонов. К тому же мистик скажет: нет ничего случайного, а прагматик добавит – и запас карман не трёт. Не исключено, что их советы по-

могут создать гениальное произведение, ведь и бессмыслица бывает гениальна. Однако, если люди (всё ещё!) ищут смысл в безграничной жизни, то почему бы не искать его и в искусстве, продукте ограничений? Ищут – особо тщательно. И, чем меньше в произведении детективного, приключенческого, морализаторского и игривого груза прописных истин, тем с большим увлечением в нём отыскивают скрытые смыслы, знаки, созвучные неуловимому времени, а то и опережающие его. Вспомним, чьи пьесы не сходят с европейской сцены, несмотря на отсутствие в них интригующего сюжета и мигающих маячков фрейдистских комплексов? Фрейд не обратил внимания на Чехова, возможно, лишь по причине глубокого погружения в ярко-фабульные истории болезней «стационара Достоевского». Иронией Пушкина по поводу читателя, ждущего определённую рифму, и поэта, всегда готового дарить её, можно объяснить популярность произведений в духе Достоевского – интрига чётко обозначена и разворачивается предсказуемо. Чеховский метод иной. Обычно дело идёт о жизни, как о напрасном ожидании после мороза роз, и потому не все читатели охотно принимают цветы запоздалые приглушённого колорита лаконичного письма о чём-то несостоявшемся. Впрочем, данный метод не ведёт к снобизму, серьёзный писатель не почтёт зазорным зарифмовать висящее на стене ружьё и последующий выстрел – на вот, лови его скорей!..

III

Писатель Вячеслав Овсянников, владеет выразительными средствами, чтобы вызвать и поддержать интерес читателя – развешенные им ружья в свой час безотказно стреляют. Структура его рассказов и повестей напоминает взведённую пружину, притворившуюся плоской спиралью. Стилистический завиток вальсирующего письма внезапно возносит читателя

в сферы поэзии и также внезапно низвергает в бездну низких истин так называемой правды жизни. «В тени Водолея» (2017) амплитуда колебаний этой пружины сложнее, и прочитывается многослойной каллиграфией пульса человека – в покое, волнении, в боли, тоске и радости. Широко используемый приём «рассказа в рассказе» у Овсянникова получает форму сюиты – концентрированных эскизов состояний природы и души лирического героя с неизбывными мечтами о загадках Слова и Звука и покорностью закону «довлеет дневи злоба его» (довольно для каждого дня своей заботы). Эскизов пёстрых, но связанных общей художественной мыслью. Автор переносит центр тяжести повествования с развития события на бессобытийное течение жизни. Начинаясь действия не получают ожидаемого завершения, картины жизни пишутся словно по логике сновидения, то есть в отсутствии таковой. Однако произведение держит довольно прочное связующее, пространство и время «В тени Водолея» связаны орнаментально. Так человек, глядя на реку с моста, в какой-то момент начнёт ощущать себя в движении; течением мысли он уносится то в прошлое, то в будущее, и едва не растворившись в их соединении – в открытом Овсянникове Никогдавле – вдруг очнётся стоящим на мосту, но совершенно не той реки и в ином году. В этот орнамент тонко вплетены узелки Достоевского, те, леденящие душу его героев ощущения двойничества, которое исходит от города, расщепляя божественное равновесие светотени, когда уже пугает не только тень, но и свет блазнится люциферовым маревом.

«Медный Всадник – мы все находимся в вибрации его меди. Петербург лежит почти на 60 параллели. Эта параллель – критичная для самого существования человека. У живущих на ней состояние психики всё время напряжённое, тревожное, сон сбивается. Границы реального и потустороннего размыты. Невротическое состояние, напряжённое ожидание неизвест-

ного, неопределённость границ возможного и невозможного порождает пограничные феномены психики, близкие к галлюцинациям».

Внимание с внешних коллизий – висящего ружья – перенесено автором на психологию героев, на их настроение, чувства и переживания эмоционального напряжения от ритмики – беззвучных выстрелов – реального и воображаемого. О характере, образе мыслей героев сообщается опосредованно: в письме Овсянникова получает калейдоскопическое отражение блеск осколка, вместившего лунную ночь, набирает обертоны звук лопнувшей струны, вестник скорых перемен. О героях рассказывает отражённый в реке или в окне электрички или в бокале вина мир бессмысленных, случайных форм, близких к натурализму, если бы не намеченные писателем пути к обобщениям, то есть к знакам. Внутренний монолог произведения дан через деталь. Повседневность фиксируется как сложная композиция безграничности внешнего мира, видимая реакция на его проявления, и безграничности «Я» в мировом культурном расширении. Композиция динамична, неохватное «Я» в потоке быстротечного времени – не яркий ли это знак одиночества? Каким бы путём ни шёл писатель, наследуя тому ли, другому гению, ему не миновать темы состояния один в ночи. Бесконечные проявления одиночества – основной художественный конфликт «В тени Водолея» Вячеслава Овсянникова.

«Вижу перед собой образ другого себя. Этот другой стоит на последней, седьмой ступени; он смотрит на меня с высоты лестницы грустным взором. Он прощается. Он говорит: книга написана. Книга для всех и ни для кого. Твоя и моя, наша с тобой книга. Поворачивается спиной и уходит в неё, в книгу, в её призрачную, мглистую даль, и там исчезает».

IV

Рваная, шероховатая, гибкая и звенящая – линия, которую своими произведениями ведут авторы, в итоге спрессуется в короткую горизонталь – тире в датах жизни. Читатель увидит её олицетворением реки времени. В её воды входит он вслед автору и пересекает её. Возникает вертикальная линия – «стоящий человек» – мост между верхним и нижним миром. В целом же получается крест, знак материального мира, вечности, четырёх стихий. Но и не только. Крест – животворящий – возвещает, что страдание предваряет воскресение. А это уже вопрос веры. И писательской – надежды.

Александр Медведев

В тени Водолея

Сон в скорлупке, сплю, сплю, ноябрь, сумерки, сучья; крылья ангелов, чистые перья укрыли землю; страшную, черную землю. Час прощанья, проводы в последний путь; душа, жемчужно светясь, улетает, выше, выше, тая в темном, беззвездном небе. Облачко, пар из рта. Кто-то там есть, смотрит оттуда, с острия иглы. Юдоль, юла, слюда, бедное тело, сын праха. Иду по зеркалу; разбуженные моими шагами, всплывают фантастические рыбы, чудища морские, дети бездны. Девятый день, кристаллики соли на столе, искорки смыслов. Лучше не разворачивать эти рулоны. Несу голову на плечах, скучную гирию. Долго ли еще ее нести, как на казнь?..

У ног гиганта, сила слов, рукоплещут ложи. Козерог, кимвры, готы, котельная. Теодорих, Библия Вульфила, самый древний памятник германской письменности, серебряными чернилами на пурпурном пергаменте. Серебряная Библия. Пурпур добывался из желез пурпурных

улиток, для одного грамма краски требовалось десять тысяч улиток. Декабрь, 22, сороковой день, кресты, ограды, водку из белых пластмассовых стаканчиков; бес-снежно, раскисшая земля, ноги вязнут. Запрокидывая голову при глотке, вижу серое небо и черные сучья зимних кленов. Пустая кровать в ее спальне. За упокой души Марии. Жужжит кинокамера, прошлогодний снег. Мама в черном платке-чепчике, ее голос: «Вы — мое богатство, вон какой богатый стол приготовили!» Слабый жест, как бы отстраняя направленный на нее объектив.

К зубному врачу, сучья, черно, антиквариат, унылые лабиринты, дворы, стены, парусники, мычанье сквозь вату, тихая безысходность, нить оборвана, клубок закатился. Вышел и — вечер. Огни, колеса, хлопья выются. Этот мокрый блеск, мост, брюхо коня. Свое, чужое, не разберешь. Не ты один. У всех боль. Воронье на рассвете, черные крылья рубят воздух; голое сердце, ожерелье рассыпалось, не собрать; эти сырые следы нового дня никуда не ведут. Раковина года, завихренья, разомкну створки и — январь. Гнет этой плиты, гололедица, черное небо, стройка, кран-дракон. Снял шапку, вошли, трепет свечек, губы беззвучно шепчут молитву. Тот, кто создал этот мир — Стеклодув. Жалость, хрупкость. Вторник, желтый закат; ушло, плача. Древний город Нерв в Каракумах, столица сельджуков, шелковый путь, 200 тысяч жителей, разрушен до основания армией Чингисхана, все перебиты. Библиотека Леонардо да Винчи, 116 книг. Витрувианский человек в круге — самый знаменитый рисунок в мире. Манеж, выставка, ослиные хвосты, хужожник в черном берете. Это древняя игра, древняя, как мир, она ждет своего нового героя, великого Игрока, ко-

торый вдохнет в нее новую жизнь. Грандиозность и филигранность, отречение, белый призрак, опять, опять. Бесцельная поездка; унывать не надо, друг Петрушка. От метро, в неизвестность, пустынно, как на Марсе, лицо в сумерках, полустертое, мелькнуло, и нет его, не узнал, забыл. Так легче жить, так легче жизнь терпеть. Стеклодув выдувает из себя полноценный цветной мир. Нижинский, Киев. Морская птица, летящая над неподвижной землей. В тридцать лет перестал танцевать, безумие, жил еще тридцать, умер в шестьдесят. Черный январь, 14, штормовые дни, вихри с Атлантики, американские фильмы, Казанова, тень Отелло в Венеции. Гости, Гамбург, гололедица, дождь. Дон Кихот, сердце гор, безумцы в квадратных, черных коронах супрематизма. Отлив-прилив, лимон, трамвай до Нарвских ворот, к невропатологу.

Едем, четверг, рожки новорожденного месяца, черный ассирийский жемчуг, Ватутич. Пчелы чувствительней собак. Цунами шумит, как реактивный самолет. Лев Ландау, родился в Баку. Жидкий гелий, принцип неопределенности, Бог играет в кости. При охлаждении до абсолютного нуля атом жидкого гелия начинает совершать одновременно два противоположных, взаимоисключающих действия. Можно понять, но вообразить уже нельзя. Ландау разбился в машине, отек мозга. Нобелевская премия, вручал в Москве Нильс Бор. Прожил еще пять лет, наукой не занимался. Снег, стол накрыт, звонки, гости. Не грусти, мы ведь с тобой Водолеи. Наши рожденья на текучей ниточке одного ожерелья. Дон Кихот, предпоследняя глава: стадо свиней сбивает и топчет их, героев книги. Пятница, к сестре на гору. Таянье, платформа, солнце. В нотари-

альную контору, завещанье, разговоры о погоде, страх простуды, слякоть.

Горе. В квартире пусто. Нет нашей золотой собачки, нашей Дусеньки, погас солнечный лучик. Рыдает по ночам, не может утешиться, везде мерещатся ей золотые ушки. 27, снятие блокады, бродил в парке, уныние, лед, тусклость, вечерний звон, лежать и мне. Что там, в чужих окнах? Тени, лампы. После ванны, похудевшая, притихшая, слабые, бледные руки. Разбирала письма, мои к ней, полные любви и страсти, и заплакала. Гора Меру на Северном полюсе, ось мира. Гипербореи. Существует 108 цветов. Кузница языка, книги куют титаны в тайных пещерах великих гор. По этим книгам люди учатся говорить и читать. Пушкин о Шекспире: «Это был гениальный мужичок».

Болезнь, бинты, февраль. Вчерашняя буря утихла. Отлив,дохлый краб, камни, водоросли; замок Кабилон, чаша Грааля, кораллы, старый король, Парсифаль. Пузыри в котле, вход в пещеру, булькает, три жабы, темное варево этих дней. Сырой снег, машина с красным крестом у нашей парадной, голубые комбинезоны санитаров. Посланцы далеких планет. Херувимы. Заботы низкой жизни. Прощай, душа моя – у меня хандра – и это письмо не развеселило меня. Обняв осину, шепчет, просит освободить от горя и печали. Есть поверье, что осина спасает от горестей. Таити, цинга, Кук, Австралия, великий коралловый риф тысячу миль, виден из космоса. Циолковский, глухой с десяти лет, гениальный самоучка. Рассыпал в темной комнате светляков: ему казалось, это полный звезд космос. Жизнь – это атомы духа, занесенные на Землю из космоса. Нищета, семья, дети, впроголодь. Сам освоил

высшие научные знания, ходил в Румянцевскую библиотеку в Москве, подружился с Николаем Федоровым, тот доставал ему запрещенные книги. Арест, ЧЕКА, по подозрению в шпионаже. Отпустили через две недели. Говорил, что в тюрьме кормили лучше, чем он ел на воле. Его ученик Чижевский приезжал к нему в Калугу. Дом Циолковского в Калуге, деревянный, двухэтажный. Есть легенда, что построен на месте падения метеорита. Калужский отшельник, там и умер, старик, борода, пышные похороны, толпа, вся Калуга идет за гробом.

Галерная, позировать, художник, речи волхва, поморские руны, надписи на камне, следы гипербореев, языческие святилища. Поэма о Коловрате. Бой Коловрата с Вотаном. Эра Волка, эра воинов – мировой расцвет. Снег с дождем, мрак, огни, скользкие тротуары, туман, талость. Гармонические затеи, последняя дорога, страдальческая тень, гимн времен. Что пользы в нем? Поникнул лавровой главою, старинное дело мое. Февраль, Шаляпин, Казань, сын крестьянина Шелепина. Грезы любви, памятник. «Слушая чужое пенье, я думал: нет, не то, не так надо петь, я бы не так спел, а как – еще не знаю. Не должно быть лишних деталей, не загромождать образ». В доспехах Дон Кихота. Последние слова Шаляпина: «Я не знаю, на какой я сцене, на русской или нет, а мне надо петь».

Ветер, мрак, этажи, тревожный шорох, бег по черному льду, янычар в тучах. В Сибири нашли тело замороженного мамонтенка, хорошо сохранилось; это мамонтенок-девочка, утонула в болоте 4 тысячи лет до н.э. Флоренция, Давид, резец юного Микеланджело. «Жизнь кончена. Тяжело дышать». Блок. «Вот они кривляются на

стене. Боже, прости мою душу». Автор «Ворона», в Балтиморе, бесчувственный, оборванный, лежал на дороге. «Я искал истину. Не понимаю. Ничего». Лев Толстой. Привезли двух щук, страшные, зубастые; глаза мертвые, угрюмые. Из Великих Лук. Февраль, 21, полное лунное затмение. Луна влияет на здоровье и самочувствие людей, при лунном затмении обостряются все хронические заболевания. Болею. Жар, бред. В бреду очень тонкие соображения, каких наяву никогда не бывает, но ничего не запомнить. Умиравшие при смерти смотрят вверх, в правый угол потолка, сосредоточенно, с вниманием, многие со страданием на лице. Кошки чувствуют присутствие невидимого, того, что не фиксируют приборы. Пусто. Болею пятый день. Снег, бело. Мышки живут два года. Тургенева жестоко секли в детстве, каждый день – розги. Так его воспитывала суровая матушка. За то, что он увлекся Полиной Виардо и поехал за ней в Париж, прокляла и лишила наследства. Прислала ему в Париж сундучок, полный кирпичей, – вместо слезно просимых денег.

Март. Умерла Софико Чиаурелли, в Тбилиси, 70 лет. «Хевсурская баллада», «Цвет граната». Фильмы о Сталине. «Есть правда жизни и есть правда искусства, эти правды несовместимы». Артисты и моралисты. Утром разбудили чайки. Слушал Баха, орган, fuga. Бах последние свои годы был слеп. В день смерти прозрел. Последние его слова: «Я вижу! Отдерните занавески!» Жене Магделене: «Твои прекрасные руки закроют мои верные глаза». Пятница, солнце, синее небо с облаками, идем к метро. Литературный вечер, о Горьком, филологи. Любимое произведение Горького из всего им написанного – рас-

сказ «Рождение человека». 20 томов писем. Резко и зло обругал картины-панно Врубеля на ярмарке в Нижнем Новгороде – «Микула Селянинович» и «Принцесса Греза». Вообще к Врубелю относился крайне отрицательно. Вечером у нее минутка душевности, рассказывает про свою жизнь на Римского-Корсакова. Бабушка, затопив печь, ставила ее внутрь опрокинутой табуретки, а сама уходила на кухню готовить. Она стояла в опрокинутой табуретке и замороженно смотрела на огонь в раскрытой дверце печи. Ей было года два. Метро, синий поддон, ждал с ножом, затаясь у стены. Пикассо. «Корни искусства в эротизме. Искусство не целомудренно. Если оно целомудренно, то это не искусство». Апломб в балете – осанка, прямо держать спину, равновесие. Кураж в цирке – уверенность в себе, уверенность, что у тебя все получится, что будет успех. Кураж – это победоносность, легкость, летучесть, огонь, полет, крылья. Без куража выступать нельзя. Не чувствуешь куража, лучше откажись от выступления, будет неудача, провал. О да! Провал, провал, Урал, Дарьял. Где мой апломб, где мой кураж, юность, свежесть?..

Апрель, залив. Пьянел, вдыхая струйку новой воли. Желтенькие, по обрыву; пробуждение, воскрешение, растительная душа, улыбка природы. Блеск, плеск, рыбаки в нимбах, радость на приморском берегу. Брезжит в голубом тумане голый стол Финского залива. Перышко пылится, забытое, ненужное. Чайка-парус. Куда ж нам плыть?.. Жду, сидя у моря на гранитной глыбе, брошенной тут титанами. «Ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься». Куда мчимся, рванный мешок? Полет пчелы. Сестра, ее сон: будто бы мама метет

веником, выметает сор из дома. Нефертити – красавица пришла. Пальма – ладонь. Паломники – это те, кто возвращались из святых мест с пальмовыми ветвями. Еду, иголка в сердце, вечерний трамвай, фонтаны, закат над прудом, крик чаек, музыка, аттракционы, гуляющие. Опять, опять это... Тоска, пустота. Пресловутый внутренний голос, суровый судья, мрачный диктатор, провозглашает свои безжалостные скрижали. Воздержись от этих черно-белых клавиш «да» и «нет», не нажимай пошлые пружины. Не понимаю: что с нами? Молчим, молчим. Слова ранят, любые. Снилось нежность, невозможная, прежняя. Золотой сон о счастье. И как жестоко было пробуждение! Вот уже и май. Поехали на Южное кладбище, навестить Марию Афанасьевну. Долго искали могилу. Убрали мусор, посадили цветы. Она плакала. Последнее время ее терзают воспоминания, чувство вины: Мария Афанасьевна, любимая ее бабушка, взрастившая ее и взлелеявшая, умирала от рака груди, а внучка – гуляет, как же – у нее любовь, сумасшествие, она в вихре, ночи безумные... День Победы, черемуха. Проснулась, что-то мешает под мышкой. Смотрю: клещ! Подарок с кладбища!.. Ехать куда-то на другой край города, лаборатория, анализы, только б не заразный. Сны, Тамерлан, голубые купола Самарканда. «Счастлив тот, кто отказался от мира раньше, чем мир отказался от него».

Понедельник. Дом-тюрьма, сойдешь с ума. Ее беспомощная, слепая мать кричит по ночам, зовет, терзаемая кошмарными галлюцинациями: будто бы лежит посреди мостовой на проспекте Стачек, а рядом река, под самым боком, вот-вот подхватит и унесет в залив... Едем.

Бегут две стальных змей, то сольются в объятиях, то разлучатся. Да куда им друг от друга? Некуда, одна дорожка на двоих на всю оставшуюся жизнь. Вырица твоя! Райский сад, цветут яблони. Оредеж, приветствуя, машет еловой лапой. На берегу дворец строят для Царя Салтана, шум мотора, сварщик на башне, брызги огня. Закат, стою на горе, светило опускается в лес, мошки вьются, пузырьки шампанского. Ночь, Ковш в небе, шум поезда. Дни, сны, длинный туннель, а впереди что? Пепел и косточки. В словах тесно, душно от слов; слова вдруг поворачиваются новым, страшным лицом, тревожным, как при ударе молнии, их не узнать. Изгоняем случайность. Тщетно. Блаженный хам, Чекрыгин, Киев, отец-приказчик, в семье десять детей. «Пути своего я не знаю, но предчувствую, и он, как дорога ночью, стоит у меня перед глазами и конец – моя насильственная смерть... Никакого колокола мне нет. Быть самому звонарем, сочинить себе колокольню я не хочу. Звонить напрасно, что может быть печальней или глупее. Надежда? Что же надежда. Впереди то же, что позади. А у меня всегда были сумерки и даже ночь, когда ничего нельзя разобрать. С каждым днем все меньше веры в людей. Он так хорошо говорил, а его распяли. Я иду прямо и дорога моя прямая». С художниками он никак не сходился, они были ему не нужны и чужды. В 1921 г. выставка, 200 рисунков, в сыром помещении, с потолка текло, окантовка расклеилась, почти все рисунки упали, стекла разбились, осталось висеть 15 рисунков. В ночь 3 июня попал под поезд, отрезало ногу, смерть. Жар-бог, мировая энергия – душа всех художников, прометеев огонь в их груди. Зевсов орел летит.

Потеплело, косьба весь день. В городе, простужен, ветер, солнце, цветущая рябина; белые ночи, черные дни. Ювачев, чинарь, сумасшедшинка. «Меня интересует только чушь, только то, что не имеет никакого практического значения. Я мелкая пташка, залетевшая в клетку к большим неприятным птицам». Письмо на столе. Что он пишет, вымерший мамонт? Июнь, холод, ветер, шумящее и гремящее, вихрем по шпалам. Раскрыл книгу – крючки запятых рвут душу. Сны, пустыни, папирусы; змей на пути, жалящий в пяту; шепот чтеца, рушатся стены. Литейный мост. Зачем я тут? С какой целью? Лить крокодильи слезы? Мечемся, из города, в город; стриженная, крашенная, американка. Тени вещей, шаткая опора. Понедельник, теплый дождь, одиночество. Елена, Клеопатра, пурпур парусов, шепот роз, резная корма, взмах золотых весел, звон арф, шея лебедя, черные гребни. Не спи, не спи, Аякс, Одиссей, древнее колесо, плен времени; по черепам ночей грядут новые гунны. День без числа, жизнь была полная. «Мы же с тобой Водолеи – говорит она, – вот и ходим, как в воду опущенные». Сады литератур. Тупая боль в висках весь день. «Путь роковой и бесцельный сердцу певучему дан». Невесомость, свободное паренье без точки опоры; кукушка, василек, хлеб; ненаписанная пьеса «Аист и заря»; воспоминания Чулкова. Троица, на кладбище, навестить дорогих усопших. День пасмурный, могильные плиты, отец, мать, – смотрят с фотографий в траурном круге. Авто и авиокатастрофы, кораблекрушения. Король времени Велемир Первый. «Поэзия живет смертью человека. Люди одной задачи живут 37 лет». Ненужное пробуждение, воробьи, что у них там, митинг? Комочки тополиного пуха катят-

ся по асфальту, как стадо снежков. Все валяешься, Обломов? Альбомы, аэродромы. Мир, мираж, пора умирать. Испанский закат. Сон разума порождает чудовищ. Искусство начинается там, где сила воображения вырывается из под контроля разума. Пьяная, пухлогрудая, завалилась в лопухах, поет песни. Победы и поражения. Лови мячик удачи! В горьком воздухе неизвестного города. Уехал в автобусе, счастливчик! Желтые отражения. У реки после дождя, вечер, капли с листьев мелодично падают в воду.

Сны, пустота в сердце растет с каждым днем, черная дыра, чудовищная ненасытность сверхзадач, тяжесть тайного смысла, миллионы брызжущих перемен. Провожал на платформе, уехала, горе мое. Жара, гул мух. Лживая трость книжников. Вода сжимается. Тарелка абрикосов на столе солнечным утром. «Я сделал это в простоте сердца моего и в чистоте рук моих». Вернулась, у калитки, ее белая шерстяная кофта, принесла молоко. Дуновение Божие, туман над водой, вздохи капель, муравьи на оголенных корнях старой сосны, дрожат стебельки, тревожно, влажно. Дорога к церкви, облака, целебный воздух жизни новой. Идем поклониться Серафиму Вырицкому. И это ее милое, усталое лицо, морщинки, тень под веками. Уехала к врачу. Чтение, муравьиные цепочки бегущих букв. «Кто хранит уста свои и язык свой, тот хранит от бед душу свою. Человек, который говорит, что знает, будет говорить всегда. Коня готовят на день битвы, но победа – от бога. И погружен в самом себе, смеюсь я людям и судьбе. Года волнений протекли, и мне перо оставить можно». Облачно, читаю, пружины сюжетов. Холодная ночь, замерз, голоса пьяниц. Прямой

позвоночник из Китая, пятицветная жемчужина во рту, второго такого в мире нет. Смена психоформ. Влажно, душно, праздные стремленья. Прометей раскованный. Тибулл, суровых сестр противно вретено, беспробудным сном печальны тени спят. Ушла за молоком, ее соломенная шляпка, та самая, с юга, Геленджик. Дрожат розовые головки клевера. Забор, горлопан, блестящи очи его от вина. Нож резучий, еж колючий. Ждем печника. Купались, плеща и фыркая. Усики водяной блохи, сиюминутные памятники лопнувшим пузырям. Сон слова, под сердцем вспыхнул и погас образ возвышенной речи. Тень близится, за нею утро. Гроза, небо ломалось и рушилось. Встретили на дороге двух латышек, мать и дочь, у них хутор в Латвии. Пришел печник, краснощекий, голова бритая, ручищи, осмотрел печь, говорит: работа будет стоить 20 тысяч. Вечером опять гроза, отключилось электричество. Ночь, стою у сарая, летят драконы-тучи, темные, полные непролитой влаги, конца им нет. Печник, другой, косоглазый, в тельняшке, бывший десантник. Мастер оттенков серого прячется в тумане, невидимка. Купались. Дом у реки, костер в саду, трескучий, алая грива, стол с бутылками, «имел бы я золотые горы». Бессвязно, стеклянные колокольчики. Где та верховная точка? Альфа и омега, начало и конец? Сии облеченные в белые одежды. Ночь, угрюмая владычица теней, горсть фимиама; гаснут бледные угольки. Полнолуние, титанический диск слева, над железной дорогой, Медуза-Горгона. Сторукие ели, брошенные дома с разрушенными крышами, совиные глаза фар у ворот, двое, мужчина и женщина, прощание, горячие пальцы, черный сад, подпорки век, лучше уйдем.

Ливень на рассвете, забытая в саду на столе книга размокла. Буквы расплылись, не прочитать, ни начала, ни конца... Ты разбит морями в пучине вод; товары твои и все толпящееся в тебе упало. Печник в черном клеенчатом плаще, под дождем, многоречивый. Печь должна сохнуть полторы недели, сразу топить нельзя, угорим. Цыганский стук копыт по шоссе, тишина и зной. Теплый вечер, плывет саженками, фыркая. Бледный пожар месяца. Гулял один в красной рубашке, толстые купальщицы, заборы, румынское небо, с песнями, ленточки, ножички, кони, гитары. Вечер, розовые языки. Как лук, напрягают язык свой для лжи. Загорелая, рослая, в магазине у шоссе, взглянула на мой голый живот, уехала в черной машине. Другая, у реки, на пне, молодая, красивая, как лошадь, отвернулась. Муж купал овчарку, кидая палку с берега. Мужайся, будь в терпенье камень. Понедельник, привезли песок, самосвал. Вечер. Что он пишет чернилами теней, в шелесте тополей, в городе ветров? Тучи, тревога, гарнизон, артиллерийский капитан, безумец, на плечах вместо погон две мышеловки. О, земля, земля, земля, слушай слово! Холод. Скандинавский циклон. Таскали на тележке обгорелые бревна, брошенные у почты. Будет, чем топить печь. Выдохлись. Работенка для волов, а не для нас с тобой, одуванчиков. С ее-то грыжей и моим упрямством. Пуп развяжется. Вечером пошли гулять, у нее жажда новых путей, забрели в незнакомую сторону, дворцы, жирный модерн. Послезакатно. Сосны у реки, змеи-корни. Красавица, прорвав кристальный плащ, вдавила в гладь песка младенческую ногу. Небо в венцах, стон поезда. Искаженье глубоко, в корне. Афродита гробовая, час гнетучий. Не

положишь ты на голос с черной мыслью белый волос.
Дождь, грусть.

Солнечно, ветер, август. Разумеешь ли равновесие облаков, чудное дело Совершеннейшего в знании? Не тревожь свою природу вещами. Храни свою высшую простоту. Внутри тьмы вижу свет, чистые кристаллы ритма. Опять один. Вечерняя прогулка. Оредеж твой в розовых отражениях, последние отблески. Наяды робкие. И вольный ласточки полет. Суббота, вдвоем, в лодке, на голове у нее накручено красное. Шампанское, пенистое шипенье, взмахи весел. Не спится, кипятил молоко, светает, сыро. Введу их в землю, которую Я назначил, – текущую молоком и медом, красу всех земель. Красная лошадь, послушно-ненавистные птицы, Литейный мост, холод бинтов, и свет померк там, а я вот думаю... Умер великий писатель, солнце с бородой, трехногая кошка. Возбну от сна, Шостакович «Альтовая соната». «Мой долг – бороться с музыкальной халтурой во всех ее видах и формах». Ночью гроза, вспышки молний, шум дождя в саду. В Вырицу за лекарствами, кашляет, пневмония, уезжать в город. Солнце, облака, печатал на машинке в саду под яблоней. Дождь, опять в аптеку, антибиотики, под зонтом на платформе, цыгане. Узбеки, старухи, девки. Турман, уносятся шпалы, рыдая; стучу на машинке. Звук упавшего яблока. Слова не знают о литературе, чирикают, свистят, щебечут. Ночь, звездочка упала, сверкнув. Кто-то родился с козырным тузом во рту.

К нотариусу, телефонный звонок, сестра, что-то нечленораздельное. Преображение, язык мой – перо скорописца. Ночь, белый камешек в небе. Проснулся в пять, мышшь, скребется в углу. Капля клюнула крышу, еще

одна. Первая электричка, рассвет. Бледная, жалуется, не спала всю ночь, больна, опять температура под сорок. Мир бессонный, безрамный, оса; голоногая девочка на дороге, быстро шла в вечерней темноте, размахивая руками. Река раскинулась, Версаль, огни, отражения отражений. Луна в саду, шорох капель; книга, не помышляющая о читателе; ночная добыча, плавники в корыте. Единственная в мире Ватиканская рукопись, настольная книга Льва Толстого. Дождь весь день, дуновенье, дерзновенье, темная струя, запретный путь. Слепая ласточка, Персефона. Чрезмерность – это ощущение, нет берегов в себе. На электростанцию, плотина, шум падающей воды, пена, камни, заросли высокой травы, низкий полет ласточек, сизо-темно. Загадочное строение, окна в ржавых решетках, крошащийся кирпич, на крыше растет березка. Камень или голова? Глядит, провидец, весь – глаз, зоркая сфера, видит все вокруг себя. До поезда еще час, зашел в книжный. Это ему Твардовский так сказал, у него было: «Нет села без праведника». Дождь, в венце вина, две цыганки, продавщица и другая, у входа, с детьми, мальчик и девочка. Обрыв над рекой, кружочки на воде, всхлипы, темно. Чернокрылый Борей, ночь ужасов, круги ада. Понедельник, натопил печь. Утром солнце, через полчаса – тучи, ветер. Ехать в город.

1 сентября. Размять ноги, «В сторону Свана». Твой Оредеж, чешуя серебрится, на том берегу вечерние огни, Версаль, разбуженный страх. Приснилась связка ключей, но я не знал, что ими отпирать, голос говорил: «Тамань. Иди в Тамань!». Четверг, темно, дождь. Босфор, быки с золотыми рогами. Сквозь это сито все проваливается. Третий день в городе, тьма ДЕЛ. «Внимай толь-

ко голосу, который говорит без звука». Весть из Индии. Парк, русалка, серебристые волосы. Гулял у пруда. Годовалый малыш, улыбаясь, пошел за мной, взял за руку, не отпускает. Мать, юная, в плаще, Боттичелли, ему: «Ах ты, предатель!» Солнце. Заросли камыша под ветром гнутся и шуршат, залив вдали. Татарина, Касаткина, Калашникова, Волжина, Лорие, Дарузес, Вера Тарпер, Станевич, Горбова, Жаркова, Горкина, Лан, Кривцова, Немчинова – переводчицы. В парикмахерскую, стригла, высокая, суровая, в траурном халате. Немезида, Мойра. Дождь, мгла, поездки, больницы, огни, иглы. Девять – уста бессмертного духа. Черный квадрат – гибель ада, в кровь врагов подпустим яда. Иегуда Пен, витебский художник, учитель Шагала, писал обнаженных витебских красавиц, убит при загадочных обстоятельствах. Орфей, белый ворон в венке молний. Алмаз отказа. Будь тверд, как крест. В соседней комнате зашумело женское платье.

Что ж это мы? Половину месяца уже слизнуло! Жизнь наша! В квартире втроем: мы с ней да ее слепая, беспомощная мать, не дающая нам спать по ночам. Кричит, зовет на помощь, галлюцинации, кошмары. Лежит на полу, голая девяностолетняя старуха, скелет, обтянутый дряблостью кожей. Гребни скал, хляби небесные, Данте. Воспоминания – вот единственный рай, из которого нас никто не изгонит. Шестикрылый серафим, шум полета, небес посланник, несет в мир новую книгу. Эта книга родит новые, вещие глаза; от них возникнет на земле великая раса провидцев. «Шопен – нежный гений гармонии» – так начиналась ненаписанная книга Листа о Шопене. Глупо, как факт. Бальзак, четверг, цель создания, ветер с цветущих берегов. Устал, остыл, ничто, ничто моих не радует

очей. Пыль воображенья. Пыльные громады лежалой прозы и стихов напрасно ждут к себе чтецов. Прощай, надежда, спи, желанье.

Телесная тоска, грусть на корабле. «Общее искусство знаков или искусство обозначения представляет чудесное пособие, так как оно разгружает воображение». Творец монад, Лейбниц. Темная власть этих клейм и печатей. Всё, всё помечено, всё и вся! Люди-знаки: у каждого на руках и на лбу – след Когтя. Читай Иоанна. Поехали на Крестовский остров, гуляли в парках, у прудов, лебеди, осенний день, Лоэнгрин, Людвиг Баварский. Сидим, скамейка с оторванной планкой. Аттракционы, хождение на ходулях. День Иоанна Кронштадтского, у залива, в тумане моря голубом, доска, две чайки, сливы. Педро Альмадовар, испанский дирижер. Заморозок, собрал яблоки, с рюкзаком в город. Суфии, танец слепых птиц. Темно во облацех. Да умолчит убо всякая плоть человека. Мглисто, ветер, медсестра из Нью-Йорка. Аз же не словесен есмь. Речь рождается молчанием. Поэзия – это то, что дает речь молчания. Рига, вериги, прилив, Рильке. Понедельник, мой путь уныл, ширококучные дороги. Витязь на перепутье, сырое дыхание пропастей, канатный мостик. Своя стезя.

Пятница, октябрь. Последние листы с нагих ветвей, Навои, мелодичный. Тройная сила речи, трехгранное слово, трехзвучие. Бронзовый звон заката. Голос Навои под утро, это он мне говорил. Узбек с гитарой, веселый, принес испанское вино и гвоздики, развлекал нас весь вечер. Сидит всю жизнь в своем углу, вяжет диковинные узлы, такие никто не вяжет. Это о тебе, о тебе, барсук! Норы дней, новые своры, чем больнее, тем звонче. Пора

кончать. Гуляка праздный, шатаюсь весь день без дела, бездельник, смотрю иголочкой. Чистое острие пишет на дороге осенние письма теней. Очей очарованье. Дождь. Мзда твоя многа зело. Семь сил. Звонки, выставки, галереи. Галерная, хромо́й художник, сибиряк, ученик Грицюка. Могу гордиться: мой портрет его работы повесит в Русском музее. Пели хором: «Ревела буря, гром гремел», «Священный Байкал». Разошлись поздно, под хмельком, фонари, троллейбус, спать. Речи-встречи, Невский, темные души этих книг. Музыка музыкой, а тут телеграмма тебе, весть без обратного адреса, от какого-то неизвестного: жизнь или смерть. Желтые скорлупки листьев у отделения милиции мокро блестят под фонарем. Это тополь, он, кто же еще? Узнаю тебя, жуть ночная. Мрак, дождь. Эти остренькие кристаллики марганца, я стал суеверен, побежал на поезд, тележка тяжела. На углу у магазина, где вино и водка, девица доброзрачна зело, подскочила с голыми ляжками, прося помочь. Чем, чем помочь? Не понял, побежал дальше. И тое ноци бысть дождь велик.

Ноябрь, Пушкинская, лирой пробуждал. Ушла на спектакль в Кировский. Книги в бане, на скамье распаренные мужики и бабы. Задумчивые письма, ничего не понимаю; когда понимаешь – это уже не литература, а мы ведь всегда отступники. Много словеса глаголаху. Сила этих линз, лисьи значки, свобода и ветер, который несетя над прогорклым, масляным тротуаром. Вечером вместе, я в одном углу, она – в другом. «Мы с тобой живем на разных планетах» – говорит горестно. Чем ее утешить? Ласковым словом? Оно в книге за семью печатями. За шторой черно, космос. Безвоздушно. Стук клю-

ки из дальней комнаты, ее зовет слепая мать, исполнить свой дочерний долг, нести свой крест. Ул. Стойкости, оловянный солдатик, призрак бедный, роковой; эти дни не под знаком мощи. Ветер стих, старые кирпичи, сильная спина воды у плотины, поликлиника, жду, когда выйдет. Хризантемы, слепая старуха в подземном переходе, аккордеон на коленях, поет звонким молодым голосом: «Люба, Любушка... на душе отрадно и светло...» Иду, понурый, через пустырь. Вот уже и холод, тот самый, бесснежный, ужасный. Ничего, ничего. Жизнь. Что ж ты хочешь, друг-жестянка, старый пень, миллион терзаний? Красное вино греет сердце. За что пьем? За то, за сё. Мелькают кадры. «Неоконченная пьеса для механического пианино». Мыли окна на зиму. Темно, мягко, ранние сумерки. Выбрались подышать. Сберкасса закрыта, понедельник. Черные дыры этих дней, пиршество в космосе, переводчики, Туполев, одно легкое. Солнечные затмения вызывают землетрясения. Полюса магнитного поля Земли менялись 700 тысяч лет назад. Если полюса поменяются местами, то Земля встанет с ног на голову, тогда мировые океаны придут в движение, возникнет гигантское цунами, будет мировой потоп, вся Земля будет затоплена. Гуляли в темноте, луна высоко сквозь веточки. Мама, годовщина смерти, Красное Село, кладбище, цветы. Старые фотографии 47 года, родители молодые, лето, август, среди деревьев; отец, полный, футболка с коротким рукавом; мама, юная, тоненькая, держит на руках младенца. Младенец – я.

Понедельник, снежок вьется. Звонок из Вырицы – обокрали нашу дачу. Залезли через окно на втором этаже, взяли съестные припасы. Голодный год. В Петергофе

спиливают голубые ели вдоль канала. Погиб Петя, сосед со второго этажа, разбился на машине. Проводил ее до поликлиники к кардиологу. Книги в бане, дневник Льва Толстого. Метель, исполком, встреча с сестрой. Пополнела, постарела. Стихи. Обыкновенное переживание переводится в мистическое. Музыка и действие. Человечество прошло семь стадий освоения цветов: 1. Светло-темный. 2. Бело-черный и красный – огонь. 3. Зелено-синий – как один цвет. 4. Зеленый и синий разделяются. 5. Фиолетовый. 6. Розовый. 7. Все остальные. На Разъезжую, корректура, черный кот, кони, сани. Вечером привезли щенка, похож на мышку, мордочка, ушки торчком, голый, дрожит, забился под диван. Бесснежно, мутно, что-то с холодильником, нужен мастер, недостижимый и единственный. Чтение-осточертение, не суди, да не судим. Этот твой заоблачный критерий, чрезмерность, печень, черная желчь. Кто будет злей драться и себя меньше жалеть, тот победит. Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать от древа добра и зла... Ну да ненадолго...

Декабрь, встреча в метро у ног гиганта, горлана-главаря. Босой алмазник, шлепать по грязи космических дорог километры бессмертья. Точка наивысшего сгущения-напряжения, ненужная свобода, Чехов-чайка. Общепонятность стен, камней, ступеней. Что пользы в нем? Так улетай же! Оторвешься от души Рода. Антей, обесточен. Моисей на Синае, речи молний, голос Бога, спуск, разбитые скрижали. При постройке Великой Китайской стены погибло 8 млн человек. Камикадзе – божественный ветер. Музыка – самое абстрактное из искусств, а

больше всего ранит человека. Слепой в очках, в голубой куртке. Нобиль, динамит. Сара Бернар, пилочка ювелира, пустые скорлупки новых лун. Что было здесь и что будет там? Белый сфинкс у двери, дверь приоткрывается, медленно-медленно, незримо вошла она, смерть. Мрак, бред, на столе свеча в красном круге. 13, слякотно. Умер патриарх всея Руси Алексей. Мутно, сыро, Эратосфен, папирус, свиток 3 метра 20 сантиметров. Артклуб, выставка. Политехнический, встреча, 4 экземпляра, моих, прогулочных. Тревоги, сухо во рту, блеск бала, лицо ее сияло восторгом счастья. Исполком, 4 этаж, встреча, сестра, бесснежно, безоглядно. Окулист: «Зачем-нибудь вы же пришли сюда?» Невский в красе, желтоглазый коньяк, шумное веселье, павлиний хвост. Погуляли мы с тобой этот вечерок, друг-ситечко! Мощно и филигранно. Это не здесь. Провода под током.

Метель, у нашего дома роют траншею. Таиланд, Сукотаи, слоны, заря счастья, тысяча Будд. Гадамес, древний торговый город в северной Африке, оазис, которому нет равных. Финики – деньги Сахары. Фанагория, древний греческий город на Таманском полуострове. В Фанагории скрывался свергнутый византийский император Юстиниан Второй Безносый. Ему отрезали нос, чтобы лишить власти. Считалось, что человек с увечьем не может занимать трон. Он сделал себе золотой нос. Собрал армию, захватил Константинополь и вернул себе трон. Приказал отрезать носы всем своим врагам. Ходили платить квартплату. Вечером фильм, Урусевский, кинооператор, «Бег иноходцев». Ахенский собор, октагон – восьмигранник, золотая гробница Карла Великого. Мело, бело, встречать на Московский вокзал. Опять

я всё перепутал, Анна да не та, вагоны, колеса, ель несут. Переступить порог – и конец. Шаг Командора, тяжкая поступь дней, сотрясающих жизнь, нашу с тобой, друг единственный, эту жалость и малость. По ту сторону, над бездной. Не споткнись, не поскользнься. К нему на Ржевку. Сопровождать в аптеку. Он в кожаном американском пальто до пят, неповоротлив, как в скафандре. Вергилий и Данте. Твой звездный час. Поставил свечку перед иконой Божьей Матери и молился за книгу. Михаил Калатозов, «Красная палатка». Древний город Майя Паленке в джунглях центральной Америки, в IX веке был покинут жителями и забыт на тысячу лет. Живописно-музыкальная плоть мира, трепещущая, чувственная, эта цвето-музыка бабочки-однодневки, танцующей свой предсмертный танец. 31, последний звонок года.

По новому кругу. Январь, яркость. Повез на казнь рукопись, в обувной коробке. Небо в ребрышках, артист, капелька ртути. Увенчанные лаврами, дивные и вещице. Жизненная правда и нравственный идеал. По-своему ставит слова и звуки, в своем порядке. Буран, насморк, Рождество, Казанский, толпа, свечи. Сучья качаются во мраке, Блок, несказанное. Широкое сердце, шире мира, задыхается, синие круги подлунных шестивий. Параджанов, «Легенда о Сурамской крепости», 85 лет со дня рождения. «Память, вознесенная в образ. Я должен вернуться в детство, чтобы умереть в нем». Болезнь, температура, честная ртуть показывает сорок, и снова вечер. Неделя без воздуха, безвоздушная, семь кошмаров, бронхит, мороз, гололед, черная полоса. Приснилось: пишу книгу «Суеверия великих писателей». Все еще болею, не выбраться из этой ямы. Преступное, низкое,

желтое, сытое. Желтый – цвет предательства. Иуда избражался в желтом плаще. Пятница, мороз, на Ржевку. Рукопись-ребенок. Зарезана. Тройка, семерка, туз. Ваша карта бита. Имя во мраке, о подвигах, о славе. Эхо последнего разговора. Он: «Я сейчас вообще живу без головы, болтаюсь, как какой-то кусок говна. Какой-то обломок». Я возразил: «Золотой обломок». Он: «Золотой еще хуже. Золото – значит, тяжелый. Скорее на дно пойду».

Февраль, мне 62, тусклость, месяц-враль, Феврония, камень за пазухой у судьбы. Пушкинская, литературный вечер, обо мне, филолог, казак лихой, орел степной. Заговорят, заговорят! Некуда назад! Телефон в час ночи, пьяная исповедь, совесть мучит. Таянье, дождь. Нет звона. Нельзя писать, нельзя жить. Надо, чтобы дух пылал. «Станционный смотритель», режиссер Сергей Соловьев. Гусар – Михалков. Мойка; нет, весь я не умру; толпа, речи, память той смерти. Кровь на снегу, Черная речка. Весь день молчим. Документальный, американский, Эдгар По. Его называли «Ворон». Был найден на улице в Балтиморе, без сознания, в чужой одежде. Седое утро, 13, снег. Лоран Эскер. Поэзия – это кульминация речи. Когда русская музыка исполняется китайцами, то в ней слышится китайская речь. Сократ о Платоне в передаче самого Платона: «Клянусь Гераклом! Сколько же навывдумал про меня этот юнец!» Сретенье, лыжи, мутный зимний день, мятущиеся метелочки, черная решетка, заснеженные деревья, дома, промельк машин на улице, шахматисты под синим навесом. Философское собрание, кидают камни ума в золотую паутину поэзии. Релевантность – что бы это такое могло быть? Похороны писателя Анатолия Степанова, Северное кладбище, ели-

великаны, снег, замерзли, водка, метро Озерки. Встречал ставропольца на Московском вокзале, страшная рань, половина шестого, подвез Миша на машине. Ставрополец шатается, в руках сумищи, весь тираж, 100 экз., привет из Кабардино-Балкарии. Нальчик. Нашел, идиот, где издавать своего «Дон Кихота»! Метель, напился, ссоры. Сегодня заявила с серьезным лицом: «Нам пора расставаться». Помирились. «Чем больше мы знаем – тем больше надо знать, чтобы отменить то лишнее, что мы знаем». Акулы в тумане, их кровожадные рассуждения, Гиперборея, черно-белое мельканье клавиш. Встреча в метро, философ, ум-нус, энтелехия. Крыть нечем. Худогласен и косноязычен аз есмь. Книжный магазин «Родина», Велес, буквые дощечки.

Март, таянье, «Хевсурская баллада», молодая Чиаурелли, горы, снег, две черных фигуры в косматых шапках, наведенные ружья, выстрел. Литейный, Ахматова, библиотечный коллектор, пудовый рюкзак с сочинениями, моими. Постоял в саду, солнце, голубое небо, снег тает, как тогда, в такой же мартовский день, она, в черном пальто с меховым воротником. На Невском окликнул писатель Тропников: «Овсянников, куда бежишь?» Мои безответные звонки, туда, в никуда, в бездну отчаянья. На платформе, блеск рельса, поезд отменен. Добрались, стол на дворе, по-родственному, брат, двоюродный, водит автобус, Евгений, не бедный. Возвращались под хмельком, Луна и Венера. Телефон, из отдела редких книг, делают книгу «Белорусский Петербург», нужны сведения о моей причастности к Белоруссии. Музей Достоевского, вечер Кости Крикунова, Шельвах, Ильянен, мокрый снег. Малая Морская. Здесь жил Гоголь. Сверху

идет сила, но внутри нет духа. Орфей – лечащий светом. Сны, темно, мокрая метель, дни-ночи, пусто-густо, хожу, как мертвый, отделение милиции, поликлиника, гаражи, стрекот капель, чириканье воробьев, в глазах черно. Моисей повел евреев из Египта, когда ему было 80 лет. И заревет на него в тот день как бы рев разъяренного моря; и взглянет он на землю, и вот тьма, горе, и свет померк в облаках. Увидевши Тебя, вострепетали горы, ринулись воды; бездна дала голос свой, высоко подняла руки свои. И будет небо над главою твоей медяно и земля под тобою железна. И будешь обидим и сокрушаем во все дни. Все словеса, написанные в книге сей... Среда, читать, голос глухой, как из пустой бочки. Туман, таянье, автобус, еду, черные клены, кресты, тот ноябрь, чистый снег, утром выпал, белый-белый, как божий покров, царствие ей небесное. Чтения, Гоголю, нобелеаты, я читал «Лестницу» и «Жалейку». Сергуненков: «Вы же талант». Случайные встречи, беспамятство, дни выпадают, блеск стекол, Мойка. Вам нужен труд, вам просто нужно заставить руку побегать по бумаге. Славная собака Париж. «Мертвые» текут живо. Приморская, о Платоне. «Ну что это за название!». Не падай, гордый человек! Стой твердо на своих двоих! Стой, как гора! В. Алексеев, А. Михайлов, «Борей», выставка Ю. Медведева, шестеро в лодке. Шесть писак. На носу, сине-зеленый, что-то птичье, морское, волосы-перья. Чайка, не чайка. Не скажи я сам себе, что это – я, ни за что бы не поверил. Тропников: «Я как Печорин, простужаюсь от раскрытой форточки». Звонки в неизвестность, Н., кашляет. После смерти Гоголя осталось имущества всего на 48 рублей и 38 копеек, старые панталоны, жилеты, носки, 262 книги. Александр Род-

ченко. «Клоуны и акробаты не могут быть реалистом. Я предпочитаю необыкновенно видеть обыкновенное, чем обыкновенно видеть необыкновенное. Я предпочитаю из обыкновенного делать необыкновенное, чем из необыкновенного – обыкновенное». Понедельник, исполком, сестра, дела по наследству. Гуляли в парке, таянье, рыхлый снег. Институт Герцена, с Невского налево, сто шагов, за решеткой, памятник Ушинскому. Тускло, вьются хлопья сырого снега. Вход в библиотеку, Зимний зал. Пальмы в кадках, от окна дует, на экране портрет Гоголя, речи ораторов за трибуной, старики и старухи разглагольствуют о великом писателе, о молодом человеке, умер в 43. После речей – столы, шампанское, коньяк, закуски. Вышли, темнеет, до метро, Валентин, бывший моряк, военный врач на пенсии, капитан 1-го ранга, веселый, громадный, орел. А мы с ней – два неразлучных воробушка. Ночью – жар, не уснуть, читал до 6 утра Ю. Манна о Гоголе. Брезжит что-то, призрак нового дня, страшный, пустоглазый, в талых подтеках. И ужасеся сердце людей, и бысть яко вода.

Апрель, отключили отопление. Патриарх Кирилл, Вырица, толпа у церкви, чествование Серафима Вырицкого, богослужение. Дух слова и слово духа. Дух пишет, как дышит. Назначенная встреча на выходе из метро канал Грибоедова, Сергуненков, идем к Сенату смотреть, правильно ли крест поставлен. Нет, не на восток. Большая Морская, в Союз художников, выставка Климушкина. Коготь бессонницы, опять, опять эти страхи. Ибо в ночи не спит сердце его. Тоска, шуршание шин в переулке, всхлипы слякоти, синий фургон «мебель для квартиры». Тускло, Витебский, доска рас-

писаний, асфальт сухой. Троллейбус «восьмерка», до Троицкого собора, ей надо помолиться, а мне?.. Купола синие в золотых звездах, два малых, новенькие, а центральный после пожара еще не восстановлен. В Италии землетрясение, жертвы. В Шушарах железнодорожная катастрофа, столкнулись товарняк с электричкой. Книга ночного неба, реченья созвездий, страница Млечного Пути, светящаяся пыль письмен. Блуд слов, ветвистые витии этих чащ. Бодлер, ветер, яркость, крики воронья; прошлогодние листья летят над землей в голой чаще. Страшная, мертвая стая. Мы с ней на Марата; идем, «Медтехника», музей Арктики-Антарктики, белые колонны; полчища грязных городских голубей, у них битва, буря крыльев, шум и ярость, бьются насмерть за корм – рассыпанное на ступенях пшено. Душный асфальт, толпы, траншеи, машины, светофоры, вывески; жду, когда она выйдет из этих стеклянных дверей. Обещали дождь, небо уже такое, достаточно мутное и нахмуренное. Вынырнули из метро – вот и он, брызжет потихоньку, запах влаги, тепло, апрель, веянье это. Ничего, ничего, поживем еще. Купили прибор – повышать углекислый газ в крови. Ларин, рак почки, завтра на Березовую. Пролить слезу над ранней урной. И возвратится персть в землю, якоже бе, и дух возвратится к богу, иже даде его. Дымчато, пруды, костры. Гоголь Аксакову: «Вообще же я человек не мистический». Перед смертью Гоголь по требованию священника отца Матфея отрекся от Пушкина. На обрывке бумаги неоконченная запись: «Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок?» Дальше рисунок: книга захлопывает человека с

лицом, напоминающим лицо Гоголя. Последние слова Гоголя: «Лестницу, поскорее давай лестницу!».

Умер Вильям Козлов. Минута молчания. Почтим память. Пасха. Ее несчастная слепая мать кричит по ночам, галлюцинации. Васильевский, ЛЕНЭКСПО. Пятый час! Опоздал! Гоголь и Белинский. В «Книжную лавку писателей». В пыли по магазинам, не брал и не берет. Плетусь, блеск чешуи, крики чаек. Так это пруд? Крест в облаках. Петра и Павла. А там, за церковью, под солнцем – золотая дымка, земля зеленовато-бурая, по Стачек постукивают трамваи, ветер шевелит сухие, прошлогодние листья, собаки бегают вдали по лугу, играют, весна, апрель. Стою, смотрю. Ведь таким несчастным себя чувствовал, таким ненужным, таким убитым. А тут полегчало. Эта ниточка еще тянется, ножницы подождут. В Карелию. Рань-ранняя. Доспим в машине. Собратья по перу. Поселок Пряжи, встреча в школе, директор, две учительницы, школьники и школьницы, музей боевой славы. Привезли им в дар наши книги. Нас чествуют. Таянье, блеск ручьев на дороге, кучка школьниц предвыпускного класса, расстегнутые куртки, юные лица, покажут достопримечательности. Деревня Маньга, старая церковка на горе, деревянная, окошечки, разбито стекло, ветер гуляет, в углу рисованная иконка «Ангел золотые власы», обернутая рушником с узорочьем, рушник трепещет на ветру. Лесное озеро, сосны, тут все еще под снегом, дико, дремуче. Обратный путь, Свирский монастырь, нельзя не посетить. Огромное озеро подо льдом, молитва у мощей святого Александра Свирского, молебен, колокольный звон, солнце, монастырский двор, черный монах в рясе и колпаке с развевающейся накидкой, березы, галки.

Энергия имени. Гамлет, померкло. Остальное – молчание. В слове светится его сердцевинка. Дионисий Ареопагит, «красота» (калос) от «килко» – «призывать». Проблематично, а не канонично. Количество буквы и количество духа обратно пропорциональны. Чем больше букв (слов), тем меньше духа. Искренний – твой ближний, плечо друга на дороге. Человек есть творение словесное. Красота языка скрыта в архаике. В слове сокрыта самая великая энергия, известная на земле. Человек – это его речь. Скажи слово, и я скажу, кто ты. «Я приходил к вам, братия, возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости. И слово мое не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы». Ап. Павел. От Бога должно исходить непонятное слово, если слово понятно, оно слишком человеческое. Для того, чтобы слово что-то изменило внутри человека, надо, чтобы он понял. На примере санскрита: насколько важен звук, сочетание звуков – чтобы настроить на высшие сферы. Говоря о Боге, представляем мы образ или понятие? Понимаем в понятии или чувствуем в образе? Молчание, отрешение от речи – полнота присутствия Божьего Слова. Да умолчит убо всякая плоть человека.

Май, луна-чайка, тесно в стенах; тоска, тоска, трамваи по Стачек, этот стук, лязг, блеск стекол... Махнем куда-нибудь, крыло седое, Татлин-Летатлин... Гулянье, пруд, луг, костры, шашлычные дымки, машины. Малинин в камзоле, «Луной был полон сад». Звонки, встречи, речи; усталый раб, побег, расписание поездов, Витебский. Бессонные ночи, ссоры. Поздравляю: отросли коготки – рвать мне сердце. Мышья беготня, Парки лепе-

танье. Панченко: «Я эмигрировал в Древнюю Русь». Не любил интеллигенцию, «интеллигент» для него было бранное слово. Показывают картины, немые кадры, рябь дней. Психея-волна, изумрудный блеск изнанки. Нахлынула, схлынула. Библиотеки, читальные залы, книги, книги, каждая кричит о себе: «читай меня!» Разноголосый хор книг. Рев авторов. Писатели – честные, серые тряпки, литература – их бессменно шумящий и грохочущий цех, каждый за своим станком. Что ж, поживем врозь, она в городе, я – здесь, у Бога за пазухой. Натопил печь, жарко; тяга луны, сад, рай в шалаше, вздохи, шорохи; два бледных призрака, Адам и Ева. До грехопадения или после?.. Ставил парники, пилил дрова. Вечером к реке, Оредеж, ярко, прожектор с того берега. Так это ж она – чертовка! Царица ночи. Геката. То стеклышко, бутылочное, у него, на плотине... Опять жарко натопил печь. Панченко, свеча, Аввакум, боярыня Морозова в яме, умирающая от голода, просит у стерегущего ее стрельца: «Умилосердися, раб Христов! Зело изнемогах от глада и алчу ясти, помилуй мя, даждь ми калачика». Стрелец отказал: «Ни, госпоже, боюся». Вернулся в город. Вот еще, она и не думала горевать. Разлука ты, разлука, чужая сторона. С луны свалился? С Марса? Порохом пропах?.. Мы тут празднуем. Не знаем, как у тебя, а у нас День Победы! Простором подышать. Березовая роща! Зеленеет! Давно не виделись. Светло, легко, Забела-Врубель, девушка, освещенная солнцем. Громовый хор лягушек, с реки, в камышах. Брачный чертог, песнопенья, Гименей. Поздно. Нахватаемся сырости. Аристотель Фиораванти – цветок на ветру. Решето переводов. Ураганное утро. Шкловский, Якобсон: самолеты нашей

мечты так и не взлетели. Аз состарюсь и пройдох дни. Аз же днесь отхожу в путь, якоже и вси иже на земли.

Любоваться цветущими кленами. Молчим. Вечером ссора, люблю, не люблю. Помирились. Работал в саду до семи вечера, посеял укроп, редис, репу, лук, салат, шпинат, щавель. Начался дождь, польет мой посев. Встал в пять, светает, мглисто, запахи, тишина, жемчужно живем. Зеленые паруса лесов. Смотрю на мир через призму мощи. Могу, всё могу – и то, и это. Книги-ракеты, запущенные в дальнюю галактику на краю Вселенной, им лететь биллионы лет. Глаз солнца между сосен, яркий голос соловья. Южно-приморский гранит, тучи, ветер, костры, шашлыки, пиво, гульба, музыка, пьяные, толстозадые. Панфилов, Фильм «Мать» по Горькому, оператор Агранович. Красное знамя, вокзал, жандармы, кровь, мать – Чурикова, конец. А мы с тобой предполагаем жить. Продолжение следует. Стоит в степи каменная баба, ждет, когда приду и поговорю с ней. Скучно ей одной стоять века. Самые необходимые слова в роковые минуты. Страшные слова, от них сотрясется земля. Цветущие шатры черемух, майские мечты, белые ночи, соловьи, пруды. Ночью у крыльца, смотрел на звезду, Вегу; какой-то тихий, едва слышный серебристый звук сверху. Чтоб это могло быть? Посадка злаков, тепло, южный ветер, яблони в цвету; кукушка, голос ее из-за реки, гулкий, влажный. В городе. Жаркий день. С ней на Невский. Дворцовая, фотографировались у золоченых ворот Эрмитажа, у атлантов. Пешком по набережной, до площади Труда, закат на Неве, жарко; лайнер разворачивался у моста Лейтенанта Шмидта, белоснежная громадина. Домой вернулись

в начале 12-го. Так ведь белые ночи уже, можно хоть до утра гулять.

Июнь, Витебский, везу рассаду, огурцы, кабачки, тыквы. Жара, сирень. Сварил куриный суп и гречневую кашу. В саду, голый. Вторник, молочница, бывшая филологиня, теперь у нее ферма. Пришла косить траву. Четверг, дождь, холод, простуда, бессилье, дышу, загнанная лошадь. Утро, окно, сирень, шум дождя в саду, шелест его струистых страниц. Капитан Копейкин, дотащился он кое-как до Петербурга. Въезд в какой бы то ни было город. Предстанут колоссальные образы. Появится какая-нибудь книга, в которой скажется иногда горькая правда. К чему таить слово?.. Воспитанному суровой внутренней жизнью... Дождь, буря, холод, стихии разыгрались, потрясены основания, ждем конца света, предсказанного майя в 2012 году, уже скоро. Сметет, смоеет. Мир-жир весь из дыр. Неартистично, черный квадрат. Троица, на кладбище в Красное Село, отец, теперь и мама, цветы на их могиле, помянули. Фильм о Горбовском. Для звуков жизни не щадить. Холод, мгла, дождь, едем, метро Московские ворота, Новодевичье кладбище, годовщина смерти Миши. Там уже собрались его друзья музыканты. Дирижерская палочка на надгробной плите. Склепы, могила Некрасова, монастырь. Какие все стали старики. Поминали в беседке, жгучая водка. То в город, то из города. Полный вагон, жарко, сосны, шиповник. Вечером гроза. Сидел наверху у раскрытого окна, молнии летели в глаза, вспыхивая, как цветы. Отгремело, отсверкало, расколотые скорлупки, ехали с орехами, юность, свежесть, спать... Часы встали. Утренние поезда. Сон — Сатана на черном троне. Низвергнут. Стрело-

видная ласточка. Ревень под окном, сочно-зеленый, лопушистый, разросся. Память о маме. Бедная моя мама, видишь ли ты меня?.. Мечты и звуки, радужные мосты сожжены. «Влечения – мифические существа, великолепные в своей неопределенности». Зигмунд Фрейд. Неужели? Неожиданность девичьей ножки у психоаналитического слона. «Промежуток между ужасным действием и первым побуждением похож на призрака или кошмарный сон». Шекспир, «Юлий Цезарь», слова Брута. «Тот, кто отнимает двадцать лет жизни, отнимет столько же у страха смерти». Там же. «Человек не может жить без постоянного доверия к чему-то неразрушимому в себе, причем как это неразрушимое, так и доверие могут постоянно оставаться от него скрытыми». Галка из Праги. Обугленный шкаф, процесс превращения из Александра Македонского в глину для затычки, разрушенный замок, туберкулез, завещание – сжечь все слова, написанные его сновидческой рукой. Всю ночь дождь, и сейчас хлещет, шум низвергающегося потопа. Отверзлись хляби небесные.

Тучи, стучу на машинке. Дожить до пятницы. На почту, заплатить за электричество. Соломон, вброд через этот словоблудный поток. «Да?» «Да!» «Нет?» «Нет!» Волчий вой. Изречения, тощие и толстые. Искусство – это укус вурдалака. Чувство красоты, правды и меры. Бедное, бедное ископаемое, позвонки, клыки. Жарко. Бродяга с сумой на плечах, «нобелюку получил». Его ненависть к Блоку. Соловьиный сад. Я ломаю слоистые скалы в час отлива на илистом дне. Ахматова об этих четырех: «Волшебный хор». Любимое слово рыжих – «метафизика». Сестра как никак, надо ехать, вот и ей 58.

Холмы, мглисто, стол. Обратный путь, дождь, промочил ноги. Ночью, во мраке, при фонарях – фантастический шум ливня в переулке. Долго слушал у открытого окна. Один в квартире. Старый американский фильм, герой побеждает всех, всю банду. Проснулся, сводит ноги, боль жуткая, стонал, выл, растирал голени. Что такое со мной? Все мерещилось в мозгу: этот свой внутренний голос, свой язык, на котором я говорю, только я один, и никто, кроме меня, на нем не говорит. Вот никто и не понимает меня, когда я говорю на этом моем языке, он такой серебристо-сиреневый, птичий, что ли. Чтобы меня понимали, я говорю на их общем, человеческом языке, который для пользования, а свой прячу подальше. Понедельник, два дня в городе. На Пушкинскую, Алексеев. Сжатость и краткость. Это у Хемингуэя?.. Побег из города, поживем, еще бы лет десять. Божья дудка за пазухой.

Собака ночью на дороге, разбудил лай, не уснуть. Воздух в саду острым холодом веет, сырой. Обрато в дом, задремал под утро в шестом часу; уже светло за занавеской, в голове карусель черных мыслей, апухтинских, гром первой электрички в город, многоколесный железный вихрь. Приехала, бледная, озабоченная. Ходили за молоком на ферму, через железную дорогу. Козы, рыжий конь, теленок, куры. Петух, великолепен, орет во всю глотку, горлопан. Молочница (филологиня) подарила ведро навоза. После обеда купались. Радуга на сизом небе. Уехала. Ночью проснулся, кто-то шебаршит в углу. Мышь, крыса? Лежал без сна, опять дождь, шум ливня, уже светает, да и была ли ночь. Утром облачно, запах влаги в саду, солнце выглянуло, повеселей в мире; а вот и опять тучи, темные, дождевые. У Льва Толстого есть эпи-

зод с моей фамилией: некий Н. П. Овсянников написал рассказ «Эпизод из жизни графа» и прислал Толстому на суд. Тот сделал в этом рассказе поправки. Похолодало, сплю на веранде. Острые роста, на этом хрупком острие нового, на кончике языка готовится удар новизны. Лев Толстой о Кюхельбеккере: «Обманное призвание». Правда глаза ест, горькая луковица. Извлек экстракт из древа жизни: добро и зло. Воскресенье. В городе, один в квартире. До полуночи смотрел «Остров сокровищ», Сильвер – Борисов. Проснулся в девять, холод, дождь. Побег из города, бессонная ночь, больные, слепые. Спал наверху, под утро разбудили вороны, грохотали когтями по железной крыше. Распахнул окно, тучи, запах влаги. Лег опять, дождь начался, шум дождевой сильней, громче, с нарастанием. Забылся. Опять проснулся, дождь все хлещет. Сад затоплен. Привезли дрова на самосвале, дотемна таскал к сараю. Чурбаки, колоть. Лев Толстой о подделках, лжеискусство. Сплю без снов, ночи теплые. Живем втроем. Она в одной комнате со своей несчастной слепой матерью. Три года как ослепла. Имя с берегов Эгейского моря, твержу, твержу эти л, а, р, с. Посреди ночи разбудил ее страдальческий голос, вопль отчаянья. Что-то с грохотом упало на пол. С нашей дачею дощатой может и не то случиться...

Зацвел жасмин. Колю дрова. Толстой против Шекспира, обвиняет в отсутствии меры, все у него преувеличено, все чрезмерно. Что же мне делать с этой чрезмерностью? Куда мне с ней? В Елабугу?.. Мглисто, сад после дождя. Буква – атом письма, незримый господин, раздвоенный язык, жало мудрых змей. Решето, стерто, Астарта, увенчанная луной; и птичий клюв Тота, бога

писцов – рогатый повелитель моих кошмаров; громкий разговор трех цыганок на дороге у нас перед домом. Разбудили, ведьмы. Бродяга, вброд, через родную речь, утонет идиот, глубоко, омуты. Стихотворение – это лингвистическое событие с фитилем в руке динамитчика. Тучи, влажно, мешает музыка у соседей. Снилось книга, написанная водой и ветром, – то, на что горестно отзывались мои нервы. Может быть, это последняя книга, написанная мной в соавторстве с этими двумя стихиями, когда нервы еще отзываются на жизнь, угасая, замирая. Пишется не для читателя, не для себя, не для самой книги. Пишется, потому что нервы дрожат от ударов извне и отзываются то стоном боли, то вскриком радости. Нервы текут, как вода, как река, от истока к устью, от рожденья к смерти, нервы-струны, нервы-струи. Орфей растерзанный, вдоль Гебра, вдаль... Кончено, кончено... Голова и лира... Замерли, рояль молчит. Сосна. Закат. Каждый день этот исполинский Уход. Опять и опять тонуть в себе. Погружение в бездонное одиночество. Сочится подводным свеченьем разрезанный надвое гигантский лимон. Фразы-водолазы. Столкновение поездов смысла и образа в одном слове, катастрофы, взрывы, на суше и на море, на небе и на земле. Мысль мгновенно меняет лицо, она уже незнакомка, упругие шелка, духи, туманы... Откуда она? Из головы Зевса? Или дитя воды и ветра? Чья это игра? Кто играет с человеком в жмурки и кошки-мышки? Это Водолей, это Он со мной играет, неумолимый, на жизнь и смерть. Но не хочу, о други, умирать, я жить хочу... Сегодня нашел в лесу диковинное корневище, Божье создание. Нерукотворное.

Формы и формулы, орел и решка, двуединое жало. И Божий лик отобразится в них. Мать-Земля, Гея, в головах всех ее сыновей одни и те же мысли, Ее мысли, сполохи Северного сияния, игры творящих превращений. Кто ты, Великой Матерью любимый? Смертной мысли водомет... Но длань незримо роковая... Мысль, Царевна-Моревна, растворенная в море-океане, в воде кругло-синей, София, Премудрость Божья, по всей Сфере щедрот. Кристаллы соли, выступившие из центра сил. Бедные кристаллики, им хочется обратно в раствор. Облачно, ночи потемнели, душа – шар, внушение свыше – нашам, дыхание бога. Юлий Цезарь отсчитывает последние золотые денечки своего месяца. Вначале были чары, волшебство, колдовство, шепот молитв и заклинаний, колдовская сила, Орфей. Искусство – иридий, редкий металл, неземной, метеоры из космоса. Сказанные слова – это только пузыри на поверхности моря, обнаруживающие след плывущего под водой на глубине неизвестного чудища. Настоящие, главные слова – это несказанные слова, подводные. Слово плывет на глубине. Сказанные слова этого глубоко плывущего скрытого Слова – пузыри на воде, следы его движения. Читатель плывущего на глубине Слова, ау, ау!.. Писать тревожно и тщательно. Вот ты какой словесник-кудесник; посмотри, щепка, на себя в зеркало! Скелет тебя краше! Высосало слово из тебя всю кровушку, тварь дрожащая, бессонная, вздрагивающая от каждого шороха. Звук рисует узоры у меня на столе, завитки морских раковин, приливы и отливы, пульс воды и ветра, ритм дыхания Водолея. Третьяковский, серебряный колокольчик его трактата. Стрела кремнистого пути. «Поэзия – токмо звук». Тяжелые сны,

сырые ночи, утром роса, ласточки, солнце на час, обессилен, руки как ртуть, дрожу, безлунность, капельки звезд дрожат вместе со мной, всю ночь, всю ночь... Страшна бесчеловечная старость. Приехала, купались. К вечеру у нее поднялось давление, лежит, голова замотана белым платком. Запах еще горячего смородинового варенья. Остынет – разольем в банки. Ночь, дождь, мрачно.

Проснулся с головной болью. Прохладно, комета. Катится это черное, многоглазое колесо; бабочка порхает над маком. Асмодей, чрезмерность. Гомер, тугие паруса. Гордо задранная голова, пиджачок, тубетейка, всегда и везде читал свои стихи, громко декламируя, маша правой рукой, левая, сжатая в кулак, в кармане пиджака, опустив веки, никого не видя, слепой, натываясь на встречаемых. Возьмет за пуговицу, отведет в угол или в тень и читает свои стихи, в Крыму, в Москве, в Петербурге. Потерял Данте на итальянском. Волошин требует книгу назад. В ответ ярость: Волошин подлец, мерзавец, как он смеет требовать! Пишет Волошину громовое письмо в Коктебель: «Знакомство с Вами – это большое несчастье». Понедельник. Всю ночь дождь, гроза, Илья-пророк, просыпался раз пять, сыро, рано, поезд прошумел, как птица. Елена, еле-еле, западают клавиши памяти, старость. Серебро годов, с тобой мы в расчете, молниями телеграмм... Володе шесть лет, на дворе чуры – грузинские кувшины для вина, большие как быки, лежат на боку. Володя забирался в такой кувшин и декламировал оттуда своей старшей сестре Оле: «Был суров король дон Педро». Слои языка, породы Земли. Душа моя! Гостья ты мира... Пчелы черных солнц, язык бессмысленный, солено-сладкий. Ночь,

дождь, вино, горячий шепот, луна. У, какая! Дракон в тучах! Спускаться по ступеням в подземелье своего сна, спать. Бред, голоса из космоса. Выросли новые органы чувств, ломкие, чуткие, как отраженья на призрачной, черной воде; усики, ромбы, спирали, глухота, слепота; устрицы, спящие в лунных раковинах.

Плющ разросся, завесил окно на веранде, надо его обрезать, – говорит она мне – чтобы стало опять светло. Психопатия, радиоприемник у соседей. Холодная ночь, спим врозь. В семь утра спустилась с верхнего этажа, говорит, замерзла. Шум поезда – лавина с гор, не хочется вставать так рано. Да и зачем? Лежи себе, лежащий камень. Самое важное скажется само, лозы прозябанье, три пальмы, пустыня-гусыня, совесть-повесть. Вольтов внутри нет. Чувствую чистые линии письма, художник бедный слова, взыскательный искатель фраз. Курносая Истина на троне-черепе. Полнолуние, сыро, холодно. Разбудила собака на дороге, лает и лает. Вышел за калитку отогнать. Луна гигантская во все небо, Ярое Око. Ненаписанная книга, призрак, смотрит, вещие зеницы, Иезекиил. Лежу, труп, в пустыне, жду воскресения из мертвых. Божий глас: «Встань!» Встаю, иду. Что-то брезжит в тумане. Туман редет, берег, старая сосна, река. Так это наш Оредеж! Он самый и есть! На борту лодки номер желтой краской. Не прочесть, расплывается. Беспмятство, забвенье, Лета. Ладони ковшиком, зачерпнул, сладкая, утолит жар. Чувствую в себе громадную силу. Эта сила ведет за собой, как яркая, сверхмощная звезда. Вот она растет, разгорается в небе, все больше, больше, грандиозная, космато-огненная. Ведет за собой – вестница великой судьбы...

Идем к молочнице, в баню, солнце, яркость, жаркий летний день, двор, куры, козы, гуси, рыжая кобыла. Опять ночь, чары луны, невесомость, экстремизм этих излучений, ножевых, пронизывающих кости; сам я в белой рубашке, лунный, безумный, бессонный, с камнем в руке. Кто дал мне этот белый камень? Имя на нем начертано. Мое имя. Это имя тайное, не то, каким меня называют здесь, на Земле. Это мое тайное имя знает только один Бог. Вот Он зовет меня, глас Его слышу в ночи, призывает меня, произнося это тайное имя. И я иду, иду... Опять снилась ненаписанная книга, с рисунками морей и гор, как гигантская жемчужина в перламутровых переливах, скрытая в раковине звездно-сферической обложки. Загадочная способность писать вилами на воде, коготь льва, хвост скорпиона. Вышел, луна, белое пламя, ледяной жар, страшно. Вообще – жить страшно, как это я прожил 62 года с таким страхом? Постоянная дрожь внутри, нервная лихорадка, ничем не унять. Спим врозь, брачные узы ослабли, вот-вот оборвутся. Слышал: встала в семь, ехать в город, не выспалась, ее слепая мать, шум и крики среди ночи. Измучилась. Утром – солнце, и ничего, опять живется, радость-младость. День, как на дне, тяжесть водяного столба давит на позвоночник. Сад замер, гроза зреет, тень Титана. Читаю Книгу. Чудовищная! В каждой букве заряд в миллион вольт. Написано молниями. Слеп. Пошел купаться. Вода, жизнь, Мильтон, огнистая рябь, письма солнца, порывы теплого ветра, еще лето, и я на дороге, прозревший. Мглисто. Снилось, будто я сплю с коровой: морда коровы, а тело женщины. Минотавр любви, страшные ласки. Утром у реки, три резиновых лодки с гребцами, проплывали мимо и уплы-

ли, исчезли из глаз. Записав эту фразу, резко понял: лодки в глазах и лодки в словах – ничего схожего. Ужасное открытие! Сильно испугался. Девушка, письмо, дикие песни нашей родины, вся в черном, вся стерлядь. Железный тон. Мощь в тонких вещах. Тонкое –вещее. Вибрация струнной души, нет-нет да и послышится какой-то только мне свойственный тон и тут же пропадает в гласе воды и ветра, заглушается в шуме мира. Идем с ней через лес к платформе. Прислушались: не поезд ли шумит? «Идет!» воскликнула. «Бежим!» «Подожди!» остановил я ее. «Это ветер в соснах. Никакой это не поезд. Ветер, ну, конечно». Она не верит, вслушалась снова. «Ну как же ты говоришь – ветер. Это поезд, я точно сейчас гудок слышала». Но я-то не слышу этого гудка, который, якобы, слышит она. Сказано же: поезда отменены до вечера. Потемнело, туча, черно-сизая, ползет с запада, от реки, над дорогой, на нас. Сейчас пойдет дождь...

За стеклами в Вырицу. Она знает, где продают. Стекол нет, будут в конце августа. На рынок. Скрылась за дверью, той или этой, мясо, мед, рыба. Стою, жду, лотки, прилавки. С громом проехал фургон, едва не задев меня бортом. Потемнело, дождь. Черное крыло. Ее все нет. Лариса – ее свистящее волшебной флейтой имя. Ах, Моцарт, Моцарт! Пропала, сквозь землю провалилась. Персефона, ласточка, Орфей в аду. Тревожно, страшно. Сны, звездно. Лечу ввысь, в эту разверстую бездну, держа в руках тетрадь и ручку, быстро-быстро записывая неслышанную, фантастическую, неземную жизнь. Сажу в норе, глубоко-глубоко под землей и пишу какую-то земляную, геокнигу с кристаллами различных, неизвестных миру пород. Вулканическая тоска, не печалься, друг пепел.

Гаснем помаленьку. Стар – убивать. На пепельницы черепа! Старому лучше не жить. Спать, вспять. Маяковский, его последнее выступление. Шатаюсь, сошел с трибуны, смертельно усталый, разбитый, бледный, сел на ступеньку, никто не подаст стул. Зал орет тысячью злобных глоток: «Маяковский, ваши стихи нам непонятны! Вы не поэт!» Потомки, потемки, кипяченая, сырая, товарищ жизнь, брызнь. Дождь весь день, к вечеру стих, гуляли у реки, мрачно, сосны, корни. Читаю, птичья карусель, Чайковский, патетично, время содомское, стакан холеры. Неписательно, ни буквы с пера не льется. Ордеж в тумане, плавники, жабры; Набоков на велосипеде, блестит звонок. Рыбак в лодке, размахнувшись, закинул удочку до середины Днепра. Эх, мировой замах! Ловец! Зацепит за сердце, поведет смычком по душе. Пепел рухнувших планет. Полуслова и полутени. Светало. Но не рассвело. Клубки и спирали, хороводы, узоры, черный воздух этих миров. Страшно спать, тропа Трояна, шумер, халдей, пилотирует, скалы, волны, детская пятка Икара. Мглистость сада в запотелом окне. Рано, еще не заря. Под утро забылся. Поезд-петух.

Ходили в лес, грибы, брусника, черника, вернулись под дождем. Вечером писал письмо в Ставропольский край. Спал плохо, комар пищит над ухом, дождь постукивает по крыше сырыми пальцами капель. Лежу, мысли. Оборотни. Дерево, человек, слово. Яркость. Скучен мне понятный наш язык. Мой странный, мой прекрасный брат. У реки три Евы сидят под елью, смотрят на закат, свистят. Звездно. Ледяная броня, под ней только сердце. «А ты поди да и победи». Куинджи. Пир во время чумы. Ураган аравийский. Детство Петра Первого,

юность, Оружейная палата, фрегаты, Переяславское озеро, стрельцы, Софья, женитьба в 17 лет, Лопухина, красавица, топоры, пищали, пушки, знамена. Облака. Отравился. Собака на дороге. Ночь в грозном мешке. Или это конец, или начало. Чего? Конца? Петр сверг Софью, 1689 год. Корабли, Гордон, Лефорт, фейерверки, пиры, великий шкипер, большой бомбардир, сын твой Петрушка, Архангельск, стремление к морю, Белому, Черному, Азовскому. Азов, турки, татары, пушки, стрелы. ...Сыны Слова, а вокруг густопсовая сволочь пишет. В Вырицу, заказали стекла. Жарко, на рынок, купили мяса, рыбы, помидоров астраханских, моркови, персиков. ... Петр под Азовом, два штурма, неудача, отступление, настойчив, добьется своего, строит струги в Воронеже, энергия, не ставит себя во главе, прячется за подставным, носит немецкое платье, когда вся страна ходит в русской одежде, самые близкие друзья – иностранцы, Лефорт, Гордон, особенно Лефорт, лучший друг, мин херц. Петру 24 года. ...Еду в город, отвезти рукопись в Публичку, в ЦГАЛИ, успокоить совесть. Думал: достичь высшей точки силы в слове. В Вырицу за стеклами. Тепло, облака, обещали грозу, парит. Стекла упаковали, обернув в покрывала и перевязав; привезли на такси, шофер почти мальчик. Ночью дождь. Слепая за стеной не дает спать, бродит ночью; Лариса с ней в одной комнате. Измучилась, неся этот крест. Несчастные обе.

Опять про Петра. Азов взят. Большой капитан возвращается в Москву, Триумфальные ворота, гром пушек, знамена, речи. Большой капитан идет пешком за каретой раненого Лефорта, верзила в черном немецком платье, в шляпе с белыми перьями, чулки, башмаки. ...История

больших энергий. Вся история – это только история энергии. Энергия смотрит сквозь свою черно-белую призму. Ян-инь. Умереть с пенем на устах – долг поэта. Хоть бы струйкой шевельнулись воды по хребту зеркального озера. Конница, Чингисхан, черные имена, степь в стремених, мастью весь в молнию я, выше по касте, чем люди, я обдаю огнем. Шмель в пыльце, мельник. Поход в лес, на лодке через Оредеж, путь она хорошо знает, набрали на ее любимом месте, грибы, брусника. ...Большой капитан Петр Михайлов едет за границу, в Голландию, учиться строить корабли, с ним тридцать, неразлучный Лефорт, двойник, такой же высокий, чуть ниже, пошире в плечах. Среди тридцати и Алешка Меншиков. Через Ригу. Срочное возвращение в Москву, стрелецкий бунт, отрубленные головы на кольях. Цыклер, Пушкин, предок поэта. Петр недоволен приемом в Риге, впоследствии это станет одной из причин войны со шведами. Теперь он у курляндского герцога, тут другое дело, тут его чествуют, как должно, как великого царя. ... Вставлял стекла в рамы, обкусывал алмазом, провозился до темноты, луна вставала, огромная, желтая. Электричка промчалась многовагонным, железным вихрем, кидая отсветы на траву. Лирично. Состояние сердца, несовместимое с моим революционным достоинством. Не исполнятся мои высокие начертания, неизвестность зароет их в мрачную тучу свою. Блаженный, единственный проснувшийся из всего, что ни есть в мире, плетется, шатаясь, как пьяный, по своей одинокой дороге, бормочет что-то бессмысленное себе под нос. Очумелый, нищий, голый. Никто его не поймет, никто ему не поможет. ...Петр в Пруссии, одарен янтарем, доволен. ...Слепая, ее бред, везде видятся

ей свинорезы. «Вот только что прошел!» говорит, сидя на кровати. «Не верите? Вы бы видели его лицо! Такой страшный! Не понимаю, почему вы его не видите. Сейчас он опять придет». Уронила на грудь седую, как изморозь, старую, девяностолетнюю голову. Несчастная, слепая, сумасшедшая старуха. Починил раму, вставил стекло, луна.

1 сентября. 20 лет со дня нашей свадьбы. В Вырицу в церковь, как семь лет назад. Облачно. На ней китайское платье брусничного цвета. Подходим, звон колокола, удары редкие, звучные. За церковной оградой лавка, зашли купить свечей и монастырского меда. Пока она покупала, я вышел из лавки и увидел, как из церкви вынесли черный гроб; впереди девушка несла, держа обеими руками, большой деревянный крест; за ней траурное шествие с гробом под пенью сопровождавшего священника и колокольный звон. За ворота к черной машине. Я подумал: как хорошо, что Лариса в лавке и не видит, только б не вышла, надо как-то ее задержать. Вернулся в лавку, она занята рассматриванием меда в банках, спиной к окну. В окно я увидел, что все уже погрузились в траурную машину, вот – отъехала. Вошли в церковь, темно, никого, мы одни. Лариса молилась у иконы Божьей матери с младенцем Иисусом. У Богоматери темное, закопченное лицо. Похоже на старую фотографию моей матери, юной, хрупкой. Мне три года. Потом в часовню, где гробница Серафима Вырицкого; Лариса молилась, встав на колени перед гробницей. Снаружи около часовни под навесом свечи горят, воткнутые в песок. Мы тоже свои свечки поставили, рядышком; они быстро сгорали, ветер раздувал пламя, они своим пламенем то соприкасались,

то отклонялись и горели отдельно сами по себе. Вот так и мы сгорим. У вокзала купили бутылку чилийского вина. Устроим пир. Лидия Андреевна сидела с нами за столом, седая, слепая, тощая, кожа да кости, полумертвец. Семь лет назад за этим же столом была совершенно здоровая, зрячая, веселая, остроумная, шутила. Где все это? Ужасная перемена. Заклеил башмак. Две бутылки пива. После обеда сидел на стуле в саду, дремля. Солнце садится, закатное марево. Лариса срезает садовыми ножницами старые стебли малинника, сухой шорох. Облачно, ветер. ...Петр в Амстердаме, каждый день его осаждают несметные толпы любопытных – посмотреть на московского царя. Петр в гневе, прячется от толп, высокий, усики, голова трясется. Строит корабли. ...Мглисто, тучи, дождь. Не выпались. Слепая всю ночь колобродила. Вечером на кухне перебирали бруснику. Три старухи за стеной горланили песни, празднуют свое столетие.

Петр в Амстердаме строит корабль, рубит топором, несет бревно на плече, зовется плотник Петр Михайлов. Смотрит морские сражения на заливе, потешные, в его честь. Свидание с Вильгельмом Оранским в Утрехте. ... Дождь, непрерывно, вторые сутки, потоп, сад залит. Это слова вод многих с неба льются, ливнем с туч, чудеса, цветки крови. Красные кровяные шарики, поющие, танцующие и рисующие. ...Петр в Гааге, в гостинице «Старый Дулен», за полночь, носится из комнаты в комнату по всей гостинице, выбирая, где спать. В каморке на полу на медвежьей шкуре спит гостиничный слуга. Петр кричит на него в яростном исступлении: «Вставай! Вставай! Пошел вон!» Слуга, разбуженный криком и толчками, в ужасе убегает. Петр ложится на его место, на теплую, со-

гретую телом слуги, медвежью шкуру, и, успокоенный, засыпает. Крепко спит до утра. ...Дождь четвертые сутки. ...Петр в Амстердаме, построил собственноручно фрегат и спустил на воду. Разочарован. Поедет доучиваться в Англию. Вильгельм Третий, английский король, подарил ему превосходную яхту. ...Дождь все хлещет. Носа не высунуть. Сидим взаперти под замком бури. Ярость и шум вод многих. Гнев Божий за грехи наши. Возмездье. Маяки смыты. Колосс Родосский рухнул в море. Тринадцатый апостол. «На каторгу захотели?» спросили его в редакции. «И как вы можете соединять лирику и большую грубость?» Делаю из досок и железа щиты на окна. Боимся, стекла не выдержат ударов воды и ветра. ...Петр в Англии, живет в Лондоне в двухэтажном домике из четырех комнат, спит в одной комнате с четырьмя своими приближенными, воздух тяжелый, проветривают, раскрыв окна. Посещение английского короля Вильгельма. Когда король сел на стул перед Петром, на него в ярости бросилась обезьяна Петра, его любимица, купленная им в Голландии. Вильгельм заказал сделать портрет Петра ученику Рембрандта. Петру 25 лет, лицо в конвульсиях, дергается глаз, ужасно на него смотреть. Высокий, стремительный, тяжеловатая походка.

В городе. Жаркий день, ветер, застолье. Дожди, один. Воспоминания Менделеевой, последние дни Блока. В приступе бешенства разбил кочергой бюст Аполлона на шкафу у себя в комнате. Разбив вдребезги, успокоился. «Я только хотел посмотреть, на сколько кусков расколется эта мерзкая рожа». Из города, куда глаза глядят, вагон полный, ржаво-золотое, проносится за окном, дует, страх простуды. Психея, вздохи, шелест, и

звуков и смятенья полн. Поэту поется, жалобный ветер, явил нам новы тайны. Скоро прощаться с дачей. Сезон кончается. Щиты на окнах, от воров. Река, дикий край, змеиный извив, даль в тумане, сфумато, лес стеной с двух сторон. Хладно, странно. Читал до полуночи, Бекетова, тетка, о Блоке, детство-юность. Клубы черного дыма из-за забора с соседнего участка. Ведьма жжет что-то. Видел вечером, седые космы, в резиновых сапогах. День хрустальный, лучи сил, стол в саду, железо юношей, Велемир, парус времени, бело-черный. Блок: «Я ведь тоже косноязычный». Вторую неделю я здесь один. Сколько бы я мог так вот прожить, Робинзоном? Староват, Азорские острова, годы-чайки. Продолжим бежать по строчкам воды и ветра. ...Петр в Лондоне, царь-плотник, московский дикарь, два брадобрея, послал в Москву брить бороды. ...В саду за столом. Бабочка села на страницу, я пишу, а она спит рядом, сложив крылья. Ей снится Чжуан-цзы. Вечером – в лес. Набрал сыроежек. Обрат-но, дорога, мощь заката, пылающий шар. Бронзовый звон над горизонтом. Ночью мышь в углу, скребется, мерзавка. Не уснуть, нервы.

Ван Вэй. Заоблачный уровень. Запрет перу писать ниже той верховной ноты. А тусклые строчилы терзают бумагу, брызжа слюной неукротимой мании. Облеван-ные словоизвержениями страницы. Нашествие неистощимых авторов. Апокалипсис литературы. В черном небе молний поступь. Сад потемнел, тьмой поволокоста. Звук, знак, узор. Усатый сом смысла в омуте, сам с усам, зачем он там прячется, поющий, бас, артист, Шаляпин? Ключ отрадный, корень мирового звука. Вечером гулял у Оредежа, осенние виды, тучи, черная рябь, три лодки

на цепях, то расходятся, то опять сходятся носами к одному железному столбу. Центр притяжения, ось дао. Читал до полуночи. Петр покинул Англию. Дом, в котором жил Петр и его компания 21 человек, оставлен в ужасном виде, все переломано, изувечено, искалечено, разрушено, и дом, и двор. Все испоганено. Адмирал Бенбоу в ужасе, не хочет возвращаться в такое жилище, требует возмещения убытков. Анненский о Блоке: «Надменный мертвец». Не поняли, что – маска. Застенчивость, необщительность, замкнутость, нелюдимость. Боялся людей, боялся ходить в гимназию. Статный, прямая спина, в осанке что-то даже не кавалерийское, а – горское, черкесское. Что-то байроническое. Каменное лицо, нет жестов, голос глухой, надтреснутый. Читал свою «Незнакомку» в доме на Галерной, глаза, полные слез. Мглисто. Дрозды, их полет, обрывистый, трепетный, в темном небе. Еще тепло. Еще вижу и слышу. Еще не вернулся в лоно Великой Матери, сын праха. Светятся золотые точки форм, вот они всюду, то там, то тут, алмазные зерна, из них вырастет кристалл Нового Дня. Твой алмазный венец, Водолей! Слышу, слышу над моей головой трепет и шелест твоих широких крыльев! Это Батюшков, безумная душа, вращает урну хладную, валя шумящий дождь, седой туман и мраки. Эти незримые семена форм везде, лучи силы; ты, Водолей, рассеял их в мирах своей высокой дланью. Тень твоего крыла взрастит мощь, удар молнии. Уже отточен серп для твоего урожая. Собрал сливы. Пошел в лес, пусто, холодный закат. Заря, заратустрь, сеятель очей, еще один птенец из твоего гнезда, белый ворон. Оредеж, ветер, золотые колосья блеска. Сила солнца размазывается, бесформенность. Черный плен ночей.

Узнал траурную весть: 1 сентября умерла Нина (56 лет), во сне. Так вот почему тот знак мне 1 сентября, когда мы были в Вырицкой церкви!

В городе. Дождь, хандра. Давид Бурлюк: «Искусство вещь спорная, условная и жестокая». Каменский: «Поэзия – это праздник бракосочетания слов». Для себя я единица, для улья я – нуль. Поэт состоит из поэтов. Собрались в гости. Сестра, ее зов. Елена, ахейские мужи... Поезда не ходят. На автобус. От Красного Села пешком, мимо озер, день переменчивый, ну и характер у него, то дождь, то солнце. Осень, листья, Лариса, ее черная толстая куртка на молнии. Улица Нагорная, так, значит, лезть на гору. У сестры строительство, сад, сливы, яблоки. Пили водку. Возвращались домой в темноте. Пьяновато, тоску притупить, это жало черных дней нашего возраста. Всё, занавес, дитя, прощай. Ржавь, явь, сентябрьская падаль – червям; пора, пора, частичка бытия, дни-перышки, отлетался, оттрепыхался; числа стучатся в ночное стекло. Я не разгадчик их вещей знаков. Такой уж настрой у этой скрипки. Месяц – алфавит из тридцати букв-звуков. Лунный алфавит: у каждого дня свой звук и своя буква. Каждый месяц музыка лунного алфавита повторяется. В 2036 году Земля возможно столкнется с громадным метеоритом, и все живое на Земле погибнет. Поздно созрел, поздний фрукт, зимнее яблоко. Человек-луч, иголка, затерянная среди неведомых равнин, острие устремления, не туда, куда все смотрят. А куда? Ведь и ты, как все – вода. Еду, дождь, муть, осенний лес, мысли, рукопись. Что горевать, та страница перевернута.

Октябрь уж наступил. Не топят, холод, хаос, ахейцы проявляют цепкость. Душа искусства – игра. Ис-

кусство – целесообразность без цели. Канта наголову бьет. Нервы, сердце, крушение, пустота; хожу как мертвец, руки опущены, ничего не делается, все висит в воздухе. Буран, Есенин, машина образов; на листах писал разные слова-образы, разбрасывал по полу как попало, подбрасывал над собой случайно выхваченные листы, ловил и складывал вместе, иногда получались очень яркие образы и даже фразы. Песня звериных прав. За песню душа отдана. Черный шелковый шарф с красными маками на концах – подарок Исидоры Дункан. Чернозубый ангел. Не чистил зубы. Набережная Макарова, Вечер Голявкина, вдова, стол. Петр Кожевников в раздевалке, мимолетно: привет Ржевке. Салон красоты. Две девки, в брючках, курят. Нервная, истерика. Проводил до поликлиники. Пруд, мостик, утки, студеный денек, ржавь каштанов. На Фонтанку. Татарская фамилия. Шах и мат. «Тот, кому ничего нельзя дать и у кого ничего нельзя отнять. Без тайны нет стихов». Капелла, концерт Гаврилина. Через дворики, Шведский переулок, Малая Конюшенная, Казанский, фонари-тюльпаны, Гоголь. Темно. Толпа в метро у канала Грибоедова. Роден, статуя Бальзака, уродство, травля в газетах, слава. Рильке: «Каждый гений ужасает свою эпоху». А. Зверев, переводчик, о Набокове. Селенджер, поиск подлинного, долгое молчание. Писать или не писать, вот в чем вопрос. Ветер, танец листьев. Алмазы в желчном пузыре. Еремин, Хромов, Чертков. Голявкин, юбилей, бывший кинотеатр «Рекорд». Петр Кожевников на сцене. Фильм о Голявкине. Дождь, мокрый асфальт. Балтийский вокзал. Исайя Берлин, «Еж и лиса». Лиса знает множество вещей, а еж знает одну большую вещь. Пошлость победила меня – и

там, и здесь. Кровь шумит у меня, как у всех, кто один на один с темнотою. Адмони. Выставка в Манеже, художник Ю. Медведев, групповой портрет: Алексеев, Чернышев, Лебедев-Серб, Тропников, Степанов, я. Перед нами лежит голая бабища с толстыми ляжками (муза), пустые бутылки из-под водки. Я в синем, с глазами морской птицы, буревестник. Пешком до Мариинки, осень, сизо, клены. Шекспир: «Я разрешаю тебе играть до Судного дня». «Я огонь и воздух, прочие стихии отдаю низшей природе». «Его очарование было подобно дельфину, оно выныривало спиной над стихией, в которой жило». «Антоний и Клеопатра». А. Найман: «Ахматова ценила в стихах – тайну и песню – больше, чем, отзывавшуюся произволом свободу и непредсказуемость гениальности. «В этих стихах есть тайна. В этих стихах есть песня. Стихотворение – нарушение сущего, преступление. А если нет, то нет и поэзии. Поэт – существо, столь же прямоходящее, что и прочие люди, но его ось ориентирована под углом к осям прочих, и ось его мироздания, пространственно совпадающего с общим, – под углом к общим, и слова – те же, что у всех, – под углом ко всем... Поэт всегда прав. Поэт всегда поэт, а не только когда пишет стихи, потому что его ось всегда под углом ко всему. Поэтому он всегда прав. Его нельзя судить общим судом, общей прямой осью»». С Чернышевым, крейсер «Аврора», совет морских ветеранов. Трап в медных ребрышках, пушки, трубы, серо-стальная Нева. Константин Иванов, художник, мастерская, вид на Неву. Вечером, Васильевский, 17 линия, юбилей Гарнина. Чернышев, Тропников, Лебедев-Серб, К. Иванов, Бесперстов. Том Клюева (Гарнин составитель). Я, тост, клюевский: «Куда

ты в глиняном сосуде несешь зарю апрельских роз?» Обратный путь, звуки. У Андрея Белого «Глоссалия». Но это не то. «Поэт и война». 80-летие Голявкина. Вдова в черном; длинный, белый шарф, обмотанный на шее. Обратно мимо ТЮЗа через сад к метро Пушкинская. Черно, голо, фонари, октябрь, листья на земле. Шел понурый, в тоске, в глубоком унынии, свесив голову и уронив руки. Крах. Катастрофа. Чудес не бывает. Кто мои толпе расскажет думы? Чумы-кучумы, угрюмо мне в Каракумах. Оборвать все нити, ничего не жду от кремнистого пути. Финита ля комедия.

Стою, пруд, первый ледок, низкое солнце на закате, золотой столб, усталость. Перу старинной нет охоты мараить летучие листы. Сумма слова. Моим единственным читателем, для которого я писал, была та сосна на голом утесе, на севере диком. Я был писателем и писал только для нее. Нес к ней свои книги: она прочитает, она оценит. В шуме ее ветвей я слышал суровый суд правды. Теперь у меня этого читателя нет. Вечером – снег. «Покровские ворота». Власов, тяжелоатлет. Хожу по следам силы. Впитываю мощь. Сжимаюсь в точку. Топчу соль, припорошенные листья. У ТЮЗа оранжевые куртки строят зимний каток, настилают на площадке что-то блестящее. Том, изданный в Нальчике, в Москву на выставку. Спускался по лестнице, а шапки-то нет. Забыл в кресле у секретарши. К метро, фонари, мрак. 30-летие нашей встречи. Бродил по сырому снегу в парке. Жестокость фраз; ясно, как репа. На этой планете и не то бывает. Уменьша-хотенья мало. Приходит на помощь Волна, поднимет на гребень и несет. Только держись! И каждый раз не знаешь, когда эта Волна придет, когда накатит. Но

ты должен быть готов, подготовлен, твое уменье. Приходит Волна и поднимает это твое жалкое уменье, твое мастерство на жуткую высоту, на титанический гребень, что нельзя и сказать эти смешные слова – «мастерство», «уменье», «форма». Это Нечто не вмещается в словечки. И когда Волна уходит, откатывается, прилив сменяется отливом, то ты опять внизу, на мелкой воде, с твоей человеческой и только человеческой силенкой, и снизу, отсюда, с человечности не можешь и разглядеть тот гребень Силы, на котором был и на котором сделалось то дело. И понять не можешь: как же это сделалось. Говоришь: чудо. Но чудо чудом, а ты всегда будь готов, всегда во всеоружии, всегда мастер!

Отшельничество, не отзываться. Труд понимания и труд писания. Певучесть. Поют, плывя по течению привычек, навыков, навьюченные, окованные броней борта. Как называешь вещи, какие у тебя знаки вещей? Чистый порядок, союз волшебный, мыслить молчанием между звучаниями, пути в Незнаемое. Взлететь орлом, вещей клекот, за гранью дней. Ледовые поля скольжения. То ум, то неум, то черный, то белый, то молния седой интуиции. Или – или. Око ворона. Каменеющий крик, Кьеркегор. Корень перемен, буря новшеств. Напор, накал. Мостика через эту пропасть нет. Красное Село, кладбище, могила в снегу, желтые цветы, крупа. Зажженные свечи. Черный гранит плиты, фотографии отца и матери. Обратно на машине, слякоть, сырой снег, моросит. Галерея мгновенный. Смотри надписи. Понедельник. Переулок Крылова, кафе, писаки и мазила, речи, коньяк, шампанское, фотографировались. Тусклость. Письмена воды и ветра, 800 страниц, отнес в Публичку, в отдел рукописей. Но-

ябрь этот, риторические вопросы к самому себе. Магниты – вот и притягивают. Они из центра галактики, той, что мне снится, не Марфа, а – Мария. Об Аксакове кто-то из современников: «Он пишет так, как будто не прочитал ни одной книги». Капелька на оконном стекле, замерла, дрожит, чего-то ждет от меня. Слова ждет? Ласкового словечка? Любви, нежности? Чтобы я назвал ее жемчужинкой?.. Другие дни, другие сны. Точка взрыва, центр, из этого центра рост, расширение, мир форм. И обратный путь – в центр, в точку. Смотри в этот центр и будь им. Два пути письма. Темно, дождь. О знаменитых писателях, ненормальность, странные поступки, безумные выходки, нарушение психики, непредсказуемость, сверхчувствительность. Медуза с алмазным сердцем. Горизонталь и вертикаль, крест, ты в центре этого креста. У Гете: ткацкий станок, уток и основа. Нет исключения без правил. Платон еще пишет свои «Законы». Позвонил Алексеев, утешал: «Не грусти. Что ты грустишь. Ты – писец. Ты написал свой папирус. Теперь можешь жить спокойно и копить себе на похороны. Ты свое дело сделал. Что тебе еще? У тебя в жизни был твой фараон. И ты испытывал подъем, когда писал. Неужели тебе этого мало?»

Среда. Туман, седое утро. Проводил до поликлиники. В баню, книги. Гулял в парке, грустя. Мрак, огни. Альфред Шнитке, неисчерпаемые возможности, смерть остановила. Собор в Шпрее, романский, имперский. Скоморох, язык на версту, и поет, и рисует. Играет на кобзе, искорки чудес-любес. Особый вид рыжих муравьев с прожорливыми челюстями. Восточка-веточка, нерасшифрованные сведения. Слепая не дает спать, сегодня

ня ночью опять кричала, в ужасе. Бред, галлюцинации: будто бы она на какой-то улице, лежит на трамвайных рельсах, зовет на помощь, а никто не откликается. Под ней река бурлит, люди идут мимо. Несчастливая старуха. Прибежали, подняли с пола; скелет, обтянутый кожей, говорит: «Я же твоя мать!» Сон под утро: будто бы пытаюсь писать, но у меня не получается, вместо слов кляксы, расплываются, заливают лист.

Встал в шесть, с сестрой в ГБР. Серый рассвет, тучи, дождь моросит, мокрые плиты. Брел понурый, безразличие. Эрмитаж, бродил в залах, картины, картины, и на третьем этаже у моего любимого Ван Гога. Лоджии Рафаэля, мутные зеркала, я в них, горблюсь, сутулый, мрачный. Невский, толпы, дождь, муть, такая серятина. Домой еле дотащился. Ох, этот год! Белов, Африканыч. Маяковский называл: мужиковствующие. Туман, женщина с седыми волосами. Пустырь, фонари, горящие окна. Вяземский: «Таланта нет во мне излишка, не корчу важного лица, я просто записная книжка, где жизнь играет роль писца». Мрачно, холодно, чайки в призрачном, сером небе, крик воронья на рассвете, сквозь сон, сквозь бред, сквозь мозг. Вставать, голоса, ужас дня, дома, сапоги, гудки, фары, стук каблучков, президент отвечает на вопросы, взор светел, газопровод, бури в Европе, взрыв поезда «Москва – Петербург», Радищев, рельсы, лоб в лоб. Вот я стою, стена, крышка люка, за углом магазин, где мы покупаем продукты. Зачем я здесь, кого жду? Не забавно, не ново, журчание, сигнализация сработала у какой-то машины на каком-то дворе, я тут один, невидимый, проходят мимо, не замечают, рассвет, ветер... Дни Блока. «Забавно жить! Забавно знать,

что под луной ничто не ново! Что мертвому дано рож-
дать бушующее жизнью слово!» Зоркость. Есть зрящие
колбочки в глазу и – формы, формы, формы, семафоры
ночных дорог. Познать человека, вот он, из пупка бьют
молнии, чакры. Вольф Мессинг, ловец душ, гипнотизер,
чары летучей мыши, пленяет, волшебное видение, вир-
туозный полет бесшумных, черных платков. Ком дней,
голая земля, хожу по гробам, бесснежный ужас. Город,
попался в сети, голова два уха. Сон о водолазах, их ра-
бота, возня в мрачных безднах, влезть в их шкуру, наша
«Макаровка», плавподготовка в учебном бассейне в Га-
вани на Васильевском острове, спускались под воду в
водолазных костюмах. Пролез через торпедный аппарат,
плохо помню... Не читается. Вышивать по готовой канве,
сделанной жаром чужих рук. Сотри случайные черты, и
ты увидишь – мир ужасен. Мечников, депрессия, при-
вил себе то ли тиф, то ли чуму, самоубийство под видом
научного эксперимента. Умерла жена, женился второй
раз на своей ученице 15 лет, жил в Париже, Нобелевская
премия за открытие иммунитета. Виктория Иванова, пе-
вица, ангельский голос, Аве Мария, итальянская песня
из фильма Феллини «Дорога», «сеньор, купите фиалки».
Художник Виктор Мельников, сын того Мельникова,
авангардного архитектора, писал на картинах сам свет,
изнутри, за всю жизнь продал только одну картину, на
его холстах кажется, словно ничего не нарисовано. Днев-
ники Байрона, против писателей и писательства, за лю-
дей действия. Бессонница, духота, никак не рассветет,
звуки с улицы, воронье раскаркалось, в верхней кварти-
ре надо мной скрип шагов, шум льющейся воды, открыли
кран. Ужасно, ужасно это всё – и звуки, и этот зимний

рассвет, и жизнь. В феврале – 63. Зачем? Для чего дальше? Дорога дальняя, скучная, ненужная.

О Солженицыне, как он писал «Архипелаг ГУЛАГ». Ул. Пушкинская, пили водку. Томас Манн: «Художников много, а вот мастеров мало». От метро, ореолы. Снег, чернота кустов. Южное кладбище, снег, метель, кресты, сухие стебли. Долго ждали автобуса, замерзли. Телепередача, Анненский: «Поэт – это не тот, кто что-то высказывает, а тот, кто намекает о том, о чем сказать невозможно». Манускрипт Войнича, самая загадочная книга мира, написана на непонятном языке, с непонятными иллюстрациями, куплена Войничем у итальянских иезуитов. Написана якобы в 12 веке Роджером Бэконом. В 16 веке ее купил у какого-то торговца император Рудольф Второй за 700 дукатов. До сих пор нерасшифрована. Мороз, солнце, бетховенский день, героический, глухой. Зеркало книги – что в нем отражается? Миражи, гаражи, этажи... Чистое зеркальце, затуманенное дыханием девяти сестер. Муза, резвая подруга... Тревога к ночи, пол скрипучий, человечество-электричество. Дом писателя, юбилей, речи. Тоска. Ушел. Что со мной, сам не знаю.

Встреча у Финляндского вокзала. К. Иванов, художник, у него тут мастерская. Пейзажи, храмы, святые, в нежных тонах. У него уже накрыт стол. Фотографировались. Глаголы об искусстве. От метро пешком. Опять тоска. Необитаемый остров. Дожить оставшийся хвостик. Бессонная ночь. Ходили в аптеку. Мороз, метель. Подстилки для Л. А. (третий год лежит, нужно много этих специальных медицинских простынь). Ждал на улице, за электробудкой. Мрак, огни на проспекте, метель. Что-

то гудит-звонит в этой метели. Провод под током? Ось Орфея? Встреча на Московском вокзале. Шампанское. За книгу. У ларька, перед площадью. Невский украшен, огоньки-гирлянды, толпа, месиво. Искорка радости. Пел и плясал. «И изглаголаша Соломон три тысячи притчей, и быша песни его пять тысяч».

Перелом года. Дню прибавляться. Шепот чтеца. В трубу улетим, со вспышкой в конце туннеля. «Совпадение душевных устремлений писателя и объекта изображения, «натуры», среды, природной или человеческой, что живет как будто в том же напряжении, с теми же устремлениями, что и он». Рожденные с дудкой во рту. С косноязычной косточкой, щучьей... Книга чудовищностей. «Тем, кто думает о том, что вверху, о том, что внизу, о том, что было до и о том, что будет после, лучше было бы не родиться». Талмуд. Метель, ее письма. Пишет только о том, что ничем не подтверждается, чему нет аналогов. Одноразовые шприцы с кровью. Это главное, то, что Некто мне показал и чему научил. Этот Некто – Водолей, его седые, буранные крылья шумят над моей головой. Вечером в Александро-Невскую лавру. Монашки у ворот. Полный зал. «Филигранность фраз у Бунина». Купил елку. Чувствую себя сиротой. Невский, новогодний базар в Екатерининском саду. Конец этого черного года. Метель, город по уши в снегу, не убирают, только один Невский расчищен. «Духовидец», оборвано. Звуки. Звуковые узоры на окне тишины. В аптеку, выстрелы, фейерверк. На почту, книга В., о чеченской войне. Слои силы. Левиафан, ход его скрыт в бездне, а на воде виден только его светящийся след. На столе три книги. О Шиллере, о славе, о любви.

Новый год встречали у Старовойтовых. Ночь – чудо. Только что выпал снег, чистый, нежный, как лебяжий пух. Впервые в эту зиму, с ее мраком и ужасной голый, мертвой землей. Всё преобразилось. На улицах толпы, молодежь, веселье. Бесперывный грохот выстрелов, взлетающие звезды фейерверков со всех сторон. Светло как днем. Мороз, метель, Рождество, болезнь, бессонная ночь, круг мыслей, все тех же, заколдованный круг, опыт поражений. Тонко составленные образы звучат в унисон хрустальными колокольчиками. Чудотворство неизвестного мастера. Слово прямо вживлено в нервы, как в струны и клавиши рояля. Слово прямо бьет в клавишу нерва, и нерв звучит, и это звучание в организме живет и растет, как в резонаторе, долго, долго, навсегда. Магическая сила слова. Страшная магия. Язык – родовой дух. Язык – дух рода. Язык входит в меня, в мою плоть и кровь, от него я зажигаюсь. Как красиво стоят звуки в лучших стихах лучших поэтов! И в прозе – Пушкина-Гоголя-Лермонтова. Мировое достояние. Звуки стоят чисто и мощно, в строке, фразе. Этим я и счастлив, это мое высшее счастье, здесь, на этих путях-кругах. Как прекрасно расставлены звуки у Пушкина: «И ель сквозь иней зеленеет». «Мчатся тучи, вьются тучи». «Сквозь волнистые туманы пробирается луна». «По дороге зимней скучной тройка борзая бежит». «Редет облаков летучая гряда». «Роняет лес багряный свой убор». У Пушкина почти везде звуки расставлены божественно, этим-то он и гений. И у Блока: «Змеишься в чаше золотой». Как красиво поставлены эти два «З» в начале и в конце. И также: «И над твоим собольим мехом гуляет ветер голубой». Эти два «Г» в начале и в конце – дивно стоят. И два «Б» – чистая

связка двух строк, и «твоим» с «ветер». Вот она – магия! Или еще у Блока: «Не пойму я, что нас манит, не поймешь ты, что со мной, чей под маской взор туманит сумрак ночи снеговой». Тут дивная постановка «М» и «Н». Эти же звуки в названии: «Смятение». У Гоголя: «Последний день перед Рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды...» И вся эта повесть. Как дивно, чисто и роскошно стоят у него звуки, перекликаясь, точно серебряные колокольчики. Все фразы поют при их произнесении. Хор фраз. И так – вся певчая проза Гоголя, вся она – музыка и живопись. Вся – песня. Почему? Потому что так божественно расставлены звуки. «Снег вдруг загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звездами». У Лермонтова: «Я ехал на перекладных из Тифлиса». С первой же фразы – тонкая, изысканная расстановка звуков. Не навязчиво, изящно. И так – вся эта книга, весь роман. Эта проза – чистейший алмаз. Стихи, а не проза. «Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем». Вот в чем мое счастье, моя радость: я слышу звуки, их чудный узор, этот божественный хор из иных миров. Да, эта фраза Лермонтова – чудо из чудес. Тут два плана: небо и земля, вертикаль и горизонталь. Космос, два мира, небо и земля – помещены в сердце человека при его утренней молитве (мистическое состояние). Вторая часть фразы – переход в тончайшую зоркость взгляда, в происходящее мгновение, в деталь: «только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем». Так и чувствуешь осяза-

тельно на своем лице это дуновение и видишь своими глазами эту приподнимающуюся лошадиную гриву и на ней – иней. А какая, опять же, тончайшая, филигранная инструментовка звуков! Узор этих «У», «И», «А», «Е», и гласные, и согласные. Это ведь не просто так, это – рисунок звуками, это некая мистическая картина, нарисованная звуками, где аукаются «тихо» – «молитве» – «приподнимаемая» – «гриву» – «покрытую» – «инеем». Словно жемчужины, нанизанные на тончайшую нить. Если бы не это чудесное письмо звуком, мы бы не почувствовали так остро осязательно представшие образы. Еще один пример того же волшебства – знаменитая фраза из «Тамани» (о ней у Анненского в «Книге отражений»): «Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию, и я мог различить при свете ее, далеко от берега, два корабля, которых черные снасти, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте небосклона». Тут звуками рисуется ступень за ступенью восходящая лестница возникающего зрительного образа. Мистическое восхождение глаза.

А как чудно стоят звуки в «Слове о полку Игореве»! Вся эта маленькая древняя поэма поет и звенит, вся – музыка! И это другие звуки, не те, что в новой литературе. Звуки другие, но расстановка звуков равносильно чиста и мощна. Этот дар неизменен, и на этом даре стоит и будет стоять магия слов, магия поэзии. У разных поэтов разные звуки, у Пушкина – такие, у Державина – другие, у Маяковского – опять же, другие, но расстановка звуков равносильно чиста и точна, и, значит, равная магия. А нарушение, искажение или замена этой единственной, в каждом конкретном случае, звуковой расстановки не-

избежно приводит к утрате этой магии. Что мы и видим на примере переводов, скажем того же «Слова о полку Игореве».

Вот почему я не могу читать тех авторов и те книги, где этой магии нет, где нет звука, где звуки свалены в кучу и перемешаны как попало, звуковая каша, мазня, грязь, глухота. Медведь оттоптал орфическое ухо музыки. Душа звука растерзана и убита. Не могу читать ни такие стихи, ни такую прозу; мое ухо страшно страдает, как у музыканта, который слышит фальшивые ноты и какофонию. Для меня это невыносимо, нестерпимо! Меня это ранит. И я отбрасываю от себя такие книги и таких авторов. А мысли, а чувства, а идеи, а образы, а новые формы и новые смыслы? Я не читатель смыслов, я читатель звуков. Я звуки читаю, рисунки звуками, узоры созвучий. Без звуков для меня нет ни мыслей, ни смыслов, ни чувств, ни образов, ни новых форм, ни новых истин.

Люди, дела, слова. Железно-серая безвозвратность кротовых ходов, поворотов и ворот – в никуда. Я, ученик Водолея, что я знаю и что умею? Рисовать звуки? Я вдруг оказываюсь в неизвестной стране, и тогда хочется о ней сказать «нечто». Свечение-звучание. Союз волшебных звуков, чувств и дум. Боратынский Киреевскому: «Ты меня понял совершенно, вошел в душу поэта, схватил поэзию, которая мне мечтается, когда я пишу. Твоя фраза: «переносит нас в атмосферу музыкальную и мечтательно просторную» заставила меня восторгнуться от радости, ибо это-то самое достоинство я подозревал в себе в минуты авторского самолюбия...» «Какое-то странное упои-

тельное сияние примешалось к блеску месяца». Майская ночь, утопленница. Певучая гибель. Голоса миров иных.

Серо-пепельно, заиндевелость, седое небо. Каким предамся я дорогам? Видевше же звезду возрадовался радостью велию зело. Все яблоки, все золотые шары. Набоков о Пастернаке: «Всё в нем выдает со стихом Бенедиктова свое роковое родство». Упорный недоброжелатель. Зыбкое мерцание хаоса за словами. Вихри и бури, размах крыла. «Содержательных людей мало». Шиллер. Единственный способ спастись: заключить пчелку в янтарь. Скоропись, клинопись, тайнопись. «Завьется в звуках музыки серебряная нить фантазии». Шуман. «Я сам, позорный и продажный, с кругами синими у глаз». «Блок – поэт сквозных гласных». Чуковский. «Пить с веток, бьющих по лицу... Так это эхо?..» Из неопубликованных стихов Александра Добролюбова: «Девочку, сестру мою жизнь». У Верлена строка из стихотворения «Мудрость»: «Твоя жизнь – сестра тебя, хоть и некрасивая». «Обтанцовывание смерти». Цветаева. Пошел в сберкассе. На обратном пути в церковь. Никого, я один. Перед иконой Божьей Матери. В церкви уже гасили свет. Я вышел, и служка закрыл за мной дверь на ключ. Зимняя ясная ночь... Рост Маяковского 183 см. Гнилые, черные зубы, вечный насморк, грипп, депрессии, слезящиеся глаза, хриплое дыхание. Тяжелое заболевание голосовых связок. «Мы – и отца обольем керосином, и в улицы пустим для иллюминаций». «Выковыривать изюм певучестей». «Я не твой, снеговая уродина!». Никто о Пастернаке: «Через всю свою долгую жизнь пронес неукротимую ненависть к определенности». «Ты – благо гибельного шага, когда житье тошней недуга». Три

шага Вишну. «Тот, кому жизнь была сестрой, никогда не поймет того, кому сестрой была смерть». Ревет ли бык в лесу глухом. Остались броски сочинений. Пепельно. Купил килограмм морской капусты с креветками, там, где обычно покупаю; бреду, нехотя, домой, мимо ювелирного магазина, цветочного, через парк; сумерки, карканье ворон. Безрадостны эти возвращения домой. «Хорошел, как рак в кипятке». «Тайная струя страданья». Старый Новый год. В полночь пили шампанское. Плакала, истерика, что несчастна, что жизнь прожита.

С сестрой в ГБР. Мороз, солнце, лыжи, четыре тростинки в снегу. «Твоя истинная сущность не лежит глубоко в тебе, а где-то недостижимо высоко над тобой». Ницше. «Я очень присматривался к гениальным людям, по биографии и проч., и нашел, что чем одареннее они, тем слабее их воля над собою... Так что это вовсе не порок ваш, а – совсем другое». Флоренский Розанову. Крещение. Вечер Чехова, 150 лет со дня рождения. «Я знаменитость номер 877». Чехов. Врач дал ему бокал шампанского. Чехов сказал: «Ich sterbe», выпил до дна, повернулся на правый бок и умер. В момент смерти выстрелила пробка от шампанского. Ночью в раскрытое окно влетела черная бабочка. 44 года, его ощущение жизни, «Гусев», «Черный монах», «Чайка», письма. Костя Крикунов: «Это теперь не его собачье дело. Это теперь исторический документ». Летописи? Карамзин?.. В ларьке у старухи купил лилии. Бессонница, снег, крыши. С бессонною душой, душою чуткого поэта. Куда я попал? Зачем я тут? Ожерелье катастроф. Метро «Политехническая», встреча. Дотащил в рюкзаке, луна. Ну, вот, сбывлась мечта идиота. Теперь есть что повесить себе

на могилу. Снятие блокады. Биографии великих – углы безумий. Партитуры скуки. Всё человечество – единый мозг и единая душа. Точка равноденствия. Нуль. Будь в нуле. Окраска, огранка, призма. Многогранность, голос. Острие блеска, пыль подножия. Или Лицо, или безликий Некто. Айн Соф. Дао. Горький вкус письмен, чары, магия; слух, способный уловить весть, пришедшую с края Вселенной. Снится Аввалон, хрустальный дворец, остров блаженных, меня встречают прекрасные девы в белых одеждах и венках из лилий. Каждая из них протягивает мне камень с написанным на нем, неизвестным мне именем. Это мое новое имя. Все камни разной окраски и все имена разные. Я должен выбрать. К метро, она знает, что мне надо. Мимо пруда, через мост, мороз, ветер в лицо, лютая стужа. В магазин посуды, долго выбирали, купили чудесную чашку из костяного фарфора, белоснежного цвета, с золотым ободком, сбоку летит Пушкин, изящный, бакенбарды, черный, эфиоп. Подарок. Вернулись домой замерзшие, как гиперборейцы. Брукнер, исполнение его третьей симфонии – провал. Чехов – премьера «Чайки» – провал. Чехов о Достоевском: «Длинно и нескромно». Дух музыки и поэзии – против духа журнализма и беллетристики, против талмудства. Белобог против Чернобога. Во мне ни слова, пустыня, оцепенение, ничего не хочется делать. Мог бы еще что-то. Не могу, не могу! Этой ночью Луна приблизится к Земле на 54 тысячи километров больше, чем обычно, она будет ярко-желтая и хорошо видна в горах и у моря. Дружеская пирушка. Писаки-собаки. Поздно, полночь. Когда вместе с толпой выходил из метро, мелодичный женский голос объявил, что сейчас отправляется последний по-

езд. Невесомость. Купили в подарок китайские настенные часы. Мороз, ветер, снег, пруды, ограды, троллейбусы. Жестоковыйно. Отвага: иметь голые нервы. Гроза на Синае, «Поэма огня», голос из тьмы: ноты молний! читай ноты молний! Нас мало, нас, может быть, трое. Миллиарды. Улитка – воскрешение. Еще звенит в душе осколок былых и будущих времен. Мои цепи, думы и книги. Кто бунтует – в том сердце щедро.

Февраль, метель. Черные мысли. Гори, гори, моя звезда. Студент Чуевский и композитор-дилетант Булахов, парализованный. Мурзин, электронная музыка. Всей сердечной мерою. Садись один и тризну соверши по радостям земным твоей души. Вторник. Мне 63. Теракт на железной дороге между Броневой и Ленинским проспектом, взрыв фугаса. Загубленные души. Огонь с небесе сойдет и съест еще пятьдесят. Пугачев, заячий тулупчик, переулочек, звезда, скрещенные сабли острием вниз, ледяное дыхание Сатурна. Ул. Восстания, на выходе в шесть, нас шестеро в этом феврале. Дар случайный, однозвучный, месяц с левой стороны. Поворот да не тот, суеверная иголочка забытого страха. Пескаревское, ветер в спину, горькие глотки, назад, назад... Нижинский, опавший лепесток танца. Бреду один, невесомость, снег летит, сосны. Интерес к жизни потерян, а ведь в прошлом году я еще был другой. Вот опять поворот к свету, весной повеяло, но я уже не тот, неинтересный самому себе. С козырька над нашей парадной с блестящих выросших сосулечек звучно льются капли. Старость, третий возраст. Чего же жду я, очарованный?.. Приходит титан и закручивает вокруг себя мир, как гигантский водоворот, в эту воронку втягивается все вокруг, всё челове-

ство. Эта воронка продолжает крутиться и затягивать и после смерти титана, тысячелетия. Карлейль, язык с бубенцами, ярость уст. Жернова, Росинант. Бессонно, круги ада, рев с нижнего этажа, лопнула труба, аварийка, крики, выстрелы. Стоим у окна, зимняя ночь, злая, безумная. Куда нам – из этих клещей?.. Книги, их звездный звон. Звучание, а не значение. Звук впереди смысла – знаменосец, язык богов. Читатели значений – потерянный рай. Железный век. Ночь, снег, фары машин в глухих переулках, скрещение черных лучей. Стучат часы. Сижу один в темной комнате, не хочется зажигать света. Нельзя писать во время отлива, перо погрязнет в тине. Вот она, курносая, стоит за моим плечом, на страже пера. Быть в точке, в которой чувствуешь и точно знаешь то, что катастрофично ново, ничего такого никогда не было, такое впервые. Первозданный свет в первый день Творения. А потом – потоп, повторы, повторы... мысли, споры, зашторено шаблоном. Глухо. Я рожден, чтоб целый мир был зритель торжества или гибели моей. На запад, на запад помчался бы я. Последний потомок отважных бойцов увядает среди чуждых снегов. Водолей под двойной дланью Сатурна и Урана – это вихрь, который закручивает и людей и мир силовой спиралью, или острием вверх, или вниз, в плюс или в минус. Демонизм. Потемки души. В церковь, поставили свечи, родительская суббота. Воскресенье, солнце. Слово в лавровом венке – Софокл. Темная сила стучит в дверь. Набат, гроба, страна из серебра. На рынок. Кабан, мертвая голова на блюде, Иоанн Креститель. Жир книжной продажи. Ответ один – отказ. Кто ты, точка? Окончанье какой истории? Настроение у нас с тобой! Нестроение. Некто

двуликий на монете: два Ивана. Топоры судят паутинку на борозде. Терпи. Бог любит число семь. Светло, ветер, мороз, воробьиный хор на кусте сирени у стены дома, освещенной солнцем. Голос арфы. Встали в восемь, спешим. В девятом уже светло. Солнце встает между домов. В морге толпа, гробы, отпеванье. Мы тут уже третий раз. Теперь Владимир Михайлович. В автобусе, на Южное кладбище. Мороз, день яркий, солнечный, снег блестит. Могильщики роют яму, из ямы пар. Замерзли, водка. Поминки, стол через всю комнату, от двери до окна. Фотографии. Избитая дорога, черепа по обочинам. Сгусток тумана, неизвестность, зов воды и ветра; меня позвали широко веющие крылья породившего меня. Толпы слепцов топчут земной шар. Им дают древнюю монету с оком Брахмы и они прозревают свой последний день. «Монета взвилась и упала звеня: все бросились к ней». Вот опять повеяло это дуновение, мистический ветерок. Паутинные кружева эфемерностей. Жил-был я. День – октаэдр в ледяном круге. Черная пчела сосет ось. Скольжу по зеркалам. Равноценные знаки избранных. Признак и венец. Полные молчания и пустоты формы в прозрачном свете ультрафиолета. Звонки бездны. Не сплю, бессонницы, кресты, снега, к метро. Черные иглы этих дней пронизают насквозь, дрожу, какие-то общежития, проходные дворы, сквозняки. Нева слишком широкая для Невы, фонари, сфинксы. Мне холодно, я один. Балтийский вокзал, пустые перроны, странно их видеть, дальше возятся какие-то люди, яма от взрыва, развороченные рельсы. Не доехать...

Снег, сердце ноет. Не мешай молнии! Шекспир в Гамлете, Гете – в Фаусте. «Есть два чудовища в иску-

стве – художник, который не мастер, и мастер, который не художник». Анатолий Франс. Радужная весть: собачка оценилась. Лыжи, солнце. День – декаэдр в голубом круге. Вечер памяти Анатолия Степанова, годовщина смерти. Врубель, Эмилия Прахова, демоническая женщина. Фреска в Киеве, образ Богородицы – с лицом Праховой, и эти жуткие глаза. И потом стал писать своих демонов с ее глазами. Написав «Демона поверженного», сошел с ума. Зарёв – август. Рев зверей в этом месяце. Определение – это покров, покрыло и закрыло. Определители-покровители. Филины и совы. Лысо-кудрые любомудры. Из куколки числа рождается радужнокрылая бабочка мира. Умирая, бабочка возвращается в рай числа. Просветление после метели. Пока мир не перевернулся и сияет этот день, пока живу, пишу, шуршу. Писатель-невидимка, пишет, незримым для обычного человеческого глаза, биолучом на черной бумаге. Его писания можно увидеть только в потустороннем свете. Человек-молния, кому его летучие послания, гром телеграмм? Уже легла, Суламифь, Роза мира. Эта грозопись испепелит мир. Прозу Пушкина называют голой. Предельный лаконизм, сухость. Сухой треск искрящегося электро-провода, короткое замыкание. Удары слов, встряхивающие сердца. Искорки артистизма. Зимняя олимпиада в Канаде, лыжники, гонки. Буран. Южно-приморский парк, лошади, лыжники, толпа, аттракционы, музыка. Метель. Вышли на залив, все в пелене. Спал, не спал. Щенки пищат. Федор Абрамов, рассказ «Собачья гордость». Он знает слово. О знахаре. Абрамов умер в 63. Как мне сейчас. «Это я начисто отметаю». Филонов. Мойка, Пушкин, речи, аплодисменты. «Писатель – это инициатива, инициати-

ва – это писатель». «Все мы служим одной даме – Литературе». Сажу в норе, невидимый для всего мира, неизвестный миру, и ткаю свою золотую паутину слов, свои драгоценные, многоцветные кружева – вот я, писатель. Образ писателя, который не вписывается. «Искания в живописи не имеют никакого значения, важны только находки». Пикассо. Это вызов. Вызов на поединок. Цена силы – гибель. Она тебе – для боя. Игры со смертью. Во вся дни живота его. Тает, тускло, сыро. Мысль о траве, о дереве за окном, о вороне на суку или о грязи на дороге. Призрак работы. Стук капель, таянье. Он хочет жить ценою муки, ценою томительных забот, он покупает неба звуки, он даром славы не берет. Котельная на Гривцова. Отнес диск. Шел обратно (перейдя канал Грибоедова), – передо мной с крыши упала глыба льда. Еще б шаг... А когда шел здесь же два часа назад в противоположную сторону к котельной, из-под колеса проезжавшей мимо машины выскочил кусок льда и, как ядро, пролетев в сантиметре от моей головы, разбился о стену. Смерть на одном и том же месте промахнулась в меня за день два раза. Встреча на Сенной. «Среды». В кафе, разговор. Таянье, слякоть, хмарь, летит сырой снег. В древнем Китае черный квадрат – дракон драконов. Символ зла.

Март, к зубному врачу, на Стачек. Тает, сырой снег. Мистификатор, предатель, черный метка. Смотреть – жить. Землетрясение в Чили. Баня, Ершов, «Конек-горбунок». «Книга-то редкая, как это вы ее откопали?» Мощь пружины. Нуль с грохотом катится по пустыням страниц. На залив, проветриться. Шли и шли по льду, снег в лицо, свежесть, рыбаки, лыжники, санки, струнки камыша. Вернулись в сумерках, фонари. Сжатая пружина

жина внутри, затаенная мощь. Боюсь ее пробуждения. Взрыв Слова. Витязь на перепутье: все стороны чужие. Оттепель, ураганный ветер. Сестра, шампанское. Принесли воды из трубы под горой. Старый дом, мамина комната, забрал дневники. Конец мира будет 21 декабря 2012 года. Гамов. Большой взрыв. «Как шумит гора!» – Лариса, когда мы шли от платформы. Брезжат в сознании узоры еще неясной мысли. Поэзия, ее безумные завитки, завихрения и зигзаги. Не предавай себя, не предавай молнию в себе, она – это ты. Всё, что не она – не ты. Разъезженная дорога. Снегопад. Игра золотая. Верный путь. И тот, и этот. Направо пойдешь – в сердце нож. Налево пойдешь – будет то ж. Эти песенки мы уже слышали из более интересных уст. Скудронжогло, Костонжогло. Не выговаривать. Внутри – тайный жар, снаружи – железно-серый день. Фантастические соображения. Нуль игры. Метро Чкаловская; с башней, 12 этажей. Его совиное гнездо на верхнем, 12-м. Хохластые разговоры. Вид из окна: крыши, снегопад, метель, бесы. Ссора. Помирились. На залив, по льду. Морозно, ярко, трепещут метелки камыша, позлащенные закатным солнцем. Встреча. Иранские писатели. Григорий Перельман, математик, решил неразрешимое уравнение Пуанкаре. Живет на окраине Петербурга, в обыкновенной многоэтажке, один с матерью, 44 года, ни с кем не общается, дверь не открывает, на телефонные звонки не отвечает, в полной изоляции от мира. Обросший, волосы до плеч, борода, нигде не работает. Отказался от двух премий. Теперь отказывается от премии миллион долларов, премия тысячелетия. Депрессия. Святослав Рихтер, концерт в Лондоне, запись 1989 года. Пальцы-птицы летают по черно-белым клави-

шам. «Зеркало» Тарковского. Смотрим в четвертый раз. Мышление образами пресекает попытки рассуждений. Две стрелы в разные стороны из одного колчана. Чайки-ангелы высоко в небе. Масолов, композитор, симфония «Завод». Авангардная музыка, свержсмелость. Исполняли по всему миру. В 37-м посадили. Вышел из лагеря сломанный. Писал уже чисто советскую посредственную музыку. Обращался по телефону: «Говорит покойник Масолов». К нему в квартиру забрался вор и унес только чемодан с его никому неизвестными ранними гениальными произведениями. Чемодан до сих пор не обнаружен. Если бы эти произведения Масолова были найдены, многое, возможно, в истории музыки 20 века пришлось бы пересмотреть. Нерваль, голубые волосы, водил омара на веревке по Парижу. Яркий день. Гуляли по льду залива. Рыбаки. Пишу без связок. Густовато. Из гусеницы родилась бабочка с узорами на крылышках. Потеплело, тает. Опять гуляли по льду залива. Солнце в дымке. Концерт во дворце Абамелек-Лазарева. В пышечную. Метро «Канал Грибоедова», встреча, журнал. Дождь, просветы. Вербное воскресенье. В Москве теракт, взрывы в метро, погибло 39 человек.

Апрель. Тополь светлый, трехтрубный. Язык воды и ветра. Медуза – самое древнее на земле животное. Все виды животных появились на земле 500 млн. лет назад, а медуза – 600 млн. лет назад. Так что все животные вышли из медузы. Медуза – прародительница всех животных, в том числе нас, людей. Пасха, пятна снега, светло, аз с вами. На Луне 3 млн кратеров. Музей Державина, концерт. Чернышев, косточка того атамана Чернышева, сподвижника Ермака. Шумских-Леонова, редак-

тор, рукопожатие. Тень Бунина и Рахманинова. Оредеж. Темный лес на том берегу, белеет снег, жажда света всю зиму, и вот он – свет. Ольха в золотистых сережках, солнце, солнце, всюду. Когти дьявола устремлены ко всему новому. Язык живородящий, самоговорящий и самопишущий, голос его – рев моря. Песнь дракона сокрушает горы. Белоголовый мастер боя, сила на острие вихря. Во рту перламутровый перстень. Под Смоленском разбился самолет с поляками, погибло все польское правительство, президент, министры, генералы, всего 90 человек. Летели в Хатынь, туман, самолет задел деревья. Параджанов «Цвет граната». «Ты – огонь, ты облачена в черное». Цензура вырезала много прекрасных кусков, и фильм был перемонтажирован. Умер Костя Крикунов, 48 лет. Эта хрустальная нота ушла из мира. К Техноложке. Втроем у окна, чашка кофе. Купол Троицкого собора, обновленный, синий с золотыми звездами. Смоленское кладбище, похороны Кости Крикунова. Яркий апрельский день. Извержение вулкана в Исландии. Черное облако пепла накрыло половину Европы. Отменены рейсы самолетов. Ожидается, что к вечеру эта туча дойдет до Петербурга, возможно, прольется серный дождь. Умно молчит. Мысль светится в глубине мозга таинственной незнакомой звездой. Мир ждет ее воплощения в виде мистической розы. «Приготовьте свадебный чертог! Грядет небесный жених!» Старо-Петергофский, Аня, день рождения. Снегопад, буран. К ночи стихло. Ясный месяц, зеркальце. Красят скамейки в парке. Пруд, чайки, гуляющие, музыка, юный изумруд пробивается сквозь бурое, мертвое, прошлогоднее. У нас в квартире малярши, стекольщики. Лариса ушла за праздничным пайком для

Лидии Андреевны, на бульвар Новаторов. Ветеранам, ко Дню Победы. Пришел врач, юный, высокий, тонкий, Олег Владимирович, делает зубной протез для Л. А. У него целый ящичек таких протезов, пробных, для пациентов, стариков и старух. Зачем крутится вихрь в овраге? Как сердцу высказать себя? До дна, дотла. Душа воды – зеркальный шар, разбитый о скалы. Океан угрюмый, думы, трюмы. Вечером к травнику на Черную речку. Нарвские ворота, Аня, старость женщин. Читаю язык. Шершаво, шаблонисто. Фонтанка, Кандинский в двух томах. Метро Чернышевская, чашка кофе, разговор о журнале. Отдал диски. Пришел мастер ставить счетчик воды. Бесшумно ходит на кошачьих лапах, пума. Статью в литературную энциклопедию. Зализняк, о «Слове о полку Игореве», подлинник или подделка. Мысленно древо. Новы тайны.

Май, влажно. Красные сережки, оброненные тополем, на белой кабине машины в переулке. Лариса, ее удобо, депрессия. Вырваться из дома, хоть куда-нибудь. Спасо-преображенский собор, черные купола, черные липы, темно-сизое небо, зелень газонов. Кто бо дал бы, да напишутся словеса моя, и положатся она в книзе вовек. Корень словесе обрящем в нем. Иов. Сила слова рвет оковы. Этот день потрясает копьем. Ул. Декабристов, редактировать. Засиделись. Темно, пусто, автобуса нет. Шестерка, до Нарвских ворот. Едва успел до закрытия метро. День Победы. Девять орудий с «Авроры», под горой. Гроза, дождь. Знание без знаков. Темный корень мирового древа, растет, растет по ночам, вглубь, в немоту веков. Древняя пчела внутри янтаря. Посидеть где-нибудь. Невский. Коньяк Бержерак по сто грамм. Казанский собор,

мостик этот. Подержались за золотые крылья грифонов. Быть счастливыми. Пешком до Сенной. Стоглавый дракон в броне алфавитов. Горит бессмыслицы звезда, она одна без дна. Путь в смерть и в широкое непонимание. Дымка за плечами. День жаркий, черемуха, куст у железной дороги, уже доносится знакомый запах. Стоит Некто с мечом и чашей. Тень на свитке времен. Василиск, гнедая лошадка, бушующее будущее опыляю, уверхаю лето над муравой. Поэма конца и конец поэмы. Белый ворон в венке из молний. Где-то в какой-то книге написано: кто есть кто. Клавдия, хочет, чтобы я сказал что-нибудь по телевидению. Сорок дней. Храню в сердце. Хрупкий нервно-психический аппарат. Точность, точность. Тогда, в марте, на вечере Чехова... При прощании на углу: «Никакая это не катастрофа». И пошел по Марата, на спине рюкзак. В последнюю встречу в кафе на Сенной: «Еще, может, и поживем. Весна наступает. Еще и букочки попишем». Сад весь в цвету. Тепло, влажно, черемуха, петух. Широкошумно. Сеть слов вылавливает чудищ морских: опять, опять этот древний ужас! Тайна письмен. Тюрьма смыслов. Душат шаблоны; ничего, ничего, друг матрешка, пробьем стену лбом. Малевич, два ангела-хранителя: белый квадрат на черном и черный на белом. Верит только в черное. Древний ворон. Страж северных ворот. Майская ночь, серпик, запахи цветения и молодой листвы, густой настой, тепло, влажно; вышел в одной рубашке, стою, дышу. Жизнь позволяет себе отражаться и позволяет видеть себя в зеркале. Но жизнь и ее отражение в зеркале не одно и то же. Зачем отражение, зачем зеркало? У древних китайцев, однако, именно отражение, луна в ручье, эхо в ущелье, считалось поэзи-

ей, а не сама луна, не сам звук. (То есть не сама жизнь, оригинал). Язык течет по новому руслу. Зовы новых губ. Верю в то, как делает природа. Мастер-невидимка, во всем видна его могучая рука-молния, его филигранный дух. Кому ничто не мелко, кто погружен в отделку кленового листа. Пуп земли, Дельфы, мраморный шар с двумя золотыми орлами по бокам, восток и запад. Шершаво живется друзьям истины. Филины и совы, сферы и просфоры. Белый ибис на плече Водолея. Цветущий сад. Посев. Семь, семья, семя. Жуки, лепестки, бабочки, облака, благоухание, петушок. Черемуха у железной дороги машет цветущим рукавом. Тепло, Алжир, чудный сон. Сверкающий рог голубой ночью. Дрожат редкие, в дымке, капельки звезд. Космос цветет, окутанный тонким сиянием. Утонченной жизни цвет. Чистописатель. Ни пятнышка. Красное ли красное? В телестудию на машине. Ночной город, май, теплынь, я в одной рубашке. Троица. Ночью болит рука, не дает спать. Под утро забылся. Снилось Слово, египетский Тот, бог языка и письмен. Он, Тот, заверил, что кому-кому, а ему-то понятен сей тонкий, паутинный путь слов, на котором вырастают эти невиданные, фантастические цветы, непонятные людям. Ему-то, Тоту, богу Слова – все понятно, абсолютно всё понятно! Так что же тебе еще, мурзик?.. Вечер, гроза, метель лепестков с яблонь. Буря выворачивает наизнанку лист ольхи; серебряная ладонь, нутро мира. Памяти нет, ничего не вижу. Что ж я тут делаю, слепой и ничего непомнящий? «В вечности от литературы остается только гротеск». Марсель Пруст. Молния и гром дают знак, что умершие здесь, с нами. Суровый свет совести, коготь сокола, желтое око. Пощады нет. На чаше весов свинцо-

вая гирька сердца. Уважение к рождению и смерти. Не уважающих настигнет кара уже при жизни. Развенчанный и низвергнутый кумир, Комарово, море, мелко, шоссе, камешки. Кончено.

Не спится, вышел в сад, уже светло, какая-то птичка пиликает. Начало белых ночей. Жизнь нежная, беззащитная. Не то, всё не то. Мышиный король. Золотое клеймо неудачи. Один, сиротство. «Только образ рождает идею, и никогда идея – образ». Чехов. «Мы с тобой отворили калитку и по темной аллее пошли». Почему Аничков мост, дикие кони, голые юноши-укротители? Почему Арсеньев, почему – жизнь? Почему не чирик? Вот я стою под Полярной звездой в точке скрещения страшных сил. В этой точке сошлись все боли и скорби, все тяжести. «Сцена жизнесмерти». Айги. Где ты, душа? На суде оттенков? Или твой судья – Анубис, черный квадрат? Из квадрата я смотрю в «чуть-чуть» – и «чуть-чуть» ускользает. Дождь и мгла. Я тут седьмой день, сегодня уеду в город. Сирень на столе. Озираюсь: какой-то дом, Оредеж, обрыв, блеск этот... За цветами каштанов, от варикозного расширения вен. Уже осыпаются, набрали мешок, говорит, на три года хватит. К сестре. Вспомнили маму. Холод, тучи. Праздник города. Лежит, давление. Дело дрянь. Напился, гулял в парке, девки ночью, плохо, рвало, не спал. Непонятные порывы. Мучительная ночь и не менее мучительные, медные стрелы рассвета.

Июнь, вернуть книги. У Нарвских ворот долго ждал автобуса. Теплый ветер, флаги развеваются, девушки на остановке. Разговор, ненавистница нашего общего знакомого. «Не гений, не гений», говорит с ядовитым сарказмом. Предлагает написать предисловие: «Позвольте

объясниться». Объяснение с читателями – как писалась книга, создание мифа, мифологизация. При прощании трижды расцеловала. Во дворе оглянулся, машет рукой из окна, я на бегу махнул в ответ. На асфальте густо насыпаны семена от каких-то деревьев, пух летит. Мглисто, тучи, холод. Спал, не спал. Под утро разболелась рука, правая, беда моя, стебель, пишущая лапка. Фонтаны. Игра радуги на ветру, на струях. Ночью опять болела рука, не дала спать. Чистый вечер, закат, стена туч через всё небо на западе, фиолетовая с розовым гребнем и зигзагами. Опять ночью болела рука, наказание божье. Холодное лето. Горение, кипение. «Стих – это трансформированная речь; это – человеческая речь, переросшая сама себя». Тынянов. Эту ночь спал спокойно, рука сжалась, не болела, почти, только под утро тревожила сквозь сон, но сон пересиливал боль. Кукушка, ветер в саду, шелест, седые головки одуванчиков, пчелка, душой исполненный полет. Путь богов, свой путь, супремус. Как будто существует некий незримый гигантский кристалл-многогранник, мировой алмаз, и при особых сочетаниях слов-лучей одна из его бесчисленных граней вдруг сверкнет в глаза. Тайна созвучий. «Лобзать уста молодых Армид». Всегда новая земля и новое небо.

Погряз в знаках. Отец мой, мать моя?.. Великая Мать всех живущих. Не пора ли вернуться в родной дом? «Что ты, сынок, такой невеселый?» спросит. «Теперь уж мы не разлучимся, теперь мы всегда будем вместе». У меня в груди вместо сердца было зеркальце, грустное кривое зеркальце мечтателя и фантазера; я споткнулся о знак зодиака, льющий из черной урны воду забвенья, и выронил это зеркальце; и вот оно разбилось и разле-

телось на много-много осколков и стало звездами, большими и маленькими звездами этой, не знающей предела, Вселенной. Вечер. После дождя сыро, туман, комары; старая береза у реки, мешок с мусором, крутой берег, стук капель о картонную коробку. Светло. Так ведь белые ночи! Начало. Сад, холод, бледно-розовое на западе, сквозящее сквозь зелень деревьев. И трепет этот, и дрожь жизни сквозь меня. Глубокий вдох, глубже, глубже, как серп в небе, вдох бездонный, втянуть в себя всю эту ночь и задержать в себе, не выдыхать... Чую дуновение с юга. Скользнуть призраком по этой мгlistой дорожке. Уничтоженье, смешенье, ковш чистой глубины... Засыпая, просыпаясь... Туманные ступени, вкус неизвестности, ожог радости, разрыв всех связей, вот сейчас увижу то, что нельзя никому видеть... Боль в руке под утро слабая. Зеркало, ветер, облако. Мой голос глух, мой волос сед. Певучий сумрак. Слеп, как Савл, очи в чешуе. Письма Блока – Менделеевой. Стоял наверху у раскрытого окна, солнце заходило, долго-долго дрожало его золотое марево, там, сквозь крону дальнего дерева, клена или тополя. Уже и ночь, полночь, а все еще так светло, такое чистое голубое небо, и стрижи несутся по этому голубому простору. Вот они, белые ночи. Сейчас, помчусь туда, в вихре мгновенья... Вихрь возникает из ниоткуда и несет в никуда, и я – никто, незнакомец, блеск воды, вздох ветра, вздрог неизвестности, ребенок, не родившийся в мир... Я несусь, и негде остановиться... Снятся: брошенный корабль; вода – густо черная, как смола, зеркало, мертвый штиль. Обхожу помещения, заглядываю во все уголки. Ни души. Что тут произошло? Ни ветерка, ни звука. Океан, действительно, – Тихий, как его назвал

Магеллан. Солнце в зените, палящее. Стальная палуба раскалена. Не знаю, что мне тут делать. Надо возвращаться к моей лодке. Подхожу к борту, смотрю: ужас! Лодки нет! Болтается у борта пустой трос... Всю ночь дождь. Утром опять гром, опять дождь. И тучи движутся – Батыи. Душная ночь, душный рассвет, душно, душно мне. Вышел на крыльцо босой. Небо совсем светлое, верхушки деревьев колышутся. Какие-то знаки. Читаю по веточкам, по камешкам, по капелькам росы на траве. Радость! Книга мгновения! И опять нас сожгут на этом костре. И мы полетим на крыльях сна и узнаем любимые места наших гуляний в давние, забытые белые ночи. Поцелуев мост, Нева, Новая Голландия. Пепел Клааса стучит в мое сердце. Ехать в город. Перепутал поезда. Стою на платформе, жду, рюкзак. Кто меня гонит? Поеду завтра. Лямка скуки. Горний ангелов полет... Умер Андрей Вознесенский.

Галерная, Волхв, усы, как у Перуна. Пел древние славянские песни. Вторую ночь не сплю, болит рука. Вчера, позавчера, дождь, буря. Двойное сознание, смена масок. «А под маской было звездно». Лучистые переключки, ведется таинственный, неслышный разговор их нежных и суровых душ. Я этот разговор слышу, он звучит в моих ушах, как пение тоненьких хрустальных колокольчиков. В Вырицу за квитанциями. Поезд ушел, показав хвост. Обратно по шпалам. Дымка, мутно, влажно, трава в ночном дожде, рыжий гравий насыпи пахнет дегтем. Жара, парит, купался. Гроза. Ночь душная, влажная, не уснуть. Лежал на спине, слушая железный гром поездов. Пили красное французское вино, гуляли до разлива. Комары, влажно, тучи. Вечером дождь. И ночью, барабанные па-

лочки по железной крыше. Тучи, сестра, Цветаева, паутинка и росинка. Кто-то занес сюда семечко миров иных, оно проросло, стало писать книги. А ему говорят: «Ты так не пиши! Пиши по-нашему!» Похороны сна; сон хорошо все тот же, детский свет незнакомой страны. Всеотменяющее Одиночество. Железно-льдысто. Идем в церковь Казанской Божией Матери, к святому Серафиму Вырицкому. Она в длинной юбке с ромашками, в соломенной шляпке. В церкви много народу, воскресенье, детский плач, крестят младенцев. Поставили свечи за здравие. В часовню. Молилась на коленях у гробницы Серафима, просила помощи, плакала. Сидели на скамейке у сосен. Пирожки с черникой. Пешком до вокзала. За обедом красное вино. Оса на стекле, стойкий воин, битва с незримым гигантом. Мужайтесь, боритесь, о храбрые други... Танец лучей в саду. В городе, жара, фонтаны, загорающие на траве. На почту, письмо в Ставропольский край. Вагончик с книгами. Веберн. Пьяная бабенка у пруда за рисовальной школой, едва на ногах держится, красивая и молодая, играла в мяч с младенцем, падала в траву. Тут же боролись два мальчика лет шести, близнецы. Солнце в пульсирующих кругах, в алой закатной дымке. Вот откроются западные ворота, и выйдут настройщики затенных струн. «Ночь – лучшее время, чтобы верить в свет». Платон.

Ужинали на веранде, красное вино, вечер, многоярусье туч. Громыкнуло. Змейка в стекле, вторая, третья. Нарастающий шум ливня. Ларису от выпитого вина клонит в сон. А я возбужден грозным электричеством, бьет дрожь. Не избежать сегодня бессонной ночи. Влажно. Мир твердосмертный. Шумят деревья и душа разры-

та. Чудо понятия – «падают листья». Огромно и чисто. Вставные зубы в чашке с водой – скелет со дна глянул. Жасмин зацвел; железный вихрь по рельсам. Купались, нагромождение облаков, колокольчики за калиткой. Цветок ее имени, тот над пропастью, змееволосый, звездоочитый. Прага, прогулки, на мосту, луна больше неба, объятья, поцелуи. Нельзя, нельзя, при всех! Серп Селены нас не минет. Вода любит своих утопленников. Допили вино. Вечером за таволгой, засушим, лекарство. Лида, соседка, детский врач в школе, долго беседовали на веранде. Лида тихая, кроткая, голос робкий... А ночь: спи, спи, спи... Но опять и опять зовет меня знакомый-незнакомый голос. Амфитрита. И я просыпаюсь окончательно, бесповоротно, навсегда. Выхожу из воды на плоские доски мостков. Безлюдье, отмель... Сладко-дурманый запах таволги (сушится на веранде), зеленый стол, вянувшая пена цветков. Вечерний сад, лучи прощально дрожат в листьях. Тоска уходящего солнца. Жасмин, стрижи, гул мух, звон зноя. Жить в безмыслии, утопая в лени. Встала мрачная, кашляет, разговор начистоту, все то же, что и прошлым летом. Невеселые веянья этих возвращений на круги своя. Надо жить в мире с непониманием. Начинаю ничего не понимать, как когда-то, в прежние, забытые времена, давным-давно, как во сне. Зачем же я хотел все понять? Червивое яблочко, запретное, с древа соблазна. Полдень, сад, бабочка. Где ты, гроза? Отблистало, отгоревало, отрыдало. Туман-шаман. Заблудился в спиральных и вихрях, в поле неизвестно, на неизвестных дорожках. Встал, утро, тишина, Гильгамеш. Трава бессмертья, добытая со дна древнего океана, исчезает, как влажный след сновиденья на моей подушке. Месяц-льдинка.

Петушок поет, откуда-то, из блаженной страны, голос такой чистый, звонкий. Лето, июль, радость. Все как когда-то. Радость еще есть во мне, еще жизнь, еще живу. Это и нужно и верно – когда никто никому. Плыть спящей щекою. Прочли мы эти туманные письма в общей братской крови. Звон ускользящих слов. Мы не успеваем их впитывать. Всё больше мягкостью, ни для кого – закат. У него такое доброе, ясное лицо, и оно что-то говорит мне, прощаясь. Говорит: «До завтра, дружок! Не грусти, вернись!» Песенка для себя. Жара, как тогда, в Атлантике, в юности. Та жизнь давно отхлынула. Пустопенно. На лодке, кувшинки, купальщики. Треск костра на том берегу, веселое, алое пламя, всепожирающее, очистительное. Ушла собирать листья земляники на опушке. Искупался. Новорожденный. Стою на горячем песке босыми ступнями, в забытии, долго-долго, вечность, в объятиях солнца. Не хочется просыпаться окончательно, покидать это полусонное состояние, эту расплывчатую область неясных чувств. Пытаюсь зацепиться за клочок дремучей водоросли и еще побыть хоть сколько-нибудь на границе сна и яви, в промежутке, в паузе, пытаюсь пожить в этой стране пограничных чувств, уловить ветер с ее цветущих берегов. Отглаженные отливами пески, одна волна, на ее гребне – тот, «Золотой жук», Эдгар. Радужный трепет в его «Маргиналиях». Драгоценная поблеклость, патина, многое мира. Почему я так мало помню, живу в каком-то полубеспамятстве, вздрагиваю от каждого шороха... Может быть, это тихо-тихо, призрачно стучит в дверь (не от тебя ли, далекий человек) – чуть беспокой: весть?.. Душная ночь, комары, не спится, небо – зеленоватый нефрит. К реке, пьяные; наяда, нырнула, блеснув грудью.

В Вырицу за лекарствами для Л. А. Печет. Аптека. Жду во дворе в тени под липами. Прошла, шелестя и блестя. Гроза назревает, томительное нарастание. Туча уронила две капли – вот и весь дождь. Белокостно-огромный день, пекло, рынок, облака. Выбирает рыбу, жду в тени, три цыганки, колеса в ушах. Только вернулись и – дождь. Долгожданный! Сумрак рвет, жасмин взмок, хорошо, хорошо, дышать можно! Гора с плеч, свежо, перламутр. Проснулся сегодня, и это летучее чувство упорхнуло опять, оставив только едва уловимое, мгновенное дуновение мысли: огромный, неизвестный день впереди. Ребристо-новое небо, какие-то знаки, в саду, на траве, на дороге, всюду, не разгадать. Страшная тишина, поистине страшная. Доносится звон посуды в соседнем доме. Неужели я еще живу?.. Пузыри на реке, мутно, желто, пни, лодки, еловый лес. Не хватает какого-то звучика, муравьиного шага, вздоха... Где же спрячется ключик этих тайн? Грудь давит. Не буду, не буду сегодня ни с кем говорить, ни полслова... И вот, наконец, облако, забытое, из другого мира! Оно – спасенье от бездонного, неумолимого Дня, с его неразгаданностью, его шифром. Лестница между двух небес, шатается, гнется, тает... Иаков, зигзаги... Сад после грозы вечером, отряхивается, шорох капель. Тройная радуга во всю небесную ширь, тающий семицветный мост.

Суббота. Пестрое колесо снов. Гигантское крыло энергии во весь мир, в высоте, вчера, уже погасло. Сухой пол, раскрытое окно, ветерок, предчувствие полета, как в юности. Син, сын сини. Чара голубого вина, священное число 317 в чистом, безоблачном небе. Ноги-волны идущего по этому гребню, шаги-вихри. Слышу доносящийся

с этих смутных высот, скрытый из-за горы, единый хор живых и мертвых. Меня зовут, я молчу, мой рот замкнут, я не пою в этом общем хоре. Кто я? Не тот и не этот. Не знаю. Сам себе незнакомец, никто и некто. Мой день впереди, там – закат, сизо-чешуйчатый запад, отмененность сил, зависшие в пустоте, красные, изгибистые строки над горизонтом. Иду туда. Немота – это накал. Белое пламя. Место встречи сил, смерть хороводов, полушка за душой, нищее серебро, апокалипсис окончательной точки. Застарелые, рыжие травы на склоне. Мощно молчит гора. Вагнер. Стол, хлеб, вино. Слов не помню. Я в долгу перед вами, первые небеса, первый звук и первый цвет. Поэты-пчелы, солнечный мед скальдов. Все же – молчу. Мастерство – это молчание. Мастер молчалив. Знойно. Привезли инвалидную коляску для Л. А. Муравей взбирается на вершину цветка, как на башню. Тающий шелест волны из последнего, перед пробуждением, сна на рассвете. Эта волна пришла с вестью от древнего, давно отшумевшего океана. Белые, бедные, седые волны, плещущие в берег дальний. Радость луча в саду. Радость в том, что моей нищете ничего не надо. Подкованный терминами Пегас, загнанный ездоками в магистерских мантиях, пал на дороге, гордый скакун, шепот гор, «Падаль» Бодлера. Пенье зреет, блеск безликих. Красный слон с закрученным хоботом, на животе написано: Маяковский. День, жара. В Европе + 40. Еще неделя – и будем, как две обугленных головешки. Заря, шелест блекло-алых платьев в саду. Куй-син, дух Полярной звезды. Камень с отливом сине-роковым. Все та же жара, дыхание пекла. Наполнил бочку для душа на дворе, по лесенке, обливаясь потом, шатаюсь, как пьяный, отбиваясь от слепней. Купались,

недолгое освежение. В саду, в тени, на скамейке, читали. За молоком, два магазина закрыты, третий открыт. Жду под елями.

Всё тот же круг, замкнутый тихим отчаянием. Жара усилилась, марево зноя с утра. В Колпино образовался смерч, поднял и отбросил машину. Тропические повадки атмосферных духов, аномалии климата. Прячемся в саду под сливой. Сон: будто бы стройка, горы земли, песка, орошаемые струями. Под обрывом – люди, море, отлив; люди чего-то ждут, смотрят на море. Мне не протиснуться сквозь толпу этих ждущих. Тут же какое-то старое каменное здание, с ржавой башенкой на крыше. И вот я внутри, темно, мусор, пыль, переломанные школьные парты. Хожу из помещения в помещение, с этажа на этаж, коридоры, лестницы. Мне никак отсюда не выбраться. Спрашиваю у старух в черных траурных платках: где выход? Они показывают: там! Иду на смутно брезжущий, пыльный свет, как в пещере. Какой-то широкий двор. Грязь. С трудом пробираюсь, глядя под ноги, где б чистое место, чтоб не запачкаться. Кто-то называет меня по имени, знакомый голос, но мне не вспомнить... Жребий. Смелый бросок тела в пропасть. Может, я где-то далеко в темном поле... «Веяние неуловимого». Метерлинк. Мотыльки. Купались. Пурпурный час заката; робкое, едва ощутимое прикосновение. Разве к человеку речь моя?.. Не спится, в саду мелькают призрачные фигуры, сквозное покрывало. Пудовые веки Вия, кто их поднимет?.. Тяжелый зной, облака, душно. С запада надвигается сизо-темное. Бежим через лес, ветер налетает, качаются еловые лапы, шумят вершины. У магазина пыльные вихри. На обратном пути все уже темно вокруг, гроза за-

стала в лесу, грохот грома, молнии блистают. Добежали до калитки уже под дождем. Приключение. Пьем красное французское вино. Гроза разбушевалась, ливень. Через час стихло. Электричество опять отключили. Где-нибудь провода оборваны. В полночь иду спать во времянку. Третий том Блока, голубой, потертый. Буйной музыки волна. Не спится, душно, влажно. Тучи. Что-то ведь я любил? Что? Что-то призрачное и ускользающее, какую-то дымку жизни, какой-то неясный ореол, как луна в тумане. Любил все смутное, смуту, смятенье, волнение. Следи за остротой иглы, царапающей узор, больше от тебя ничего не требуется. Ощущение, где твои чуткие, что-то ищущие в темноте щупальца? Спи, спи, зародыш, ты еще в тепле и уюте, в утробе матери. Выйдет из туч бык, стряхнет в наш сад иней с серебряных своих рогов. Вижу, вижу: в бычьей маске – это ты, Отче! Мастер филигранных снежинок в суровом фартуке уже приготовил мне чистый стол февраля. Новые раковины дней, завитые тревожной улиткой вьюги. Мастер – это молния, и он знает, куда ударит молот. Начинает с иголки в стоге сена, а находит никогда не бывшую Трюю.

Разбудили когти на крыше; ходят и ходят, скрежеща по железу. Четыре женщины в синей лодке, за черникой, звонкий голос и смех. Читаю по-спартански, лаконизм: как писатель пропускал то, что надо пропустить, не писать, читаю пропуски, паузы, умолчания, звонкую пустоту в кувшине, и душа радуется, дыша гулом этих пустот. Гончар, Амма, книга мира из глины, семь страниц света и семь – тьмы. Любовь к земле; пробудясь, слышу: поскрипывает эта древняя, святая ось. Инвалидное кресло на

колесах в саду. Черные маки, эти кивки молчаливых чудовищ. Хор мух, рев рек, мост, плотина, ржавые рычаги, блеск полдня, непрорубная тоска, лопухи, заросли. Толпа на берегу, кого-то ждут с той стороны. Нарастающий гул. Вот он – железный дракон в черно-желтых полосах, поднял ветер, вихрь крутит траву. Крушения, обломки, пузыри. Ураган в Москве, вырванные с корнем, поваленные деревья. В Чили снег. Зодчество облаков. Вещие зеницы во все небо. Колокольчики у железнодорожной насыпи, раскаленные рельсы. Мозг плавится, не вспомнить ни одного имени. Ночью – обмылок. Луна. Магические стекла снов. Испепелен. «Новое поколение не могло почувствовать себя творцом, пока не отвергло, не насмеялось над поколением учителей». Давид Бурлюк. Паучок живет один и ткет из своей одинокой жизни тончайшее кружево, чудо мира. Маленький-маленький паучок, совсем незаметный. День Военно-морского флота, парад на Неве, корвет «Стерегающий», хлопки выстрелов. Зной, марево, ни ветерка. Опять рельсы. Финн в спортивных трусах приезжал на велосипеде. У него дача в Новолиссине. Душно-лилово. Лилипут в стране вулканов. Аномальная жара в наших широтах, огнедышащая радость с восхода до заката. В Москве + 40. Илиас, чернобородый гигант, пришел красить крышу. В стекле веранды мигнул корень неизвестного растения. Речь в тысячу вольт, высокомерие небесного глагола. Что ему я? Важнее сказать, чем говорить. Август, роса, красный стул в саду. Письмо, слова размыты, не прочитать. Ржавый гвоздь, Роджер Бэкон, Темза, Тауэр, дрожащие жерди мостика через лесной ручей, сон Сципиона, бесследность. Чосер умер в шестьдесят лет от старости. Совесть мучает, спящий

орел, нет кипенья, поникли перышки. Поехали в Вырицу закраской. Ночью, наконец-то, прорвало – гроза, ливень. Укол чуда – в сердце. Я вздрагиваю или сад? Блеск стрелкозы, стук яблока, испуганное лицо, предсмертные записки мгновенных жизней. Их лавры, их венцы. И вдруг чувствую: сердце-то молчит, замерло от непонятного страха, и вот я кричу ему: ау! ау! А оно не отзывается, далеко ушло или затаилось, нарочно молчит. Сердце у меня – раковина странной, ни на что непохожей формы, таких в мире нет, единственный экземпляр. А внутри кто-то невидимый, неизвестный, дышит, вдох-выдох, прилив-отлив. Успею ли я поймать эту петляющую, ускользающую от меня золотую змейку глубоко-глубоко под веками на зеркальной глади какого-то сумеречного моря (ведь я не сплю, я бодрствую, я только всматриваюсь в свой закат, повернув глаза внутрь). Нет, опять исчезла, испарилась, бесследно, Психея, оставив тревожно дрожать, как лист в ночном саду.

Илиас покрасил крышу. Он мастер на все руки, делает нам и душевую кабинку на дворе. Жара. Пробую писать, буквы тут же сгорают, превращаясь в пепел. «Стиль всякого писателя так тесно связан с содержанием его души, что опытный глаз может увидеть душу по стилю, путем изучения форм проникнуть до глубины содержания». Блок. «В конечном счете все сводится к душе автора; пустота или содержательность зависят в большей мере от субъекта нежели от объекта». Шиллер к Гёте. «Для художника лучше один крик журавля, чем тысяча чириканий воробья. Один цветок лучше, чем сто передает великолепие цветка». Ясунари Кавабата. «У сердца есть свой разум, которого разум не знает». Паскаль.

Письма Шостаковича. Шостакович ненавидел мемуарную литературу, переписку свою не берег, уничтожал. Не хотел, чтобы о нем писали воспоминания и опубликовали его письма. На завтра обещают ураган, град. Европу затопило, бури, смерчи, ливни, сносит дома, люди не успевают выбежать наружу.

«Горе – это мрак, радость – это свет, и когда свет достигает предельной высоты, рождается мрак. В этом судьбы людей, идущих по кольцу». Ляо Чжай. Музыка запахов. В Японии слабый, едва уловимый запах ценится больше, чем сильные, пронзительные запахи. «Вы рисуете ветку и слышите, как свистит ветер». Цзинь Нун. Корень глубокий, а тайна – вот она, шелестит веткой. Видится и не видится, слышится и не слышится. Незаметное сделать заметным, неясное ясным. Следуй кисти. Дзуйхицу. «Наверное, я постепенно лишился того, что называется инстинктом жизни, животной жаждой. Я живу в мире воспаленных нервов, прозрачный, как лед... Меня преследует мысль о самоубийстве. Только вот никогда раньше природа не казалась мне такой прекрасной! Вам, наверное, будет смешно, покажется парадоксальным: человек, очарованный красотой природы, думает о самоубийстве. Но природа потому сейчас так прекрасна, что отражается в моем последнем взоре». Акутагава Рюноске. Предсмертное письмо.

Рисунок – ритмическое изображение внутренней силы, ци. Ци состоит из цзин и цу. Цзин – тончайшее духовное начало, цу – грубое, материальное. Во Вселенной существует первоначальное ци, и только! Оно проявляется то как инь, то как ян. В живописи следует сторониться шести духов: 1. Дух вульгарности. 2. Дух

ремесленничества. 3. Горячность кисти. 4. Небрежность, в искусстве мало изысканности. 5. Дух женских покоев, кисть слабая, нет силы. 6. Пренебрежение тушью. Цзоу И гуй. Ненамеренность, непринужденность, душевный порыв, игра воды. Незнание глубже знания. Тогда незнание – это знание? Разве есть внутреннее и внешнее в прозрачной воде? Разве есть внутреннее и внешнее в пустоте? Когда сочиняешь стихи, не думай, что сочиняешь их. Сайгё. Глядя на луну, я становлюсь луной. Луна, на которую я смотрю, становится мною. Где живут другие, я не живу. Куда идут другие, я не иду. Когда стихи написаны, они становятся клочком бумаги. Басё. Прекрасное родится само, в нужный момент. Важно почувствовать этот момент. Кёрай. Стихи, которые мы сочиняем, разве это истинные слова? Когда пишешь о цветах, ведь не думаешь, что это на самом деле цветы. Когда пишешь о луне, не думаешь о луне. Мы создаем только подобие того, что нам хочется, к чему нас влечет. Упадет красная радуга, и кажется, что бесцветное небо окрасилось. Засветит белое солнце, и пустое небо озаряется. Вот и мы в душе своей, подобной этому небу, окрашиваем разные вещи в разные цвета, не оставляя следов. Сайгё. Если не знаешь неизменного, не имеешь основы, если не знаешь изменчивого, не обновишь стиль. Басё. Истине тесно в словах. Истина вне слов. Пустые места на свитке исполнены большего смысла, чем то, что начертала нам кисть.

Ночной дождь. Обещанной бури нет, чистое небо. «Я не считаю, что лишенное «повествования» произведение лучше всех остальных. И все же с точки зрения «чистоты», т.е. с точки зрения отсутствия вульгарной занимательности – это художественное произведение в

наиболее чистом виде. Вульгарной занимательностью я называю интерес к происшествию как таковому. Существует другой, более высокий интерес. Произведение, лишенное «повествования», почти полностью лишено вульгарной занимательности». Акутагава Рюноске. Выхожу в сад на рассвете. Свежесть утра, и это Нечто, в воздухе, как в незапятнанные времена, миллионы лет назад, весточка оттуда, от древней Земли, Геи, от ее бессмертных, вечно юных уст, дуновение ее могучего дыхания, великой Матери всех живущих. Жучок, паучок, травка, улитка, воробышек устремлены к этому Нечто, к этой туманной свежести. Жара нарастает. Конец света. Купались, облако. Письма Шостаковича. В 30 лет уже жалобы, что стареет, что близка старость; что возникают паузы, перемены в работе. Не сочинял день или два – и он в ужасе, паника. Ему надо сочинять музыку непрерывно. Сочинение музыки – вроде недуга – преследует меня. Не спи, не спи. Настрой струну на смертный бой. Георгий Победоносец. Великий Змей, стерегущий сокровище. Художник-химера. Неизящно и немелодично. Фрак, инфаркт, обрыв струны. Приутих наш круг веселый. Правая рука, как плеть, не сыграть даже «чижика». Следопыты в джунглях. Гостья из Сиверской.

Чистое утро. Стою на крыльце, лицом к солнцу. Петушок, тоненький, ломкий голос из-за железной дороги. Десятилетие гибели атомной подводной лодки «Курск». Погиб весь экипаж, 48 человек. Салют, алые гвоздики на океанской воде. У соседей маляры красят дом, узбек и узбечка. Змеистое небо, хвосты энергии. Формо-содержательно, джин в кувшине. Сломалась какая-то пружина в мозгу. Печальная привычка изъ-

ясняться знаками. Пишу: «ночь», и мне из-за стены отзывается Что-то, чему нет ни имени, ни названия, и просит меня молчать. Беззвездно. Жара, кремнистый запах раскаленных пустынь. Луч за лучом, штык за штыком; ясная сталь, твердый шаг, верный путь, роковой. Мы забыты, одни на земле. Мы с тобой старики. Только стены, да книги, да дни. Страшной памятью сердце полно. Только вышли за калитку – потемнело, черно, вихрь налетел, закрутил пыль на дороге, деревья зашатались. Нет уж, лучше вернемся в дом, закроем форточки. Повалены столбы, оборваны провода, сидим во тьме, без электричества. Легли. Фары бьют в окна. Рука грозы рисует молниями с нечеловеческой быстротой, миллионы линий в секунду. Что она хочет сказать? Этот замысел недоступен. Друг, друг, я ведь дух. Слышу шаги дождя по листьям в саду, легкие-легкие, нежные-нежные, лечащие. Соль языка испаряется под одиннадцатым знаком зодиака. Как узнаешь об этих утратах на страницах пресноводных книг? Петрарка, стерто, груз имени, библиофилия, монастыри, старые пергаменты. Безвозвратно утраченный трактат Цицерона «О славе», был в его руках, единственный экземпляр, не переписал, дал почитать другу. В Вырицу, купили растворитель, гвозди, хлеб, мясо, рыбу, творог, сметану, масло. Ждем поезда на мокрой платформе. Опять дождь. И ночью. Барабанит по крыше водяными палочками. Разбудил голос за стеной, бормотанье, ее мать, несчастная, слепая старуха. Сидит на лавке, скелет, смех сумасшедшего, похожий на плач, говорит, что у нее сегодня первая брачная ночь. С трудом уложил в постель. Хохочет беззубым ртом, слепые бельма.

Голос забытых книг. Матово-красный камень, ртутная руда. Да мы с тобой теперь миллионеры, друг Томми! Циклон-дракон, ледяное дыхание из космоса. Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому. Брюссельское кружево, узор, воздух, проколы, глаголы. Демон чтения, зверь в шкуре письмен. Пляска шамана, солью опалены волосы. Отключилось электричество, полгорода без света. Встали поезда, электрички. Люди в метро добирались до выхода по туннелю. Петрарка, спасаясь от бандитов, упал с седла, сломал руку. Его домик-садик в Воклюзе под Авиньоном. Его «Тайное», «Secretum». Нашел в монастыре, в Парме письма Цицерона, отсыревший, заплесневелый пергамент, гниль. Книга, о которой давно бредил. Единственный экземпляр. Какое счастье! Опоздай на год, на полгода – и книга бы пропала навсегда. Переписывал три месяца. В полном блаженстве. Библиотека Петрарки – несколько сот книг, древние античные авторы. Из современных писателей – ничтожная часть. Вообще их не читал, и знать их не желал, не прочитал ни одной книги из современной литературы, ни одного писателя, как будто их и не существовало, с презрением о них отзывался. Не смог дочитать Данте, его «Божественную комедию», скука. К схоластике – ничего, кроме отвращения и ненависти. Отрицал Аристотеля и предпочитал ему Платона. Но из Платона у него был только «Тимей», вот над ним и горбился. Писал за пультом, по краям которого торчало два спиленных бычьих рога. В одном черные чернила, в другом – красные. Пучок гусиных перьев и свинцовый грифель – линовать пергамент. Петрарка писал каллиграфически. Все писатели того времени

были каллиграфы. Сам переписывал свои книги, а также и чужие, из любимых античных авторов. Увенчан лаврами на Капитолии. Европейская слава. В Вырицу, купили крестовую отвертку, гвозди, помидоров, лука, ночной горшок. Ветер, яблоки падают со стуком, как железные. Одноразовый организм, миражи, дуновение чумы. Все, что есть сейчас в мире, и все, что когда-либо было и когда-либо будет, – присутствует здесь, в этом месте, в этот миг, в блеске этой паутины в саду. Собака лает на дороге; луна, желтая, жуткая. Не уснуть. Она и ее слепая мать, их громкие голоса за стеной, крик и плач. И поднял я глаза мои, и увидел: вот, появились две женщины, и ветер был в крыльях их, и крылья у них, как крылья аиста. Кто ты, Гора? Взор объемлет всю землю. Петрарка, Милан, Венеция. Том Цицерона, тяжелый, как железо, фолиант, ни с того, ни с сего упал на ногу, два раза. Нога распухла и загноилась, слег в постель. «За что ты меня бьешь, Марк?» Путь к морю, Неаполь, там друг Боккаччо, бедняга Джованни. Ди Чертальдо. Монах напугал, требует сжечь рукописи и думать о спасении души. Петрарка уничтожил все свои письма на итальянском, оставил только написанные латынью, отредактировав, чтобы предстать перед потомством в героическом виде, и ни в коем случае не обнаженным, а если уже обнаженным, то как древнегреческая статуя. Петрарка умер над книгою с пером в руке. Голова лежала на раскрытой странице. Кончить писать и умереть в один миг. В мае 1630 года монах фра Томамазо Мартинелли украл из саркофага правую руку Петрарки. Эта рука очутилась в Мадриде и теперь хранится в музее в мраморной урне. Петрарка был высокого роста 1,83, правая нога на один сантиметр

короче левой. Крупный нос, большой череп. Мозг намного превышал средний вес. Уехала в город. Остался с ее слепой матерью за стеной. Посреди ночи проснулся от страшного вопля: «Помогите!» Вхожу. Сидит на постели и пытается снять через голову ночную рубашку. Ей мнится, что ее душит ворот, все туже и туже сжимая шею.

Полнолуние. Вслушиваюсь: звучит ли еще тот первоначальный звук, которым все создано, та чистая нота? Тень сарая, черные доски, угрюмый час. Вхожу в дом. Ее мать сидит на стуле. Слепая старуха под 90 лет. Говорит, повернув голову в мою сторону: «А вы мне нравитесь. Вы высокий, плечистый. Настоящий мужчина. Мне предложили выйти за вас замуж, и я согласилась». Ей кажется, что она юная девушка, мечтает о замужестве. Я для нее незнакомец. По моему голосу представляет, что мне лет тридцать, что я сильный, высокий, смелый. Она в восхищении от моих достоинств. В Нижнем Тагиле однорукий инвалид-пенсионер застрелил из ружья трех чиновников пенсионного отдела. Много лет добивался, чтобы ему увеличили пенсию. Потерял руку по вине завода, на котором работал. Суд постановил выплатить ему 250 тысяч рублей и втрое увеличить пенсию. Он предъявил постановление суда чиновникам. Разговор не получился. Двоих убил, одну тяжело ранил. Потом застрелился сам. В Смоленске в 2001 году маньяк-убийца убивал, изнасиловал, высоких девушек блондинок, душил черной шелковой лентой, затем завязывал ее бантом на шее задуженной жертвы. Десять девушек. Из-за несчастной любви: изменила, пока он служил в армии. Высокого роста блондинка. Утро, бреюсь. Морщин прибавилось. Позвонила, не приедет. Соседка, латышка, светловолосая,

просит лестницу – чинить крышу. Вздымалась грудь ее волною. Краткодневен и пресыщен. Ранневизантийский поэт Нонн. Гарсиласо де ла Вега. Фернандо де Эррера. Тереса де Хесус. Чертоги, замки, крылатые мосты, скоропись, смутен, тысячеуст. Всю ночь барабан дождя. И пошел пророк, и предстал пред царя на дороге, прикрыв покрывалом глаза свои. Вот, Я приведу их из страны северной и соберу их с краев земли; слепой и хромой, беременная и родильница вместе с ними, – великий сонм возвратится сюда. Сижу, мыслишки. Книгу пишет гроза внутри автора, книга – шаровая молния, раскаленная сфера с температурой, превышающей температуру солнца, в ней герои и персонажи, идиот, Лев Мышкин, перед грозой, его предчувствие, состояние, жуткий накал, напряжение, нарастание, насыщенный электричеством воздух... И вот она – гроза! Разразилась! Разряд! Припадок падучей на лестнице в гостинице. Нож Рогожина, занесенный над ним, молнией во мраке. Автор внутри грозы или гроза внутри автора? Имею ли я мировое право не творить ужасного? Блок. Садовник, цветок себя; сила древнего семечка, из пупа Вишну вырастает невыразимо прекрасный, небесный лотос, а на лотосе восседает Брахма. Ночь духа. Ничто. Чтобы всем обладать, не имей ничего; чтобы сделаться всем, будь ничем. На титульном листе первого издания «Дон Кихота» латинский девиз: «После мрака ожидаю света».

Пьяный велосипедист на дороге. Пусть забудет его утроба матери; пусть лакомится им червь; пусть не останется о нем память. Снилось: куда-то едем, с вокзала, несущая бутылку шампанского в кастрюле. Выронил, шампанское разбилось. Хорошо, что в кастрюле, можно вы-

пить и так, с осколками. Попробовал: нет, не получается, губы порежешь. Идем, Фонтанка, черно, чугуны. Негде ночевать. Постелила в лодке. Благодарю вас. А, может быть, есть другой выход из этого прискорбного положения?.. Опять в городе. Холод, мрак, фонари, наплыв беспричинного ужаса. Страшно взглянуть на горящие электричеством окна. Тарковский, «Сталкер». Свист поезда, стук колес, стол дрожит, стакан с недопитым чаем, как живой, рывками движется к краю. Сын погибели. То ли девочка, то ли мальчик. Помылся под душем. Спать. Судороги в ногах, боль, волком вой. Валокордин. Невский, в книжном, максимы Наполеона, грудастая, преградила путь: что у вас в кармане? Верю в гармонию сфер. Они так красиво поют! Ангельскими голосами! Их семь, из горного хрусталя, в руке Пифагора. Столпы небесные прострошася и ужасошася. Пастернак в Чистополе, зима, Шекспир, патефон весь день на кухне у хозяев. На Марсе открыли метан. Два спутника Марса, Фобус и Деймус, страх и ужас. Последний листик августа. Все тот же холод. Борей сорвался с цепей в пещере. И восплещет нань рукама своима и возьмет с шумом от места своего. Кит и его рыбка прилипала. Не мог вспомнить имя. Лег спать. Нет, не уснуть, мучает, что не вспомнить. Встал, нашел в книге: Магритт. Успокоился. Твердя, Магритт, Магритт, заснул.

21 годовщина нашей свадьбы. Молилась, стоя на коленях у гробницы Серафима Вырицкого. Ждал снаружи. Холодно, солнце, пирожки с луком. Чувство, что я в любой миг свободен от всего и вся, от всего приобретенного. Гол сокол. Сброшенная шкура. Один, сам по себе, с зияющей пустотой в сердце. Ничего у меня и во мне нет. Я в

нуле. Я всегда в нуле, в начале и конце всего, в ускользающей точке свободы. Непоколебим. Неуловим. Низкий и нищий. Нерожденный. Дождь, буря, дух. Молния вязнет в земле. Я Вас любил. Анна под поезд. Книга гор и морей, Шань хай цзин. Змеистый шелест этих страниц из «Героя нашего времени». Прояснение. Наяву или во сне. Блеснет золотой волосок – единственно верный путь. Паутинка в осеннем небе. И вот я иду по этому волоску. Кто-то меня ведет. Вэньчан. Это называется – путь паутинки. И я знаю: этот ускользающий из-под ног путь-паутинка на Страшном суде слова будет Верховный судья, он-то и будет решать: кому направо, кому налево. А его уже и нет, паутинка-то пропала. Паутинка-волосинка. Темно кругом, тучи, беспутье, распутица. И я опять один, сам с собой, и не знаю, куда идти. А кто-то мне говорит: да ты не сомневайся! Иди туда, не знаю, куда; найди то, не знаю, что. Уехала с матерью в город. Один в доме. Жарко натопил печь. Ночь. Тихо, глухо. Глаголы уст Его храню. Хмель-хмелина, зверь-зверина, лоб-лбина, пес-псина. Из-за решетки слов глядит Кто-то орлиным взором. О, страшных песен сих не пой про древний хаос, про родимый... Слово сферично, мы всегда внутри Слова, всегда в центре Слова. Мы всегда меньше Слова. Слиться со Словом, стать Словом. Молния из центра на один миг соединяет нас со всем Словом. О, лебедиво! О, озари!

Уж небо осенью дышало. Утром нашел на дворе около умывальника мертвого воробышка. Похоронил в саду под сливой. Кому ты говорил эти слова и чей дух исходил из тебя? От духа Его – великолепие неба; рука Его образовала быстрого скорпиона. Вот, это части

путей Его; и как мало мы слышали о Нем! А гром могущества Его кто может уразуметь? Силою своею волнует море и разумом Своим сражает его дерзость. Бреду по лесной дороге; тепло, облака, листья летят, рябина красная. Бабье лето. Большие цели, большие примеры. До трагедии ли нашему черствому веку? Размагниченность. Доколе еще дыхание мое во мне и дух Божий в ноздрях моих. Зеркало около умывальника во дворе, чуть запотелое, я в синей рубашке, волосы зачесаны назад, седоватые у висков, слегка развеваются в дуновении ветра, сад, изгородь, высокие, желтые цветы колышутся. Автопортрет мгновенья. Восплещут о нем руками и посвищут над ним с места его. Пушкин в русской красной рубахе, подпоясанный ремнем, с палкой, в шляпе, на ярмарке. Вульф пишет, что так он нарядился один единственный раз и этим скандализировал весь бомонд. При его-то светскости и байронизме. Ткацкий станок, Гёте. Ценная монетка, профиль стерт. Сад после дождя, краснобокие яблоки в каплях. Сжаться в точку, вернуться в центр, там прячутся ритм, имя и форма, и не желают выходить наружу, под дождь и ветер. В местах, забытых ногою. Всё драгоценное видит глаз его. Но где премудрость обитается и где место разума? Не знает человек цены ее, и она не обретается на земле живых. Бездна говорит: «не во мне она», и море говорит: «не у меня».

Чехов, его восхищение «Таманью» и «Капитанской дочкой». Подводное свечение этой прозы, сумеречный, серебристый отсвет. Заячий тулупчик, Гринев, кавалер де Грие. Грация – изящная краткость; точность чарующего. Художник бедный слова, чан Диониса. Мастер, выйдя из центра Желтого, движется сразу в четыре сто-

роны – к Зеленому, Красному, Белому и Черному. Уста его замкнуты, в правой руке циркуль, в левой отвес. Многоглавое дерево, корни в сердце первопредка. Адам Кадмон. Проснулся посреди ночи от звука, как будто что-то треснуло. Тихий такой треск. Что бы это могло быть? Лопнул какой-то шовчик на другом краю Вселенной? Плюс ищет свой минус. В яйце брезжит зародыш. Кто ты, птенчик?.. Заблудился в сумрачном лесу. Туманный день, козы на дороге, с фермы, их таинственное «ме» из Шумера. Молочница, филологиня, родом с Волги, ее семь дворов и семь ворот. Чтобы пройти, надо снять с себя всю одежду и украшения. В полнолуние встань голый на перекрестке с круглым зеркалом в левой руке, увидишь свою смерть. Не забудь, Аристотель, очищение, шестая глава, жалость и скорбь. И сила рук их к чему мне? Над ними уже прошло время. В стране теней они пробуют призрачный звук на вкус. Осенний лист летит за окном вагона. Все мы умираем неизвестными. Слава – солнце мертвых.

Опять в городе. Утро, забытое молоко на подоконнике. Собачка наша разродилась; пять щенков, два желтых, три черных, еще слепые, сосунки. Создание с девятью отверстиями, пишет в манере доселе неизвестной. Эти узоры проступают изнутри солью изморози на панцире, на скорлупе, на камнях, на листьях травы, на странице. Они от меня не зависят. Рыцарь бедный, под броней только сердце. Помолиться о форме. Слова столпились в кучу, не видно леса. Вар, Вар, верни мне мои легионы! Боль в виске. Лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась. Таинственная... Какое длинное и бесконечно чудесное слово. Ни одного «р», и – «печально», и «обна-

жалась». Лесов – инст-сень-аль-лась. И еще эти – а-а-а – такие долгие, так долго и печально обнажалась. И – ложился на поля туман. Так просто, так обыкновенно и так дивно. Опять ни одного «р». Эти ло-ился-ля, эти на-ан, и – а-а-а. Именно – «ложился», именно – «на поля», именно – «туман». А это «туман» – какое туманное, большое, плотное, емкое слово, как оно, туманно клубясь, опускается, опускается, на поля, на поля... И – гусей крикливых караван тянулся к югу... У! – какое длинное-длинное и тонкое-тонкое «тяну-у-у-у-лся к ю-ю-ю-гу...» Эта бесконечная ниточка, и это гу-гу, в начале и в конце – гусей-югу. Безумно красиво. Именно это сочетание звуков, рисующих именно эту картину. И – приближалась довольно скучная пора, стоял ноябрь уж у двора. Ведь именно – ноябрь. Не оттого, что – по смыслу. Тут дело не в смысле, а в том, что – «довольно». Есть это «но», значит, надо, чтобы было еще одно «но», там, дальше, через некое пространство и время, то есть именно «ноябрь». А поставь вместо «ноябрь» «октябрь» – и все рухнуло, вся эта красота. От одного неверно взятого (в строке, строфе) звука рухнет весь мир. Не метафорически, а буквально, физически. Также, как рухнет снежинка, утратив свой узор, свою кристаллическую красоту, свое хрупкое чудо, а вместе с ней, всякий раз (с гибелью одной снежинки) рухнет и все мироздание, весь космос. Потому что все это – одно Создание, создано одной Рукой, одна плоть. У слов та же плоть, и эта плоть слова – такое же хрупкое чудо, как и у снежинки. И каждое слово создано той же Рукой. И живая плоть фразы, строки, стихотворения, поэмы, книги. Узор, вэнь, мир-книга. И в этом Узоре, в этой Книге, в этом Кристалле мира нельзя произвольно

менять, ни звука, ни буквы. Я слышу: всякий раз при неверно взятой, фальшивой ноте содрогаются и вскрикивают от внезапной боли весь мир, как смертельно раненый, и я содрогаюсь и вскрикиваю вместе с ним. И как же мне не страдать – ведь это же для меня единственное, чем ценен мир, чем он диво и чудо, из-за чего я еще здесь и не спешу уходить.

Показать, скрыв. Показать, не показывая. Спрячь белое в черном. Сквозь маску – звезды. Твердое слово «дорога». Прокрасться, вычеркнуться. Лермонтова должны были назвать Петр или Юрий. Так было принято называть мальчиков в роду его отца, в роду Лермонтовых. Бабка пересилила, назвала по роду Арсеньевых, по деду, Михаилом. Троица: резец, ряса, рынок. Погибе память его с шумом. Возносяй мя от врат смертных. Проснулся в семь. Мглисто, листья. Лишь паутинки тонкий волос блестит на праздной борозде. И действительно: как блестят эти два «з» в этой паутинке. Унылая пора, очей очарованье, приятна мне твоя прощальная краса, люблю я пышное природы увяданье, в багрец и золото одетые леса. Тут ведь шелест – эти п-р-с-ч-щ-ш. А в конце «б» и «з» дают блеск. И преклони небеса и сниде, и мрак под ногама Его. (Наклонил Он небеса и сошел – и мрак под ногами Его). И взыде на херувимы и лете, лете на крилу ветреню. (И воссел на херувимов, и полетел, и понесся на крыльях ветра). Вот и сравни. Имеющий уши да услышит. Что происходит при переводе. Изменяется тело слова, плоть и кровь слова. А с ними – и душа и дух. А с ними – и смысл и суть. Потому что каждая фраза, каждая строка – это единое Слово, единая Плоть. Имя Бога, Змей, Нирах, Номмо, Фанес, сияющий, неизмен-

ный. Слово, змея, спираль, нить, узор, вэнь, первый язык мира. Утешься, друг Петрушка, погибай в балагане. Понедельник, дождь, буря, вихрь. В Пушкинский дом, лю-бомудры. Укиё, быстро текущий. Студенты на остановке, Нева, Исаакий, золотой сон. Пятница. Щенков увезли. Пусто в квартире. Грустим. В ЦГАЛИ, сдать архив. Гора с плеч. Дождь, холод, листья, осень, Нева, машины, шум этот, ремонт, огорожено, фасады в «лесгах». Нащупать нить. Ломоносов, новые слова: маятник, чертеж, насос, созвездие. Карамзин: человечность, сердечность, трога-тельный. Карл Брюллов: отсебятина. Достоевский: сту-шеваться (очень этим гордился). Крученых: заумь. Игорь Северянин: бездарь. Хлебников: летчик. Лезем в потай-ной карман языка за словом. Режиссер Ростоцкий. Печо-рин – Ивашов, слепой – Бурляев, ундина – Светличная. Идем в аптеку, сумерки, пруд, мост, утки. Между домов, желтые клены. Вдруг зашуршало. «Что это? Дождь?» – спрашивает. Смотрю: нет, снег! Крупа. Так и сыплет, так и сыплет! Уже вся дорожка у нас под ногами белая. И как все осветилось вокруг!

Четверг, писец, Набу, грифель из Шумера. Эта рыба не умещается в море; умаляясь, она превращается в знак на стене катакомб. Сокрушительная свежесть вулканиче-ских извержений. Рим, арка Адриана. Что ты унываешь, душа моя, и что смущаешься? На выставку Ю. Медведе-ва. Васильевский остров, Большой пр., 62. Мрак, дождь. Алексеев, Тропников. Бокалы с вином на столике. Ее тревоги. Пятница, прялка, изгибы, извивы, тонкие дела, веретено. Брось в колодец. «Все складывалось так, что-бы убедить его самого в полной своей бездарности». Во-лошин о Богачевском. Звонил Алексеев, святой в венце

вина. 140 лет со дня рождения Бунина. Ночью буря. Дух пишет, где хочет, перышком вороньим на полях. Сжатый кислород. Не уснуть. Стук часов на столе, это он нагоняет страх и ужас. Заостренная стрелка секунды, пульс ночей и дней, душа в пятках. Эх ты, Ахиллес! Среда, котельная, Шельвах, Костя Крикунов, посмертный том. Артистический жар, повышенная температура, как всегда, как всегда. Андрей Белый, 130 лет со дня рождения. Ни букета, ни портрета. Метро Чернышевская, песнь творити. Северная Аврора, Лукин, свет в окне, проблеск; выстрел с моей публикацией готовится не за горами.

Ноябрь, дождь. Дом Державина, концерт. Вышли, темно, брусчатка во дворе. На Фонтанку, через мост. Твой день и твоя ночь. Собрание пишущих вилами на воде, плетущих корзины извилистых витийств. Поднимают к небесам уста свои, и язык их расхаживает по земле. Приснился Оредеж, лето, яркий солнечный день, сижу на берегу, быстро-быстро пишу в текущем, сияющем свитке, и поток уносит мои письма. А я пишу и пишу, нельзя не писать, нельзя перестать записывать ни на минуту. Так велит мне мой Повелитель. Я должен писать до последнего вдоха. Московский пр., Парк Победы. Блок, 130 лет со дня рождения, концерт. Галина Дюмонд. «Незнакомка», юноши и девушки из театральной студии. В квартире грусть. Хризантемы на столе. Снегопад, в церковь, память Марии Афанасьевны. Запах из пекарни. Николай Харита, автор романа «Отцвели уж давно хризантемы в саду». Красавец, высокий, стройный, сердцеед, женщины его обожали. Жил в Киеве. Убит каким-то бароном-ревнивцем, застрелен на выходе из ресторана. Ночью буря, дождь. Лев Толстой, сто лет со дня смерти. Писа-

тель, двуликий, раздвоение личности, пропасть внутри, а мостика нет. На кладбище в Красное Село. Память мамы. Голые, черные клены, земля, дождь. На обратном пути поссорились. Опять предложила расстаться. Вот уже третий год твердит как заклинание: расстаться, расстаться. Ее слепая мать снова кричала ночью. Подняли с пола. Одна и та же галлюцинация: как будто она лежит на улице, на рельсах, и ее сейчас зарежет трамвай. И нам никак не убедить ее, что это ей только грезится. Так у нас теперь чуть ли не каждую ночь. Метель, экстремально, эквилибрист на шаре. Яблочко, куда котишься? Играй на одной струне. Сестричка смерть. Мороз. Нарвские ворота, канцтовары, лента для пишущей машинки. Тротуар перед магазином оцеплен оранжевыми флажками; три узбеки орут, чтоб шел прочь, пока цел. С крыши сбрасывают снежную лавину. Умерла Белла Ахмадулина. Звонкок судьбы: начнет печатать мою книгу в своем журнале.

Концерт в университете. Чернышев с женой, шампанское. Лыжи, метель, сумерки, колючки репейника в белых шапочках, решетка ограды, шахматисты в тулупах под синим навесом, спортплощадка, турник, шум шоссе. Вечером к Старовойтовым, вино. Обратно через парк, нес на плече две пары подаренных нам новых лыж, она – мешок с лыжными ботинками. Адская ночь. В квартире под нами опять оргия. Концерт в музее театрального искусства. Чернышев с женой и мы. Флейтистка. Мороз, метель, переулочек Крылова, продувная труба. Оглянулся: Пушкинский театр в метели, озаренный фонарями. Рух: разруха, проруха, старуха. Украинская газета. Можно ли трезвой то высказать силой ума, что опьяненному муза прошепчет сама? Злая лающая Парка. Оттепель. Идем

в аптеку на Дачный проспект, буран, снег в лицо. Большая очередь, человек двадцать. Говорят: это еще что, бывает, и на улице стоят. На рынок, купили рыбу, пикшу, картошки 4 кг, из Волосова, морковь, груши. Книжный вагончик у метро, продавщица в тулупе, занесенные снегом книги. Умер Коля. Запой. Пил десять дней, никому не открывал дверь в квартиру. 43 года. Всю ночь буран. Дом писателя, вручение премий молодым поэтам и прозаикам. Н. Н.: «Надо почаще упоминать обо всех вас, чтобы что-то сдвинулось». Лыжи при месяце. Ветер сдувает с ветвей седые космы. Ушла на собрание жильцов, расселение «хрущовок». Мастер игры в го, проиграл последнюю партию и, не вынеся позора, умер, в 64 года. Письма А. Белого, вопли черного отчаянья. Места силы, Жар-птица в волшебном саду, феерия искусств. Магические заклинания, начертанные древними иероглифами внутри бронзовых кувшинов. Вся земля моя и мне дано пройти по ней. Аполлоний Тианский. Поехала в СОБЕС. Звонок, забыла документы. Нарвские ворота, жуткие, зеленые, филоновские. Толпа, тускло, собаки на снегу. Зашли в кондитерскую у метро; а коврижек, каких ей хочется, нет. Приходите завтра. Дом писателя. Набросились: такой я и сякой, мозаист, пуантилист. Я был спокоен, как лед на Эльбрусе. Болевой писатель, закрученный. И показала рукой вверх, смерчеобразно, как я закручен. Мороз. Фонари. Смотрю в безраздужную мглу. Лунное затмение в ночь на 21 декабря. Смерть и живот в рuce языка... Вода глубока – слово в сердце мужа. На Невский, ей хочется посмотреть, как украшено к Новому году. Лиловенько, в сосульках. Заглянули в Книжную лавку. Книги мои лежат железно, как в саркофаге, до Страшного суда.

В Пассаж, она скоро. Жду снаружи. Полнолуние, мороз, толпа. Александр Тихомиров, художник, одноглазый. Магнитная стрелка указывает на неизвестную звезду на Дальнем севере. Ацтеки. Золото – испражнение богов. А вот будет время, когда каждый человек, чтобы услышать одну ноту из моих творений, будет скакать с одного полюса на другой. Скрябин. Купил елку, колючая, ах, как пахнет! Слава Божия крыет слово. Погряз в книгах. Закат. Прощай, уголек! Безрадостные дни, от года-то хвостик остался. Огни, мрак, дома, брести куда-то, месить эту кашу. Все равно не хватит силы дотащиться до конца. Игрушка-погремушка над ухом. Слава мира. Иди домой и ничего не жди. Пиши, пиши, червячок, стар и страшен, провидец божьих чудес. Тускло, мороз. Звонил Алексеев. В кондитерскую за тортом, Саша, пьяненький. Новый год вдвоем.

Январь, читаю, душа автора, след тигра в зимнем лесу. В начале был голод. Придет новый чародей, накроет наш стол скатертью самобранкой; тяжелы эти черно-белые чаши, чуют срок и черед. Творити книги многи несть конца. Гуляли в снегопаде. К церкви, пекарня, пирожки. Ей плохо, давление, лежит. К перемене погоды. Оттепель. В Манеже выставка, Ю. Медведев, Чернышев, Алексеев. Шестеро в лодке. Повторы, копии. Мокрый снег, слякоть из-под колес. Опять мороз. Сел за стол. В заутрии сей семя твое, и в вечер да не оставляет рука твоя. Юлиан отступник, речь «К царю Солнцу», написал за одну ночь; речь «К Матери Земле» – за две ночи. Проводил в поликлинику. Бледная, похудела, на грани отчаянья. Непосильная ноша для ее хрупких плеч – этот крест. Джек Лондон, 135 лет со дня рождения. «Морской волк»,

одесская киностудия, 1990 год. Волка Ларсена играет известный актер, литовец. Понедельник. К Нарвским воротам, снять ксерокс с моей повести «Рак на блюде». Там подешевле, скидка для пенсионеров, на рубль с листа. Для сборника «Повести петербургских писателей». Метель, мутно, метро. Вышел на площадь. Ворота триумфальные, зеленые. Вороньи лавры. Толпа, скользят, гололед. Ужас этот снежком припорошен, дьявольское коварство, долго ли шею свернуть. Вечером к Старовыйтовым. Коньячок. Косноязычие мастера черных солнц. Утром к метро, розы. Вот и ей 65. Небо голубое, мороз, а я еле тащусь, на ногах гири. К вечеру метель. Гулял в парке, вернулся, стол уже накрыт. Опять оттепель. Мокрые хлопья вьются. Поехали на Литейный, приемная, полковничиха, рыжая, заявление.

Февраль, таянье, серо, тускло, сыплется мокрый снег. Мне 64. Нелепая поездка на Васильевский остров, Михнов, выставка, не нашли. Проболтались четыре часа. Промочила ноги, сердитая. У метро Гарнин, нос к носу. Вечером Лена с Мишей. Напился. Мнози суть высоци и славны, но кротким открываются тайны. В Дом писателя. Алексеев: ты мне тем больше всего нравишься, что не делаешь лишних движений. Отзыв в «Литературной газете». Сергуненков, юбилей. Почто гордится земля и пепел. По всему миру мрут пчелы. Ученые говорят: из-за химикатов и телефонов сотовой связи. По предсказанию Эйнштейна, если на Земле вымрут все пчелы, человечество погибнет. Мороз, солнце, медицинский институт на Садовой, у цирка. Чернышев, Лебедев-Серб, Тропников, Алексеев, Константин Иванов, Сорокин. Шампанское. Алексеев: «Как пишет Овсянников? Вот так: Ночь, ули-

ца, фонарь, аптека. Пришел, увидел, победил. Ужасный, мрачный, отвратительный писатель. Ужасная отвратительная поэтика». Лебедев-Серб: «Что в народе говорят об Овсянникове – что он блее Андрея Белого». Выставка Константина Иванова, пл. Чернышевского. Вино, сукка, ушел. «Поэтический гений есть истинный человек, а тело или внешняя форма производна от поэтического гения». Вильям Блейк. Снегирек на клене, каждое утро прилетает клевать семена. Пишу плотно. Сократи слово, малыми многая изглаголи. Концерт в Капелле, дирижер из Канады. Дебюсси, Равель, Дворжак. Среди говорящих тварей есть боги, есть люди, а еще есть Пифагор. Феллини, «Джульета и духи», смотрели до часу ночи. Только стал засыпать – зовет, у нее ужасная боль в спине. Растирал мазью, плачет, хочет жить. Утром солнце, яркость. У соседнего высотного дома-башни ослепительно блещут стекла.

Март, мокрый снег, березы за окном. Скрябин. Если бы Бог не любил музыки, я не мог бы ее писать. Я только поднимаю завесу, делаю скрытое явным, я только переводчик. Я ничто, я только то, что хочу. Я бог, я вселенная, я игра. Искусство – это светящиеся звуки. Ничего не создается, все только игра. В кабинете Скрябина перед его пианино висел на стене портрет восточного мудреца, мрачное, дьявольское лицо, работа его друга художника. Скрябин сочинял музыку, сидя перед этим портретом. Рисунок Леонардо да Винчи – голова девушки (для картины «Мадонна в скалах»). И высказывание Леонардо под этим рисунком: «То лицо, которое на картине смотрит прямо на художника, его делающего, всегда смотрит на всех тех, которые его видят». Смысл сказанного слова-

ми (в словах) и смысл видимого глазами (в смотрении, когда смотришь) – между ними пропасть. И я слышу: «Или смотри, или говори. Что-нибудь одно». В Мексике выбросило на берег кита, гигант длиной 10 метров. Сто человек сталкивали его обратно в океан. Некоторые астрономы утверждают, что в 2012 году у нас в небе загорится второе солнце, сверхновая звезда. На Земле будут белые ночи. Это и есть предсказание майя о конце эры в 2012 году. Вечером вызывали «Скорую помощь». Лидия Андреевна потеряла сознание, повалилась со стула. Думали – смерть. Нашатырь. Пришла в себя. Мои самые сокровенные, самые дорогие для меня чувства и мысли чужды миру и не стремятся быть понятыми читателем. Франсис Понж. На грани сходства и несходства. Полное сходство вульгарно. Полное несходство – обман. Избегай вульгарности. Также избегай и обмана. Древние египтяне при мумифицировании сохраняли все внутренние органы тела, как необходимые для будущего соединения с духом. Кроме мозга. Мозг они просто выбрасывали, как совершенно ненужное для человека в потусторонней жизни. В филармонию, Лист. В Японии землетрясение, 18 тысяч погибших. Разрушена атомная станция. Взрыв реакторов. В Южно-приморский парк, давненько мы здесь не были. Талый снег, светлая березовая роща. Демьян Бедный, настоящая фамилия – Придворов. Возможно, незаконный сын К.Р., Константина Романова. На столе Демьяна Бедного стоял портрет К.Р. Известно, что К.Р. ему покровительствовал, помог поступить в Московский университет. У Демьяна Бедного был свой личный вагон, подаренный Лениным. Громадная библиотека, собранная из библиотек, реквизирован-

ных ЧЕКА. Ушла в поликлинику. Тревожно. В Доме писателя, женский день, читали три писательницы: Жорж Санд, Эмилия Бронте и Вирджиния Вулф. Звонил Алексеев, говорит: «Ты же самурай!» Гулял, ветер. Плеск талых ручьев, льющихся с крыши школы. Иду, опустив руки. Пустота. Исая. Четыре крыла земли. Гюго, предисловие к «Кромвелю». Художник – внутренний строй, присущий всей природе. А подражатель – тварь дрожащая на всех ветрах. Перевели часы на летнее время. Утром чистое небо, но вот, уже заволакивает, будет, как вчера, буран. Сизо-темное небо в борьбе туч. Во всех сих не отвратится ярость Его, но еще рука Его высока. Забыл, где живу. Забываю вчерашний день. Беспмятство, сырой снег. Скрипим перышком. Осталось лет пять: чудить в этом чаду. 70 – это уже ятаган в тучах. Жалобы турка. Будь самим собой, старая подошва, дырка от бутика. Толпа толкает меня внутрь себя, а там Карамзин с «Бедной Лизой». Поскольку переживания – фундамент моего искусства, я не подлежу изучению. Сезанн. Сидим, грецкий орех, ум за разум. Динамическая, речевая конструкция, Тынянов, чудище-юдище. Оскудеет слава сынов кидарских.

Апрель, клики чаек, проспект Стачек. Купили резиновый коврик под стиральную машину. Солнце в лицо, печет, жарко. У церковных ворот ручки блестят. Пекарня, проголодались, пирожки горячие, с луком. В квартире душно, топят, как зимой, раскаленная батарея. Старый фильм «Изящная жизнь», немое кино. Перемена погоды, дождь, сырость. В приемную депутата, продуктовые пособия для инвалидов. Крупа, макаронны, консервы, подсолнечное масло. Тащим на тележке.

Ослабели мы с ней, истощение, тяжелая была зима. Шатает, ноги скользят и подкашиваются. Горе венцу гордыни, на версе горы тучные, пиянии без вина. И ногама поперется венец гордыни. Система вогнутых зеркал. Если стоять в ней, станешь ясновидящим, тебе откроется прошлое, настоящее и будущее. Болгарская провидица Ванга предсказала 3-ю мировую войну в 2012 году, сохранится только Россия. Россия будет ковчег всего мира. Столицей мира будет Петербург. Звонил Алексеев: мою книгу читает Москва. Поехали за тортом. Яркий день, грохот, приставленная к стене лестница, рабочие снимают вывеску, то ли Саргон, то ли Сайгон, все как во сне. К Нарвским воротам за подстилками для Лидии Андреевны. Там очередь, много таких, ухаживающих за лежачими, у кого муж парализован, у кого жена, у кого что. Обратно троллейбусом, груз громоздкий. Сухо, мутно, дико. Это уже не просто слова и мысли, напечатанные на бумаге. Это вещь, такая же реальная, как хрустальный пузырек для чернил, стоящий передо мной на столе. Кажется, эти стихи, ставшие вещью, можно снять с бумаги и бросить в окно, и окно разобьется. Вот что могут сделать стихи! Хармс, из письма. Красота – это торжество порядка. Фома Аквинский. Вербное воскресенье. Надо идти от себя, и как можно дальше. Пиза, Галилей, площадь Чудес. ЛЕНЭКСПО, книги, злато слово, речь в микрофон. Оказался в каком-то неизвестном месте, дома кругом, детская площадка. Никак не могу понять, где я. Расспрашивал, как мне попасть на улицу Лени Голикова. Да тут недалеко, говорят, автобус ходит, пять остановок. Добрался до дома в десятом часу.

Цветы, птицы, майское, синее. Мама видится, в ватничке, в платочке. День Победы, Марсово поле, по набережной, Нева слепит. Лица, лица. Изнемогли в толпе, толчее. Грибоедов с отстрелянным пальцем, клен в цвету. Монетка 10 копеек, клейкая, кто-то ее потерял среди разбросанных по земле чешуек и хвостиков. Ветер, мглысто, дождь. Поворачивает к теплу. В Эрмитаже выставка, из Прадо. Тициан, «Венера и клавесин». Устали наши ноженьки кружить по залу. Где бы присесть? Черемуха! Запах донесся еще на дороге, когда еще ее не видел, там, в переулке. У, мировая! Размахнулась во всю Вселенную! Кукушка, туманный голос с того берега. Два рыбака, солнце садится. Упорная строгость, *hostinato rigore*, – девиз Леонардо да Винчи. Проснулся среди ночи, мешала спать какая-то мысль, которую надо додумать. А проснулся и забыл – что за мысль, о чем. Лежал на спине, слышу: первая электричка. Голова болит, виски сдавило. Отчего эта боль? От забытой мысли? Что я ее забыл? Вот и мучает, мучительница. Ведь мысль – женщина. За окном светло. Сад в зеркалах после дождя. Скворец, блестя мокрой угольной спинкой, гуляет по грядкам, клюет червяков. Живу тут один, тяжелые сны, время сажать и сеять. Вид жаберных, человеко-рыбы, нулевой уровень узнавания. Дух времени в ноздрах моих. Оглянулся: синий купол Троицкого собора. В Екатерининском саду – сирень.

Оредеж. Сижу в лодке, опустив руку в воду. Блеск этот, листья тополей трепещут, такие еще молодые, зеленые. Голос кукушки из леса, гулкий, звонкий. Так и сидел бы тут в безмыслии до скончанья веков. Ветер, вейранда, книга. Закатные лучи озаряют страницу; шрифт

резкий, как зубья, страшная ясность смысла вонзается в мозг. Вагнер, маленького роста, щуплый, с орлиным носом, очень подвижный, вспыльчивый, непререкаемый, не терпел никаких возражений, тиранический характер. Умер в 70 лет в Венеции от внезапного сердечного приступа, посреди работы, мгновенно. Ходил по комнате, писал статью, вдруг удар в сердце. Успел сказать: «доктора». Упал, агония, смерть. Опять сижу в той лодке, приложив к уху раковину. Вслушиваюсь: внутри зарождается звук, растет. Брахман. Рядом купаются две старухи. Выходят из воды, одна говорит: не пугайтесь, кому мы теперь нужны. И смеется, веселая. Ночь, по дороге кто-то бредет, шатаясь, то ли пьяный, то ли старый. Abussus abussum, бездна бездн. Двуликий быколев сеет в космосе новые знаки. В Вырицу, квитанции за электричество. Жарко, с ног валюшь, частичка бытия, покой и воля. А кто огород будет поливать? Луи Ламбер?

Дождь с утра и, кажется, на весь день. Лук Геракла. Скучно стреле в колчане, состояние неписьма. Лежу, сложив на груди руки, как покойник, тишина мертвая, только электричка прошумит глухо, и опять эта, глубокая, как бездонный колодец, тишина. Но я не верю ей, я знаю, у нее есть голос, и этот голос мне говорит: встань, садись за стол, возьми ручку и пиши. Все равно – что. Пока не начал писать, ты не знаешь – кто ты. До письма ты – никто. Начни писать – и узоры и формы с отпечатка пальцев, которыми ты сжимаешь пишущую ручку, перейдут в слова и фразы на листе бумаги – твой автопортрет. Эти узоры – с отпечатка титанических пальцев, пишущих Книгу чернилами древней крови предков. Это Он, Водолей, водит моей рукой, это его диктант. Жаж-

дущая смысла рассудочность, Юнг. Дождь весь день, как я и предполагал. К вечеру стих. Оредеж в тумане, влажно, матово. Шлепки капель о воду. Полнота, Плерома. С каждой каплей восстанавливается целость мира. Каждое слово земли и воды пишется изнутри мира, всем миром, всем мирозданием. Так в каждое мгновение восстанавливается мир.

Понедельник. Из соседнего дома пьяный вопль. Сок отравляет шумны мозги. Ставь на проигрыш, поражение – это и есть победа. Поэт начинается там, где кончается человек. Ортега-и-Гассет. Магическое превращение. Опять стоял на горе, созерцая закат. Что внутри, то и вовне. Во всем видно грустное нутро мира. Лариса, расстрепанный голос. Облака, тополиный пух, вой пилы. Он может нести на голове Великий круг, ступать по Великому квадрату, глядя в зеркало Великой чистоты. Стоит ли пожертвовать хоть волоском со своей голени ради пользы Поднебесной? Вещи правильной формы. В городе, день темный, дождь, на Разъезжую. Троянский конь, авторские экземпляры, и черный рак на белом блюде. Никольский собор, облачно, день душный. Тревожное ожидание. Крюков канал, этот антрацит в масляных бликах, колеблются складки, тополиный пух летит. Черный чугун решетки. Весь день на ногах. Екатерину Васильевну привезли из больницы, 94 года, сломанная шейка бедра. Санитары вносят на носилках, громко стонет. Канал, Аларчин мост, музыка из машины на набережной. Спрашивает: что видно в окне? Не расслышав моих слов, просит говорить громче и помедленней, прямо над ее ухом. Таня, сиделка, Джан, Лейли. Низкий полет стрижей, их круженье, как много, как черно. Снова тучи собрались

над моею головой. Не знает, что сообщают ему глаза и уши, сквозь пальцы пропускает тьму вещей. Бродить у начала и конца. Странствовать сердцем в пустоте.

Июль, сны. Чжуань-сую правил, используя магическую силу воды и давая по названиям вод названия должностей. Небесный узор. Ян рождается в знаке цзы, инь рождается в знаке у. Жаркое утро. Сложно-образованные формы облаков, высокая рука Мастера создала эти неведомые шедевры не для моего восторга. Они прячут свою тайну, их превращения мгновенны. Вот, они уже расплываются, распадаются, их форма рушится. Где они? В запасниках каких музеев? Роскошь крошеной ромашки в росе. Четыре «ро», три «ш», семь «о» и «ё». Чудо-строка. Такая, может быть, одна во всей мировой поэзии. Гулял. Господин Люй. Томление. Дева на дороге, отвернулась от моего пронизательного взгляда. Только путешествующие во временах способны владеть этим искусством. Грань приобретения и утраты глубока и тонка, неясна и темна. Дух обитает в сердце и управляет формой. Пошел купаться. Уже темнеет. Оредеж обмелел, спустили плотину. Танец привидений в тумане вокруг призрачного центра. Кто познал одно, тот знает всё. Кто не способен познать одно, тот не знает ничего. Обнимает корень Великой чистоты и ничем не обременен, вещи его не тревожат. Поехали на Английский проспект, получить пенсию Екатерины Васильевны на почте по доверенности. Ждал снаружи, ветер, чахлая трава газона. Екатерина Васильевна третий день не ест, не пьет. Пришел священник, соборовать. Душный день. В Русский музей, выставка Бориса Григорьева. «Улица блондинок». Похудела, измождение, усталое, замученное

лицо. Оредеж. Туман. Без руля и без ветрил. Грибоедов в Тифлисе при венчании уронил кольцо (трясла лихорадка). Дурная примета. Пушкин тоже уронил кольцо при венчании. Путь в Персию, свадебное путешествие, пышное, радостное, цветы, песни, всадники гарцуют. Обратное – гроб, ночь, факелы, черный Тифлис, траурные полотнища, вопли рыдающих грузинок, Нина Чавчавадзе, мертвый ребенок, мертвый муж. Пушкин, какая встреча, песни Грузии печальной.

Опять один. Един есть Бог, един – Державин. В саду подяблоней. Дао дополняется умом, и от этого возникают заблуждения; сердце обретает глаза, и теряется ясность зрения. Каждый стоит на страже своего дела, не вступая друг с другом в соперничество. Тот, кто постиг корень, не заблудится в верхушке. Великое совершенство похоже на несовершенное, постигается без слов. Сдерживая сиянье, можно устоять. Учитель говорит: «Струна права, это в звуке ложь». Форма – это то, чем соприкасаешься с вещами, чувство же остается скрыто внутри, и тот, кто захочет вывести его наружу, если увлечется формой, то погубит чувство, а если излишне отдастся чувству, убьет форму. Только когда чувство и форма проникают друг друга, является нам Феникс и Цилян. Мелочью легко нанести урон сути, а это тут же отзовется в форме. Ум мудреца в умении по началу судить о конце и говорить намеками. Если ценить вещи за то, что в них ценно, то все вещи будут ценны; если презирать вещи за то, что в них презренно, то все вещи окажутся презренными. Пружина духа глубоко скрыта, резец не оставляет следа – таково тончайшее мастерство. Недостижимо высокое не может быть мерой для людей. Чувства приходят в дви-

жение внутри нас и обретают формы в речах и звуках. Господин формы, хозяин звука, узор – вэнь. Резной дракон. Молния в пепле. Звук есть маленький листок дерева Земли и звезд. Вторник. Умерла Екатерина Васильевна.

Встали в семь. Морг у Троицкого собора. Голубой купол в золотых звездах над нами, солнце, яркий день. Отпеванье, попик в рясе пел перед гробом вечную память. В вагоне душно, Мейстер Экхарт, в переводе Сабашниковой. Надо еще додумать кое-что. Хвостики мыслей. Длань незримо-роковая, металла звон, скрежет тормоза, платформа. Для звуков жизни не щадить. Слышно страшное в судьбе русских поэтов. Приехала, бледная, унылая. Луна-льдинка, холодно, жутко. Как дальше жить, спрашивает. А я не знаю, что ей ответить. Не знаю, не знаю. Жить-тужить. Ничто из ничто создал ничто, как говорит Василид. Идем в Вырицкую церковь Казанской Божьей Матери, пешком по шоссе, жаркий день. В церкви прохлада. Девочка некрасивая бегаёт. Толстый поп в черной рясе, очень энергичный. Когда мы подошли к церковным воротам, этот поп брызгал святой водой на богатый лимузин, освящал. Сверху с купола стук молотков. Ремонт. Поставили свечку за упокой Екатерины Васильевны. Грибоедов, слова по-кудрявее – это для поэтов. Доколе слово российское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь. Если умолкнет оно, то и слава твоя угаснет. Лестно, лестно так умереть. Радищев «Слово о Ломоносове». Лариса из леса, с черникой, радостная. Вышел: ночь теплая, ни ветерка, сад-Вий, на западе бледно-розово. Мотылек порхнул у самых ресниц, как молния, в пепельных пятнышках, мучнистое тельце. Трепетность, хрупкость. Идем, слышим: гром! Туча

черная-пречерная! Скорей обратно. А до дома далеко, не успеем, гроза застанет на дороге, вымокнем насквозь, и спрятаться негде. Гром все резче, страшней, туча все черней, небо закрыла. Вот и змея в глаза, вспышка электро-сварки. Первая капля клюнула в голову. Бежим, только в калитку и – дождь. Сначала робко, потом разошелся, хлынул ливнем. Стихло, глядим: радуга! В полнеба на сизо-темном небе. Ах, красота! И тает, тает этот цветной поясок. Вот уж ничего и нет. Воскресенье, купались, замерзли, пили водку. Даосская книга «Люйши Чунью». Облако в виде человека в лазурном одеянии с красной головой и неподвижного. Имя ему Небесный Враг. Облака, как висящее знамя, красное. Душно. Проводил, уехала. Пена дней. Твари в панцирях, нота – юй, число – шесть, вкус – соленый, запах – гнили, жертвы – входу. На дороге, голоногая, загорелая, в коротеньком, черном платьице на тесемках, посмотрела на меня долгим взглядом. Глаза цыганские, жгучие. Угрюмый тусклый огонь желанья. Лет шестнадцать. Хрупкий свет, на западе розово-пепельно. Ночью гроза. Все небо вспыхивало, как будто гигантский ночной мотылек бился серебристым крылом. И гремело, и вспыхивало долго, час за часом, молнии чертили ослепительные зигзаги неизвестных письмен на пиру Валтасара, а дождь все не начинался. Вот что-то зашелестело в саду, вот гуще, шумней. Долгожданный.

Константин Леонтьев, роман «Река времен», сжег будучи монахом, чтобы победить соблазн литературы и славы. На Волге потонул лайнер, почти все погибли, сто человек команды, более двухсот пассажиров. Перевернулся по неизвестной причине. Спаслись только те, кто был на палубе, и несколько человек, кто сумел отдраться

иллюминаторы в каютах. Иллюминаторы по приказу капитана были все задраены. В глубоком унынии, говорит, что ждет смерти. Ушла за молоком. Длинная шерстяная безрукавка, резиновые калоши. Томик Огарева. «Или в лиловой мгле сияния луны». «При блеске солнечном их яркой белизны». «Досадно нежному слуху», как говорил Третьяковский. Холод, ливни зарядили, неистощимые, неисчислимы. Что-то невесело нам живется в последнее время. Пора к Свидригайлову в Америку. Третьяковский разбирает оду Сумарокова. «Что то за диковище? или лучше, что то за сумбур? и толь страннейший, что он здесь прилеплен, как горох к стене. Мне в сочинениях толикия важности не любы ни Нимфы, ни Нептуны, ни другие подобные сумасбродные тени: ибо можно без всех сих пустошей обойтись. Автору надобен токмо звон, а кроме того ни что». Не спится, колесо в мозгу. Топчу тоску. Озарение, откровение, слияние. «Поэзия тебе любезна, приятна, сладостна полезна, как летом вкусный лимонад». Автор «Фелицы». «Потолику между учениями словесными надобны стихи, поколику фрукты и конфекты на богатый стол». Автор «Деидамии». «Коль бы стихи с рифмами не гремели, в начале своем и середине, мужественною трубою; но на конце пищать токмо и врещать детинскою сопелкою. Согласие ритмическое ороческая есть игрушка, недостойная мужеских слухов». Он же. Четверг, туман, накрапывает. Проводил до платформы. Потухший взгляд. Уехала.

Мглисто, Фрейд, подавленность. Ты пьешь волшебный яд желаний. Один в доме. Поднялся по лестнице и – ночь. На печной трубе играют причудливые узоры отраженных листьев, мятущихся в ветре. Иван Крылов,

начал писать свои басни в 40 лет в подражание Лафонтену. Слава и тираж изданий больше, чем у Пушкина. Сербский эпос, битва с турками на Косовом поле. И долго сердцу грустно было. Если бы кто-нибудь пронесил передо мной картину неизвестного мира в текучей раме сна, одну минуту, хотя бы одну минуту, – может быть, я успел бы ее запомнить и при пробуждении записать? Нет, навряд ли, навряд ли. Мечты и звуки. На почту, платить за электричество. На шоссе машина обрызгала грязью из-под колес, летела, как сатана. Джакобо Леопарди, библиотека 20 тысяч томов, одна из самых больших частных библиотек в мире. Собрал его отец, потратив на книги почти все состояние. О, как писали в мощны годы!

Идем к Троицкому собору. Синий купол в золотых звездах на фоне темной дождевой тучи. Поставили свечки, за здоровье и за упокой. Вышли – тротуар мокрый, дождь был. В кондитерскую, пирожные. Опять дождь. Бежим под зонтом до метро. Дома распили бутылку сухого красного вина «Фанагория». У нас, говорит, теперь новый период – старость. Прожили вместе уже 32 года. Метро Чернышевская, встреча, луци у них напряжени. Понедельник, месяц в окне вагона, огромный, красный, сентябрьский. Он звуки льет – они кипят, они текут, они горят, как поцелуи молодые. У Аничкова моста расстались: до связи. Сырой ветер в лицо, темно, фонари. Трезвость. На Фонтанку, Антон Рубинштейн. Художнику необходимо признание, иначе его творчество иссякнет, подавленное горечью сомнений в собственном таланте. Богом быть не могу, королем не хочу, я – артист! Две книжных полки с Гражданского проспекта. Облака. Древние индийские трактаты на санскрите,

летательные аппараты, виваны. Древний город Мо-хенджо-Даро (Холм мертвых), уничтоженный взрывом атомной бомбы. Спираль истории. Все уже было и забылось. Хемингуэй, прочитав рассказ Андрея Платонова «Возвращение» в переводе на английский, воскликнул: «Вот мой учитель!» Полнолуние. Заяц толчет в ступе волшебный корень бессмертных слов. Все лишь ступог к имени, даже ночная Вселенная. Среда, ветер, голос горестный: «Когда же ты вернешься?» Две черных собаки у обочины, нехотя встав, отошли в сторону. Ночь, умный череп. Ибо из тварей, которые дышат и ползают в прахе, истинно в целой вселенной несчастнее нет человека. Музей Ахматовой, стихи читал, взвизгивая, глухой. Подскочил какой-то: вы автор этой книги? Тютчев за границу взял томик Державина и там сочинял стихи: сей, сея, сии. А вернувшись через 20 лет в Россию, стал писать только: этот, эта, эти. Стучит кулачком по столу: почему у немцев в Мюнхене есть памятник Тютчеву, а у нас в Петербурге нет? Высокая сосна, выставка графики, набережная Робеспьера. Красный свитер, одряхлел. Примирение. Кепочку потерял, не помню, где. А ведь я в ней так симпатичен был и нравился женщинам. На радио, Петроградская, Карповка 43, проливной дождь, еле нашел. Закон скупых чернил, рукопись мира, этот темный, черный, очень черный путь. Тащусь с гирями на ногах. Пятница, ночь темная, одна единственная звездочка подмигивает, подбадривает. Испугал какой-то странный шорох. Как будто что-то внезапно обрушилось около меня в тишине сада. Оказывается, это слива решила стряхнуть с себя все капли, что остались на ней после дождя. Есть еще чудеса на земле.

Солнце, залив, мы одни. Массонский треугольник, Адмиралтейство, сияющая дельта. Санкт-Петербург или Санкт-Питерсбург? Купили пуховик, китайский, с меховым капюшоном. Именно такой она и искала. Пушкин носил два перстня, верил в их магическую силу. На портрете работы Кипренского эти два перстня есть. Один – с изумрудом, талисман, хранил его от всех бед. Второй – с сердоликом, подарок Воронцовой, с караибской надписью, хранил от предательства. На все свои дуэли Пушкин надевал перстень с изумрудом, и всё заканчивалось благополучно. Отправляясь на дуэль с Дантесом, он снял с пальца перстень с изумрудом и оставил его дома. На его место надел перстень с сердоликом. В Эрмитаже Вермеер Дельфтский, «Любовное письмо». Выходим, во дворе листья летят, кувыркаясь, сдуваемые ветром с высоких вековых дубов. Золото в лазури. Николай Аполлонович. Невский проспект – прямолинейный проспект. Угол Садовой и Римского-Корсакова дом № 5. В этом доме она жила до 23 лет. Теперь тут отель в 9 этажей. Просит девушку в баре разрешения посмотреть из окна на то место, где был дом. Уже темно, фонари. Вот, говорит, как молнией ударило. Моя жизнь тут. А вот – и жизнь прошла. Поэтесса, финка, слепая, 16 лет живет в Петербурге, стихи пишет по-фински. Переводчица привела ее сюда за руку. У осьминогов голубая кровь и три сердца. Может быть, они явились с другой планеты. Ныне труп искусства, размалеванный натурой, положен в гроб и запечатан черным квадратом. Похороны Малевича по-супрематически: в ногах красный круг, в изголовье – черный квадрат.

Мойка, мглисто, антрацитная вода, веточка, выросшая из щели в граните; дрожат на ветру листочки, еще зеленые. Жизненная сила. Искали выставку, галерея на пр. Бакунина д. №5, около пл. Восстания. Радиопередача, а мы и забыли. Что ты грустишь? Не грусти. Вот у тебя уже в окно новый день смотрит. Малая Посадская, мечеть в утренней мгле, зелено-голубая шапочка. Едем, Шпалерная. Всех скорбящих радость. Помолиться о книге. Вонми, о небо! Что реку. Земля, услышь мои глаголы! Дом Державина, столпотворение. Здесь все, чьи имена внесены на страницы вечности. В зале, где проходили собрания «Общества любителей Российской словесности». Речи составителей Словаря. Битов, плач Иеремии. Вино на подносах. У леопардов рисунок шкуры индивидуален, так же, как отпечатки пальцев у людей. Рюмка водки, поперхнулся, закашлялся. В голове замутилось. Не видела, была занята разговором с вдовой. Вышли, Нева, свинцово, муть, мглистость эта ноябрьская. Чайка на голове сфинкса, мост. Бледная, истомленная, морщинки. Какие же мы с ней уже старые. Ужас. Катимся, катимся. Кто-то крутит калейдоскоп, и мир каждое мгновение предстает в новом, невиданном порядке. А мне не успеть – побыть, пожить в этом новом, другом мире. Калейдоскоп крутится слишком быстро. И вот он уже так завертелся, что все слилось, черно-белое, день-ночь. Светает в половине десятого, фонари еще излучают свое безотрадное электричество. Жду – погаснут, и будет легче. Никого, ничего. Поехали на ул. Декабристов, в жилконтору, оттуда пешком по каналу Грибоедова, дом Екатерины Васильевны. Говорит, что, как только она попадает в эти места, на нее наваливается тоска, готова расплакаться. К Троиц-

кому собору. Пока шли, стемнело, отражения фонарей в мутно-серой воде, вот уже в черной. Через Троицкий вещевого рынок, тряпки, грузины. Белеют титанические колонны. В соборе пусто, тихо, просторно. Помолитесь перед иконой Богоматери Скоропослушницы. Молился о книге.

Сняты ящерицы с зашитым ртом и веками. Пришла девушка, морить клопов и тараканов. Все вокруг меня говорят о своих тайнах, но я не слышу, что говорят мне эти голоса. Спрашивать не умею. Я не знаю, о чем спрашивать. Да и вообще у меня никогда не возникает никаких вопросов. Безразличие. Кто ты, человек во тьме, легкий и текучий, лишенный чувства собственной важности? Мглистый день. Рабочий в куртке, низко нагнувшись, режет газовым резцом что-то железное, из-под ног брызжет златогривая струя. Смутно. Этот мир – место, исполненное тайн, особенно в сумерках. В это время существует только сила. Узор силы. Слушай свою силу и иди на ее зов, не колеблясь. К травнику на Черную речку. Мокрый снег, слякоть. На обратном пути, Владимирский собор, аптека, Кузнечный рынок. Достоевский сидит, мокрый, сутулый, черный. Текст «Варяга» сочинил австрийский поэт пацифист Рудольф Грейц. Мы, футуристы, увидели, в каком жидком состоянии находится язык в русской литературе. Василий Каменский. Постель из струн, Караваджо с лютней. Это антихрист, который явился, чтобы погубить искусство. Он пришел в мир, чтобы разрушить живопись. Так говорил о нем Пуссен. На корабле плыл в Рим, вез свои картины; корабль попал в бурю, затонул, картины погибли. Умер в 39 лет. Даосский трактат «Тайна золотого цветка». В молчании утром ты

улетаешь вверх. Шекспир ввел в английский язык 1200 новых слов. Лексикон современного Шекспиру англичанина в среднем 2000 слов. Лексикон современного нам английского интеллектуала – 4000 слов. Кто был Шекспир? 54 версии. Елка у метро, старик в варежках. Светает, ураганный ветер. В парикмахерскую. Стригла девушка с раскосыми монгольскими глазами. Куст у церкви, воробьи расчирикались, как весной. Школа, водяные струи низвергаясь с крыши, рушатся с шумом на бетонное крыльцо и перила. Иду, понурый. Грусть, Вагенгейм, полускульптура дерева и сна. Пятница, пьянство. Потерял шапку. Эх ты, Эккерман. Серенько, бесснежно. Не грусти. Ты написал книгу. Новый год грядет; дракон, его ледяные когти уже над нами.

Январь. Мир не рухнул. Внутри круга, очерченного острием неумолимого циркуля. Поднимаю бессонные взоры и луну в небеса вывожу. Песня как бритва, от этих песен весь рот в крови. И мы от Рюрика. Люблинский переулок, фабрика диаграммных бумаг, чтение нараспев, псалмопевцы. Моисей, взойдя на небо, увидел Бога сидящим и учащим Талмуд. Бог-Книга. Верно, но нервно. Пирамида – огонь внутри. Поехали на Авангардную улицу. Врач спросил: а вы муж? Вы с женой похожи. Когда долго вместе живут, делаются похожи. Ведь у вас, наверное, больше тридцати лет совместной жизни. Вышли, сумерки, снег, больничные корпуса, огни. Шаткая фигура под фонарем. О винопийца с взорами пса. Пела: гори, гори, моя звезда. Подвернула ногу, разрыв связок, довел до травмпункта, наложили гипс. Удачное начало, ничего не скажешь. Это ты виноват, Аристотель, твой смех сквозь века слез. Младенец начинает смеяться на

40-й день жизни. Февраль, незнакомцы, останавливают на улице: «Вы автор? Разрешите пожать вам руку за то, что вы написали такую прекрасную книгу». Невероятные миры в сверканье белом. Блестящие речи смывают грязь с души и сообщают ей чистую и воздушную природу. Михаил Пселл. Поэзию на другой язык с такою же красотой перелить не можно. Державин – Капнисту. Лук натянут, стрела летит. Звезда севера, явись! Готовится сенсация. Старая Вена, Мирзаев, Земских, Лукин, Шмаков. Сказала, что моя речь была яркая и точная. Обратно пешком, по Гороховой до Сенной площади к метро. Сумерки, мост, Мойка, ее бывшая «Володарка», теперь Дом Торговли, башня, две ярких звезды над зданием, Венера и Сатурн. Суббота, сырой снегопад, слякоть. В «Борей», выставка Ю. Медведева. Алексеев, Михайлов, за столиком. Фотографировались. Генрих фон Клейст, «Марионетки». Грация и интеллект. Интеллект – враг грации, ее губитель. Всякий язык – ловушка для мысли. Вопросы, на которые нет ответов. Плоскость и вертикаль. Мир устроен музыкально, на вибрациях, поэтому музыка – и высшее из искусств. Дуновение губ из-под Гамбурга. Один из оставшихся в живых воинов, 15 из 15 тысяч, это он автор той песни Игореву того внуку. Тарковский, «Жертвоприношение». «Гибель Титаника», потонул 14 апреля 1912 года. Шел от метро, дворами, ломбард, звездная ночь, два ярко-красных огненных цветка летят в небе, чудное сиянье, что такое? Долго не мог понять, стоял, зачарованный. Догадался: самолеты! Теперь они так освещают себя ночью. Кисть танцует, а тушь поет. Прием рисования кистью, особый мазок – чтобы в картине мог проявиться дух, изобразить дух. Круглый стол,

Петербург – морская столица России; военные моряки, писатели-маринисты. Флота нет, разгром флота. Тягостное впечатление. Ты же карел, колдун, шаман, из дебрей вышел, магический человек, у тебя же символы выскакивают, как у Кастанеды. Нина Берберова, ее ненависть к семье, к гнезду, к новогодним елкам, к мишуре. Ураганный ветер. Бесплодная поездка на Васильевский, в Гавань, к закрытым дверям. Солнечно, ветер, трепещущие флаги, зеленая травка. Поехали в Южно-приморский парк; еще прозрачная березовая роща; две девушки, у одной на плече ручной беркут, учат летать.

Гийом ди Вентре, мистификации. Вишвакарман кует в пещере бронзу нового утра. Приснилось, будто я поднимаюсь в гору все выше и выше, и вдруг замечаю в воздухе какую-то блестящую ниточку. А воздух мглисто-голубой, в дымке, и я не вижу, куда тянется эта ниточка. Вот она совсем близко, поймал за кончик. Вокруг меня все сверкает, радостно трепещут тысячи листьев на утреннем ветру, птицы весело поют, встречая восход солнца. Все играет и переливается, все словно соткано из танцующих цветных лучиков. Внизу закричали: «Хватит! Спускайся!» Ниточка выскользнула из моих рук, и все исчезло. И тут я проснулся. В парикмахерскую. Стригла девушка, серебряный браслет на руке, кольца в ушах. Высоко подняла кресло, так что я сидел, не доставая ногами пола, колени под простыней дрожали от напряжения, и я сползал с кресла. Взглядывал на себя в зеркало – лицо старика, ничего не попишешь. Вот и старик. И ее юное лицо в этом же зеркале. Уехал. Цветущий сад, черемуха, соловей. Гул пчел, солнечно. Молчите, проклятые книги, я вас не писал никогда. Не для меня придет весна.

Призрачно, бег по гребню. Григорий Сковорода. Мудрая игрушка утаевает в себе силу. Гуляли на закате. Бунин, «Темные аллеи», писал в 70 лет, прощался с жизнью. Склероз легких, слабое сердце, задышался. Сижу под яблоней. Червячок ползет. Зеленая линия объемлет все вещи, всю Вселенную. Я ее вижу каждое утро, когда выхожу в сад. Она сестра всех, сестра солнца и ветра. В Вырицу, рынок, мрачно, цыганка в черном, зеленые тапки без задников на босу ногу, пятки-кувалды, орет у прилавка, слова страшные, непонятные. Лидия Гинзбург, черная тень от нерожденных вещей. Ощущение: да, это то самое, это похоже на то, что есть на самом деле, да – достоверно. Бездействие превращает силу в яд. Колокол в лондонском тумане. Приснилось, голос сказал: пойдём со свечами. О, если б без слова... Июль, едем в троллейбусе, душный день, Купчино, Будапештская улица. Нашли тот дом. Потемнело, туча черная-черная, будет гроза. Только поднялись на шестой и – ливень.

Пятница, облачно, раскрыл наугад. С первой же строчки – узнаваемость этого когтя. Переживание энергии, данной тебе на срок, то, что ты и называешь – жизнь. Истерика страха у юного Тургенева при пожаре на корабле, ему было 19 лет. Бегал по палубе, отталкивая детей и женщин, моля пустить его в лодку, и кричал: «О Боже! Умереть таким молодым! Спасите, спасите меня! Я единственный сын у матери!» Пошел встречать. Вышла из вагона, качаясь, лицо измученное. Божий зародыш. Родиться внутри вихря. Учиться свободе. Да, надо учиться свободе. Идем в церковь. Годовщина смерти Екатерины Васильевны. Праздник, день Петра и Павла, толпа, поют, золотые ризы. В церковной лавке словарь, церковно-сла-

вянский, запах смолы и ладана. Рассказала свой сон. Приснилось, что у нас родился ребенок, девочка, назвали Машенькой. Идем по улице регистрировать новорожденного, я несу нашего ребеночка на руках, прижав к груди, нашу Машеньку. Входим вслед за другими, несущими своих новорожденных. Внутри в честь каждой входящей пары оркестр начинает играть туш. Когда входим мы, чей-то грубый голос из оркестра говорит: «Ну, этим играть туш не будем». Она возмущенно воскликнула: «Как это – не будем! Ну, конечно, раз родила в 66 лет, то и не будем!» Тогда оркестр грянул туш с таким мощным громом, как никому до нас. Не спится. Используй в тайных вещах луну под лучом не прибывающим, а убывающим. Потерял документы, паспорт и пенсионное удостоверение. Плохо, прерывистый пульс. Когда дрожит тело и болит голова у тех, кто кутил, им нужно окунуть яички в холодную воду или помыть их уксусом – это лучшее лекарство. Агриппа Неттесгеймский. Попался старый номер «Нового мира». Мореплаватель, витийство. Загадочный, таинственный голос в русской литературе. На платформе ждал поезда, жарко, снял пиджак. Мысли в мозгу живут годами, всю жизнь, добрые и злые. Вечером собирали малину. Ее самоистязания, перед всеми виновата. Растущий луч чудес. Скажи: «солнце» – и солнце явится. Наша основа.

Под кустами какая-то фигура в красном, голова повязана белым платком по-крестьянски. Бродяжка. Увидев меня, притаилась. Я вернулся за калитку, чтобы ее не пугать. Она, подождав минуты две, пошла по дороге в сторону шоссе, волоча за собой большой белый мешок. Лариса под кустом жасмина поет романс:

«В лунном сиянии». Ее лицо в прозрачных ночных тенях. Светло. Чудно блестит трава и влажная, черная решетка ограды. Не хочется уходить в дом. Стоять бы тут всю ночь, смотреть на это лицо, слушать этот поющий голос. Многогранное слово. Сила, которая развяжет этот мир от его законов и превратит его в то, чем он сам хочет быть, по чем он сам томится и каким хочет его иметь человек. Одержим демоном своего дела. Холодный мгlistый день, циклон из Арктики. Напала собака, белая в черных пятнах, на левом глазу бельмо. Вот уже второй раз. Этого зверя выводит гулять женщина в меховой коричневой безрукавке. Едва удержала за поводок. Чем-то я не понравился. Свет не заменить блеском. Умер Капица, очевидное, невероятное. В полночь звонил Алексеев, жаловался: «Я несчастный и забытый писатель». Мать языка, дает неведомому дом и имя, во сне в летнюю ночь, тень Шекспира. Странники мы перед Тобой и пришельцы, как и все отцы наши. Тройной сон, тройное эхо в горах Кавказа. Скажи им, что навлет в грудь я пулей ранен был. Бетховен – любимый композитор Лермонтова. Знаменитая реплика Бетховена. Исполнитель пожаловался на трудность скрипичной партии в бетховенском квартете. Бетховен ему на это ответил: «Неужели ты воображаешь, что я думаю о твоей несчастной скрипке, когда со мной разговаривает дух!» Огарев Герцену: «Я не могу еще взять те звуки, которые слышатся душе моей, неспособность телесная ограничивает фантазию». Собинов: «Был я вчера очень в голосе и в ударе». Полнолуние. Озарена дорога за калиткой, трава, решетка ограды. Равновесие. Иду из леса с полной корзиной, сентябрь, закат, лучи пульсируют.

Старый двухэтажный дом, ржавые тополя. Любовь к солнцу, ушло и не оглянулось. Ночь грядет, еще одна.

Умер Петр Кожевников, инфаркт, 55 лет. «Не выдержал такого роста горя и жалобно заплакал». Обыкновенный писатель написал бы: «Не выдержал такого горя». Платонов прибавил «роста». Или: «Наступил вечер, комната остыла, потускнела и наполнилась воздыханием неясных лучей тайного и захолустного неба». После «потускнела» фраза становится необыкновенной. Или: «В Епифани из немцев остался только женатый Форх, как любивший свою супругу человек». Обыкновенный писатель написал бы: «... только женатый Форх». Точка. Но Платонов добавляет: «как любивший...» И фраза обогащается большой, широкой жизнью, мощно дышит. Или: «Перри одичал сердцем, а мыслью окончательно замолчал». Обыкновенный писатель написал бы: «Перри одичал и ни о чем не мог думать». Или: «Перри одичал и жил бездумно». У Платонова найдено необычное выражение для этого состояния. Необычное, потому что расширяет, углубляет мысль дальше и глубже обычного, многократно увеличивает тот общедоступный смысл, который первым просится на перо. Платонов въедается в каждую мысль о жизни, жарко, жадно, напряженно, заряженный тысячевольтным электричеством своей пытливости. Каждая мысль у него взрывчата, чревата грозovým разрядом, устремлением развернуть в себе неизвестные, скрытые стороны. В каждой фразе к обычному он добавляет какое-то, расширительное, могучее измерение. Он не чернилами, а серной кислотой пишет; он всей болью и мукой своей упорной зоркости въедается в каждый атом жизни. «Епифанские шлюзы», в конце жутко: «У палача сияли

диким чувством и каким-то шумящим счастьем голубые, а теперь почерневшие глаза». К вечеру опять пошел в лес, набрал грибов. Шел по дороге, вечер чудный, теплынь, на западе золотистое сияние. Шел и думал: исчерпаны денечки, а вот на донышке еще что-то светится, жить-то еще хочется. Пятница. Все еще один тут. Поезд дождя мчится, шумя и гудя, всю ночь. Не спится, молю: дайте мертвой водицы! Нечем тебе, дружок, помочь, нечего тебе и воду в ступе толочь. Пошел к реке, музыка где-то играет. А небо такое широкое, огромное, манящее. Раскинул крылья и полетел в этом просторе, восторг в сердце, орел молодой. Собрал сливы, с тележкой под дождем. В городе тьма, фонари, Витебский вокзал, иголочка в небе, тучи, сырость. Происхождение Вселенной, начальная точка взрыва. Организация вещества в этой точке перед взрывом была наивысшей. Дальше – расширение, рост, регресс. Разжижение, рассредоточение. Арабы жгут американские флаги, убили американского посла в Ливии. Теплый вечер, блеск травы, зеленой еще, пронизанной огнем заходящего солнца. Стою на дорожке, смотрю, не шевелюсь. Наваждение. Понедельник, купили платье, летнее, светлое, ей очень к лицу. Нельзя повторить – изгиб тела, поворот головы, тон ее голоса, улыбку, смех, грацию жеста, как она поправляет на себе платье перед зеркалом. Туманные дни, рыцарь бедный, Копенкин, пролетарская сила. Проснулся, мышь скребется в углу. Что ты, сердце? Опять за свое? Бежать за уходящим поездом, с болью в ребрах, с тоской, задыхаясь, хрипя, без сил, пасть на рельсы... Черно и пусто. На Сенную, под арку, «Роза мира», дождь хлещет. Буквы-муравьи, черненькие, непонятные. Засекречены эти вести. Змеиная изворотливость языка.

Оглядываюсь через плечо: огненный шар, полыхая, летит низко над горизонтом. Буйной музыки волна. Мумии крокодилов, набитые папирусами, вопросы к крокодилу. Крокодил – ясновидящий. Аз же во дни глаголах и нощию не молчах. В Пушкин, выставка Николая Грицюка, багрец и золото; шорох шагов в парке. О поездке в Испанию, Рибера, Сурбаран. Приятная новость: издавать мою книгу они отказываются. Звезда во лбу не горит. Рижский проспект, мглисто, морось, толпа, машины. Андрей Романов, 2 этаж, «Медвежьи песни». И я там был, мед-пиво пил. Балтийский вокзал, оркестр стариков играет «Прощание славянки». Шум взлетевшей голубиной стаи. Наука открыла, что мозг человека сам может сочинять, вне воли и контроля сознания, так что человек верит сочиненным внутри мозга событиям и фактам, как действительно существующим или существовавшим, воображаемую реальность принимает за действительную. Мнози же будут перви последнии, и последни первии. Зализняк, доказательство подлинности «Слова о полку Игореве», белым по черному, яркоглазый, юношески летучий, в отблесках берестяных грамот. Яша Хейфиц: «На вершине одиноко, но чтобы оказаться там, надо пожертвовать очень многим. Я не знаю, кто я. Я знаю это только тогда, когда в моих руках смычок». Гуляли в темноте, сырой снег.

Терпение. Цвет времени клоповый. Утром лейтенант, следователь, огромный, в форме, фуражка. Ночью кого-то выкинули из окна, этажом ниже, под нами. Звонил Алексеев: «Будь стойким. Что нам осталось: только любовь к литературе». Понедельник. В сберкассе очередь.

Мутный день, брызги дождя, сырость. В квартире шум, сантехники чинят трубу в ванной. «Он узнал вдруг все, что знал прежде, гораздо точнее и действительней. Прежде он чувствовал другую жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем». Возвращение этого ужаса, подстерегающий удар. У Саши Старовойтова обнаружили рак пищевода. Замерзшая трава, лужи во льду. Залив; бурые стебли камыша, озаренные низким солнцем, клонятся под ветром. Ночью плохо, задыхался, открыл окно настежь, дышал мраком и холодом с улицы. Воскресенье. Слава Божия – облекать тайною слово. Вовек слово Твое стоит в небесах. День смерти мамы. Снег слетает на землю при всех. Принесла из ателье переделанную шубу. Шуба испорчена, носить невозможно. Говорит: кругом стена, нет просвета. Таврический дворец, конгресс писателей, посвященный Чингизу Айтматову. Выступления, концерт, вино, коньяк. Азиатки, пышнотелые, декольте, браслеты, кольца, бриллианты. Сестра Айтматова, высокая, седая. Сфотографировались. Истина в красоте, красота в истине, акробатика. Знать, чтобы не знать. Сороконожка задумалась: как это она бежит и не путается во всех своих сорока прелестных ножках. Умер Борис Стругацкий. По завещанию прах развеют с самолета. Гениальны только замыслы, а делать картину – рабство. Я пишу картину, только пока она мне интересна. Если она перестает быть мне интересна, я не пытаюсь ее закончить и бросаю работу. Поэтому у Леонардо так много незавершенных работ, незаконченных картин. Записи Леонардо – более 15 тысяч страниц. Писал всю жизнь до самого конца. Во всем, к чему он

проявлял свой интерес, он быстро становился мастером. Осьминоги всё видят в фиолетовом цвете. Каракатицы видят 12 цветов, в отличие от человеческих глаз, которые видят только 3 основных цвета и их производные. Тот ли это человек, который колебал землю, потрясал царства? А ты иди к твоему концу и успокойся, и wirst станешь для получения твоего жребия в конце дней. От избытка бо сердца глаголют уста его. Вторник, мутно. Пара гнедых, запряженных с зарею. Этнолингвистика. Сестра, диабет, в больнице на Литейном. По Ньютону конец света – 2060 год. Армагеддон. В год, когда будет в третий раз заново отстроен древний Иерусалимский храм. Сейчас на этом месте мусульманский купол, место, где вознесся на небо Мохаммед. Мыслью измерить поля, канитель, форма сапога у Канта. Фантазия, лишённая разума, порождает чудовища, а в сочетании с разумом, она – искусство и источник его чудес. Гойя оглох в 50 лет. Библия Коблин, о космической катастрофе. 17 глава «Египетской книги мертвых» – о том же. Замок Гауска в Чехии, под ним вход в ад.

Буран, серебряные змеи, инки, Макчу-Пикчу, старая гора. У шумеров на глиняных дощечках 4 тысячи лет до н.э. написано, что с неба прилетели боги с телом змеи, и они сделали первых людей. Гены у людей и змей на 70% совпадают. Где-то под землей в тайной пещере хранится магический кристалл Логос, который даёт всемогущество и власть над Вселенной. Бай-ди, причал солнца. И будет день один. Свиток войны, сыны света против сынов тьмы. Едем в Красное Село, медицинский полис. Мутно, снег, ночь, пьяные глаза месяца. Молчим, нет в речах никакой потребности, забыли, что вообще суще-

ствует язык, как будто его и нет. Да, вот ведь какая у нас с ней история, как будто его и нет, языка, и мы всю дорогу молчим, и туда молчим, и обратно. Отвернулись друг от друга и смотрим в разные стороны, она направо, я – налево. Близится Армагеддон, уже совсем близко, несколько денечков осталось. Среда, «Скорая помощь», у Лидии Андреевны, бедной ее матери, опять обморок. Пришла малярша, штукатурила, белила. А мне библиотеку перетаскивать из комнаты в комнату. Зачем я собирал столько, книжный червь? Пирамиды на Марсе. За солнцем прячется неизвестная, невидимая нам планета, во всем схожая с Землей, ее двойник, Глория. На ней точно такая же жизнь, те же дома, те же люди. Следят за нами, у нас за спиной. А мы и не знаем. И мой двойник, где-то тут, рядом, я его чую. Дуновение Неизвестного в раскрытую форточку, перья бурана, черно-белый орел, разбуженный, пожирающий мятущиеся в вихрях души умерших. Священная гора Кигилях в Якутии, северная Шамбала. Полюс холода, температура воздуха зимой понижается до – 72. Стой, Фалес, в этой твердой точке, из нее увидишь Ось, вокруг которой все вертится. В сумраке щели и трещины мира, скважины, сквозь них брезжит нечто. Неусыпный Страж, зрак Надзирателя. Сергей Аверинцев. «Чтец» – так он просил написать ему эпитафию на надгробной плите. Подводное солнце стилия. Встали рано, мрак, фонари. С ней в поликлинику, УЗИ. Через парк, холод, резкий ветер в лицо. Сидел в коридоре, ждал, когда выйдет. Вячеслав Иванов, прадионисийство, Арей, пьющий кровь перед битвой. Мороз, идем в мебельный магазин. Шкаф да не тот. Обратно, ярко-красное солнце между домов. Весь

вечер переставлял книги. Дерево языка, слова-листья. Лес символов. Теория струн, десять измерений. Гравитационные волны, сжатие-растяжение. А говорят, есть и другое, совсем другое в этом темном космосе, там твои законы трещат по швам. Истинно есть свидетельство мое, яко вею, откуда приидох и камо иду. Шел от метро, мороз, месяц. Рожденик – книга рождений, по которой гадали о будущем младенцев. Едем, троллейбус, начало сумерек, мимо сада в снегу, уже горят золотые шары фонарей среди черных деревьев, жутко, странно. Пешком до Нарвских ворот, уже темнеет, город украшен к Новому году, в арке Нарвских ворот устроены из огоньков часы, стрелки ходят по круглому голубому циферблату. В поликлинику за углом, к психиатру, таблетки для Лидии Андреевны, дорожка в колдобинах, ледяная, голову сломать. К психиатру очередь, сидим на скамье перед дверью, кабинет №12. Конец света, землетрясения, цунами, сдвиг полюсов, потепление, грядет новый потоп, в 2030 году затопит все города на побережьях, волна океана поднимется на 6 метров. Пишу, индус, под пером расцветает небо, земля, трава, древняя Индия, летающие колесницы, виваны, брахмашастра. Звездный час; струна внутри, туго натянутая, поет. Повторяюсь, путаюсь, кружу в зеркалах, в словарях. Живешь-то один миг, играющая в себе волна, всплеск одинокого слова. Вот так встреча! Тетива звенит, стрела летит. Готовит к печати. А мы-то с ней уже и вовсе отчаялись. Ларьки у метро, колбаса, масло, сало, из Белоруссии. Понедельник, бессонно, мутно, в черном небе кружит рука строительного крана с красным дьявольским глазом. Конец этого года.

Мрак, огни, тающий снег, жижа, еле тащились. Выстрелы. Башни-небоскребы. Моя миссия на земле еще не закончена. Трамвай №6, по Наличной улице в сторону Гавани. Красный огонек в черном безрассветном небе. В языке есть другой язык, тайный, жало мудрая змеи. Смерте страшна, замашная косо! Кто ж на ея плюет острую сталь? Идем по Стачек, мимо церквей, виффлемская звезда горит, вечереет, снег, трамваи, огни, шум города, стеклянная громада-небоскреб перед нами. Козья тропка над обрывом, скользим, хватаясь за прутья решетки. Тьма имен, бесконечны, безобразны, надрывающая сердце мне. Размять ноги. Зимние струнки дрожат на снегу. Феллини «Амаркорд». С ней на Моховую, к главному. Вечером в музей Ахматовой. Юрий Казаков, «Осень в дубовых лесах». Хрупкая плоть этих историй. Хамдамов, кинорежиссер, яркие кадры. Синайский кодекс, предок всех библий, написан в III веке в Египте на тончайшем пергаменте, хранится в Англии. 27 тысяч поправок и исправлений. Ужасы сгущаются. Врач так прямо и сказал: «Будет медленно умирать». Белое на белом, Вейсберг. В капеллу, фортепьянный концерт, пианист Лау. Лыжи, шахматисты, решетка, смутно, метелочки эти на ветру. Зов неизвестности, дверь открывается внутрь. Сказали учителя, что человеку следует всегда наблюдать себя, словно весь мир зависит от него. Книга Зогар. Стравинский, плотность. Мутно, Магеллан. Ворона со сломанным крылом борется за существование, где-то она умудряется добывать пищу. То ковыляет, волоча крыло по снегу, то взберется на березу и сидит на ветке, нахохлясь, одна одинешенька. Каждое утро смотрим в окно: здесь ли наша героиче-

ская ворона. Так уже третий месяц, с начала зимы. Вот с кого надо брать пример.

Запах изморози в раскрытой форточке. Лидия Андреевна весь день бредит. Владыка центра Хуан-ди, желтый дракон. Родился от молнии. Выставка авангардного искусства в Русском музее. Норман Макларен, анималист-новатор. Пещера Тайос в Эквадоре, металлическая библиотека, книги на металлических пластинах 20 кг весом, выгравированы неведомые письменные знаки. Эти пластины – из металла, неизвестного на земле. Гигантские подземные лабиринты, вход в пещеру под водой. Самое главное не записывается, священное держится в тайне. Возле Челябинска упал метеорит, сила взрыва, равная атомной бомбе, в домах выбило стекла. Статья Томаса Манна: «Достоевский, но в меру». То, что может быть понято дураком, меня не интересует. Уильям Блейк. Снег идет. Казакевич, «Звезда», «Двое в степи», «Павшие и живые», «Весна на Одере». Отрывок из дневника, «Разговор с Богом»: «Оттиснуть очертания своего лица на огромном, железном, изменчивом лице времени. Так удавалось всем большим художникам». Умер в 49, рак. Звон путеводной ноты, Набоков. Надо рисовать плохо, тогда будет выразительней. Шагал. Надо писать не точно, а похоже. Лучше писать левой рукой, а не правой, потому что правой будет точно, а левой – только похоже, и, значит, выразительней, интересней. Нестеров. Реальность зависит от того, где ты. Микрочастицы играют в невероятный футбол, нарушая все законы физики: бьют по мячу, чтобы забить гол в ворота, в которых стоит наготове вратарь. Все уверены, что мяч полетит в одном направлении. А мяч после удара, вопреки ожиданиям, ле-

тит не в одном, а сразу во всех возможных направлениях одновременно. Алексеев, мультипликатор, создатель игольчатого экрана, соединил технику гравюры и кинематографа. Лучший фильм «Ночь на Лысой горе» по мотивам музыки Мусоргского. Андрей Линде, астрофизик, предложил новую модель Вселенной: она состоит из разных кусков, которые живут своей жизнью, по-своему устроены и со своими физическими законами, а мы живем только в одном из этих кусков и думаем, что это и есть весь мир. Куски «Неведомого шедевра». Мировой Дух в шотландской юбочке играет на волынке, наполняя мир духовностью. Пятница, тускло, сырой снег вьется. Писал рецензию. Поехали в Троицкий собор, поставили свечи, молился о книге. Обрато по каналу Грибоедова, мимо дома, где жила Екатерина Васильевна. Печальная, воспоминания.

Идем по льду залива, солнце, мороз, голубая дымка, простор, лыжники, гуляющие, дети, санки. Пазолини «Мама Рома», в главной роли Анна Маньяни. Переломный возраст: я прав, а весь мир не прав. Юрий Казаков у физиков. Они его спросили: «У физиков есть критерий истины: если теория подтверждается экспериментом, значит, она верна. А каким критерием вы руководствуетесь в своей работе?». Казаков ответил: «Если я знаю, что могу предстать перед Господом и сказать: «Господи, это я писал» – значит, написано хорошо». Талант – самая ядовитая вещь на земле. У Лидии Андреевны высокая температура, вызвали врача. Дневник одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие. Тут жизнь, как она есть – всего насовано. Нет ничего лучше дневни-

ков – все остальное брехня. Бунин. Привезли холодильник; два грузчика, один приземистый, средних лет, худой, крепкий; другой – громада, с пузом, рыхлый, старый, краснолицый, кучерявый. Холодильник огромный, едва протащили в дверь. Из нас, как из дерева, – и дубина, и икона. Идиот Полифемович, о времени и о себе. Сделано несвободной напряженной рукой. Письма Чехова. Я ведь все еще ядовит. Бунин. Болею, бронхит, пятый день. Мартынов, композитор, фольклорист. Для народа важна звуковая культура, а не смысловая. Культура звука. Младенцам, качая колыбель, поют колыбельную песню, которую веками пели младенцам в колыбели, древнюю народную русскую песню. Младенец не понимает ее слов, ее смысла, он воспринимает эту песню не на вербальном, а на звуковом, ритмическом и мелодическом уровне, на уровне звука, на уровне чисто музыкальном. А у каждого народа свои звуки, ритмы, мелодии, своя музыка. И младенец впитывал это в себя с младенчества, это входило в его кровь и становилось его кровью и плотью. Теперь перестали петь эти колыбельные песни над младенцем. Звук народа, музыка народа, песнь народа пропали. Пропал и народ. Все стало смысловым, словесным, идеологическим. На Васильевский. Солнце, высокое голубое небо в клочках облаков. Пронизывающий морозный ветер. Музей современного искусства Ерарта, перед входом скульптуры, нечто черное и жуткое. На стенах кошмары. Долг художника – создавать новое. Увидел себя в зеркале: серо-зеленый после болезни, из гроба встал. Иду по солнечной стороне, сухой асфальт, яркость марта, ясень во дворе у детской площадки, в бахrome сухих семян, провисевших всю зиму. В шесть утра умер Саша Старо-

войтов в больнице. Все эти дни пронзительный ветер. Мороз. Едем, солнце, яркость, блеск в автобусном окне. До больницы шли пешком, замерзли. Отпевание. Саша в гробу, бледно-пепельное мертвое лицо, нос заострился, птичий клюв. Кладбище, шествие старух по дороге. Кресты, клены, мутный поток справа, талый снег. Утром приходила сиделка, ухаживать за Лидией Андреевной. Соцслужба. Непременно должно описывать современные происшествия, чтоб могли на нас ссылаться. Анастасия Вяльцева, блоковская «Незнакомка». Пела романсы. Умерла в 42 года, в зените славы и красоты. Днем у балетной школы, благая весть. Яркий весенний день, солнце, блеск тающего снега. Белая полярная сова, распушив перья, летит над Арктикой.

Литейный, через двор, ступеньки вниз. Что я тут ищу, роясь в иероглифах? Подножие Китайской стены? Только совершая абсурдные действия, достигнешь ты невозможного, о совершенномудрый. Две сросшиеся птицы на одном крыле. Объективно измеряемые при помощи приборов параметры, которые мы приписываем микрообъектам, вовсе не являются «объективными», но возникают лишь в сам момент наблюдения и не существуют вне его. Само наблюдение делает мир таким, каким мы его видим. Тот, кто думает о себе просто как о наблюдателе, оказывается участником. Это является участием в создании Вселенной. Сознание шумит в мироздании, широкошумная дубрава. Четверг. В девятом часу утра умерла Лидия Андреевна. 92 года.

Пробирались по сугробам, проваливаясь по колено. Надгробная плита из черного гранита. Плачет, кается, просит прощения. Ее сны, страхи. Полярный холод. Се-

верное сияние, оно ведь еще и слышно, оно что-то шепчет на ухо замерзающему путешественнику, что-то утешительное и чудесное. Патрик Демаршелье. Уроборос, верь в Невидимое. Обручальное кольцо широковато, сваливается с пальца. Проснулся в поту, сердце колотится, еще не рассвет. Кто боится Вирджинии Вулф? Элизабет Тейлор? Сикорский на вертолете. Мертвым не больно. Мы окружены мертворожденными «шедеврами», получившими успех и широкое признание. Удиви себя, постоянно удивляй себя. Виктор Косаковский, «Павел и Ляля». Лев Толстой, письма. «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость. Мне только одного хочется, когда я пишу, чтоб другой человек, близкий мне по сердцу, порадовался бы тому, чему я радуюсь, позлился бы тому, что меня злит, или поплакал бы теми же слезами, которыми я плачу».

Ветр с цветущих берегов. Иисус воскрес. Клаус Дона, артефакты, древние предметы, найденные в разных местах мира. Камни с загадочными письменами, 6 тысяч лет д.н.э., эпоха неолита. Пирамида с глазом над ней, глаз горит ярким желтым сиянием. В южной Африке найдена скульптура женщины из гранита, 140 метров, самая высокая скульптура мира, лицо неизвестной расы, не белой, не черной и не желтой. Возможно – атланты. Потеплело. Начало белых ночей. Черная речка, трамвай №48, улица Савушкина, длинная-предлинная, бесконечная, храм из Тибета блеснул золотой башенкой. Яхтенская, 8 этаж. Нас уже ждут за столом четыре женщины. Рядом, за стеной неведомый говорящий океан, вещи

голоса волн, струны-руны. В налоговый центр. Жаркий день, канал Грибоедова, блеск этот, тяжелый, мутный, старые тополя. Опять плакала, терзается виной, покаяние. В Красное Село, форма номер девять. Перепутали, до открытия еще два часа. Гуляли в парке, сирень, жарко, ветер. На выходе из подземного перехода – нежный взгляд юности, брошенный на меня мимолетно. Чудное мгновенье в блеске майского дня. Сегодня я хорошо выгляжу, коротко пострижен, лицо загорелое, черные брюки, белая рубашка. Метро Приморская, жара, она в красном платье. Гуляли у канала под лиственницами, залива не видно, надстройки кораблей.

Оредеж обмелел. Тоска. Всё вспоминает мать, плачет, казнит себя. Говорит мне: «Вот, мы любимся рекой, природой, а наших матерей уже нет в живых, они уже ничего этого не могут видеть, что мы с тобой видим. Тебе не пришла в голову такая мысль? Какой ужас, эта жизнь! Как она жестока!». Гуляли, радуга, зыбкая душа белой ночи, призрачно. Сиверская, Оредеж какой-то не тот, берега высокие. Девушка в купальнике, загорелая бронза, колет дрова на дворе. Узенькая щелочка, в ней мелькнула жизнь, розовый конь. Видел пять цветов, слышал пять звуков, читал пять книг, знал пять человек. Вагнер умер за фортепьяно, играя свое «Золото Рейна», разрыв сердца. Книга вот-вот появится на свет, уже и ножкой стучала в чреве, и головкой повернулась к выходу. Услышаны наши молитвы. Сижу под яблоней. Блажен, кто посетил сей мир. В городе шумно, душно, знойный блеск на Мойке. Квадрат двора, июльское небо, яркость. Вперед, вперед, к Сенной. С новой думой на челе. Смотри на медного змея на скале и спасешься. «Чудовище при-

роды». Сервантес о Лопе де Вега. Дионисий Галикарнасский «О соединении слов». В саду под сливой. В церковь, крещение младенцев, плач, молодой священник в белом, свечи. Равенство души и глагола. Летний сад, Эвтерпа, песнь военна. Тот, кто связывает и развязывает, время-то позднее, пора возвращаться. Хогарт, это его змеевидная линия, влюбленная в красоту. Туманный Альбион, Темза, златокипящая Мангазея, сугробы Вологды. Парфений юродивый, псевдоним Ивана Грозного. Парфений – святой, девственник. Юродивые не писали, а только говорили устной речью. Цари тоже не писали, только диктовали писарю. Нет ни одного автографа Ивана Грозного. Теодор де Банвиль, сотворенное не нуждается в переделке. Черное солнце алхимиков, Сол Нигер. Развоплощение, переход, преобразование. Ляпунов, основатель кибернетики: «Философы – это те, кому что-то попало в живот, не побывав во рту». Ему возразили: «Но ведь философия – это прослойка между наукой и действительностью». Ляпунов ответил: «Да, прослойка. Что-то вроде презерватива». В городе холод, ураган. Дали отопление. Ссоримся. Говорит, пора расстаться. Твердит, как заклинание: расстаться, расстаться. В Петербург пришли с дружеским визитом два норвежских военных корабля, крейсер и фрегат.

Книга застряла в типографии. Печатник ушел в отпуск. Другой в запое. Печатная машина сломалась и до сих пор ее никак не починить. Происки дьявола. Литература – мои штаны, что хочу, то в них и делаю. Смердит голубушка. Бесплатно только птички поют, как любил говорить Шаляпин. Первый заморозок, ледок на лужах похрустывает. Школа, клены, золото увяданья.

Петергоф, замирающий плеск фонтанов, до мая. Пятница, дние лукави, снег с дождем. Ангел смерти, слетающий к человеку, чтобы разлучить его душу с телом, весь покрыт глазами. Иногда ошибается, слетает раньше срока, тогда дает тому человеку, кроме его глаз, еще два своих глаза. Тот человек становится непохожим на прочих. Кроме того, что он видит своими природными, как у всех, глазами, видит еще и глазами ангела: то, что недоступно прочим. Видит не как люди, а как существа иных миров, столь противоположно своему природному зрению, что возникает великая борьба в человеке, борьба между двумя его зрением. В океане в 10 раз больше животного мира, чем на суше. Океан производит 85% всего кислорода планеты. ДНК, гены построены по речевому принципу: информация хранится по принципу речевой структуры и обладает своим сознанием и разумом, разумна. Слова «начало» и «конец» от одного санскритского корня: «конедло». Праязык. Ученые зафиксировали послание из космоса, некий шепот, структурно напоминающий речь, фразу, речение. После чего в космосе загорелась новая сверхзвезда. Мишна, мир создан десятью реченьями. Вред слов, обет молчания, аскеза, молчалники. Не допускать слова в ум. Речь – энергозатрата и вред организму, его разрушение. Воздержание от слов. Пересвет и Ослабя перед Куликовской битвой приняли обет молчания. Вышел погулять. Полнолуние, сосны, и этот неумолчный шум машин на шоссе. В Турции археологи нашли под землей святилище первобытных времен, 12 тысяч лет назад; огромные, хорошо обтесанные каменные монументы, на них мастерски вырезанные фигуры зверей. Встал в восемь, темно, дождь. К зубному.

Бессонница. Тамплиерские кресты на парусах Колумба. Учитель и ученик. Истина в бровях учителя. Среда, встречи, ул. Рылеева. Позвонил издатель, поздравляет: книга вышла!

Казанский, вечерет. Скорее смерть, чем усталость. У сердца самые простые слова. Красота одинокой печали. Встреча в подземном мире, яркость ламп, шум толп. Ждал, сидя на лавочке. Ускользает от нас эта змейка, ускользает, только хвостик мелькнул во мгле, в туннеле. Прощай, прощай... Тлетворный ветер, клубок фикций. Одно Слово на весь мир, только Оно подлинное, единственное и нераздельное. Заветное. Все прочие – не те слова, не те, не те, их произносят тени, прикованные в пещере. А ты знаешь то Слово? Ты с Ним знаком? Гипсовая маска полнолуния, страшная, слепая. И также лежит человеком единою умрети, потом же суд. Переливают из сосуда в сосуд, из черепа в череп, из книги в книгу. Осуждены вечно переливать. Лучше быть буханкой черного хлеба, чем переводить монологи Гамлета зимой в Чернобыле, быть или не быть. Мы пишем, а время стирает. Бюлов о Малере: «Если это музыка, то я ничего не понимаю в музыке». Родиться язычком огня. О небо, если бы хоть раз! Мозг, мешок нейронов. Найдите самое необычное и исследуйте его. Пчелы способны различать картины разных художников, например, Пикассо и Матисса. Искусственно связывая нейроны в мозге, можно создать новый субъективный опыт, которого в реальности человек никогда не переживал и не имел. Я жажду сразу всех дорог. Ушла к врачу. Один в квартире. Провожал уходящее солнце, переходя от окна к окну, из которых оно поочередно, отблестав, исчезало, пока этот пылающий диск

окончательно не скрылся в последнем четвертом окне в комнате, где лежала умирающая Лидия Андреевна. Мистическое действо. Книга заката. Моя книга.

Клубок разматывается, ниточка тает, снег сырой, рукав метели. В зеркало нельзя смотреть больше семи минут. Заберет твою силу, твою душу, твою жизнь. Нельзя спать при зеркале, отражаясь в нем. Зеркало влияет на судьбу человека. Личные зеркала Ивана Грозного строго хранились от чужих глаз. Мастера, изготовлявшие для него зеркала, ослеплялись. Астроном Козырев утверждал, что с помощью системы зеркал можно мгновенно передать весть в любую точку Вселенной. Зеркала съедают время, в один миг соединят прошлое, настоящее и будущее. Нарцисс, эхо, дева за холмом. Провожал в Пулково, помахала ручкой. В Бухару лететь пять часов. Телевидение, Якимчук, том с моим именем. Кирпич призрачных руин. И видех мертвецы малыя и великия стояща пред Богом, и книги разгнушася; и ина книга отверзеся, яже есть животная: и суд прияша мертвецы от написанных в книгах, по делом их. Проснулся в восемь, шум за окном, ураганное утро, мрак, слепящие фары в переулке. В новый Кировский, бывший Дворец Пятилетки, «Иоланта», современная постановка, пиджаки, сапоги. Метро Владимирская, А. Медведев, мастерская, высокононько забрался, летая умом под облака. Кисточки, перышки, тушь, гуашь. А это – для веселия сердца, на калине, за книгу. От зубного. На трамвайной остановке, стоял, смотрел на солнце, этот сияющий диск, уже низко, между домов, на закате. Русский музей, Малевич, вход с Мойки, мокрые хлопья в лицо. Концерт Мирей Матье в Олимпии. В большом коллаидере ученые обнаружи-

ли микрочастицу, назвали божественной, божетрон. Из этой частицы создана вся Вселенная. Эта частица во всем; она, развиваясь, создает миры и организмы. Она создала и нас. Она в наших генах, в ДНК. Информация о жизни в ДНК записана в виде слов, буквами, лексически. Это слово Бога. Муть рассвета, небоскреб-призрак, вертикальная цепь желтых огней. Огонь и жупел, и дух бурен часть чаши их. В Доме книги купили календарь с лошадью.

Дождь хлещет. Горе мне с тобой, сердце темное мое. Во тму идет, и во тме имя его покрывается. Платоновы тела, кристалл Земли, силовые линии. Манускрипт Войнич, растения, которых нет на земле. Аннуаки с планеты Ниберу, глиняные таблички, оставленные пришельцами. Частица времени хрон. На рисунках шумеров человеческие фигуры изображены с часами на запястьях. Вавилон, древние места силы, время там останавливается или замедляется. Хичкок, «Птицы», по повелле Дафны дю Морье. Свастика на стенах Трои. Снегопад. Снятие блокады, парад на Пискаревском кладбище, возложение венков. Самое большое в мире захоронение жертв Второй мировой войны, 700 тысяч человек. Мороз, сплю, Тихуту, тот, кто дарует дух, шаманы с Кольского полуострова. Этим занимался Бехтерев. Венера, выжженная пустыня, ядовитый туман из капелек серной кислоты, не пропускает солнечный свет, всегда тусклое багровое освещение, как в аду, не видно ни солнца, ни звезд. Вращается в противоположную сторону, против часовой стрелки, медленно-медленно, вот-вот остановится, и протрубит седьмой ангел. Мне 67, ребро, жизнь. Талон на место у колонн. Александрийская библиотека, 700 тысяч папи-

русных свитков, возглавлял Зенодот, грамматик. 10 тысяч этрусских текстов в Ватиканской библиотеке. Письменность этрусков до сих пор не расшифрована. Остатки древней цивилизации, черты и резы. Горизонт ожидания, воздушная громада, Аваддон. Открытие зимней олимпиады в Сочи. Оттепель, сырой снег, упадок, апатия, нет веры в свой пуп. Бессонная ночь. Пустошь и пепел, тень и тлен, пята и хвост. Фигурное катание; юные, гибкие, летящие на коньках тела. В Пушкинский дом, мировой дух на коне. Чудно имя Твое по всей земле. Стараюсь быть кратким – делаюсь темным. Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом. Малевич с черным гимназическим ранцем на спине удаляется по снежному полю. Нуль форм. Ехидство и коханье, горсть иголок. Голый раб бьет в серебряный гонг. На Земле живет 900 тысяч видов насекомых. Стрекоза делает крыльями 50 взмахов в секунду, развивает скорость до 36 км в час. Креветка мантис обладает самым сложным зрением из всех живых существ на Земле, ее глаза видят во всех диапазонах спектра, оптическом, инфракрасном и ультрафиолетовом. Производит самое быстрое движение в мире животных, и самое точное. Скорость удара – свыше 20 м в секунду. Удар ее клешни разбивает раковины. Паук Дарвина плетет самые большие сети на Земле. Катя Десницкая, жена сиамского принца. Якуты жгут конский волос – отогнать злых духов. Девять крутых дорог, священный путь. Дух земли, дух огня. Во всем есть свой дух. Смотрю в окно. Вроде бы и посветлей стало. Да, все-таки посветлей. Зима позади.

Теперь мы с ней вдвоем в квартире. Но как будто здесь ощущается чье-то незримое присутствие. Боится вхо-

дить в комнату матери, ей все кажется, что мать еще там, лежит на кровати, живая. Солнечно, вербы, наконец-то погулять выбрались. Не будем заглядывать в будущее. Полярный капитан Кучиев, романтик Арктики, завещал похоронить свой прах в водах Ледовитого океана. Ночью пожар в Академии художеств. Анжелина Бозио, и слепая ласточка упала на горячие снега. 26 лет, воспаление легких, простудилась на пути из Москвы в Петербург. Посмертный писатель, посмертные книги. Провалились все середины, нету больше никаких средин. Зело вознесошася. Хорошо жил тот, кто хорошо скрывал. Благонамеренные люди благоразумью отданы. Не им, не им вздыхать о чуде, не им – святые ерунды. Он был существом, обменявшим корни на крылья. Ничего, ничего нет верного, кроме ничтожества всего того, что мне понятно и величия чего-то непонятого, но наиважнейшего. Наши ближние нам не помогут, и умрем мы в одиночестве. Не у себя дома, неясно, на какой станции, на какой поляне. Если быть, то быть первым. Чкалов в кожаном шлеме, пролетая над Северным полюсом. Федор Конюхов, кругосветное путешествие в лодке на веслах, еще половина пути, через Тихий океан. Великий мастер молчания. Любимое слово Цветаевой – «Рок», всегда писала с заглавной буквы. Черкасов – Иван Грозный: «Не дадим в обиду Русь!» Ураган в Новороссийске, срывает крыши. Пропал «Боинг», из Малайзии в Пекин. 270 пассажиров. Пятый день ищут в океане, никаких следов катастрофы. Поэзия состоит из нигилизма и музыки. Я ничего не изображаю, я творю. Фальк, раздраженно. Тайна живописи на кончике кисти. Мнение зрителя его не волнует, а существенно лишь то, о чем думал художник во время работы. Пре-

ображающая сила тоскующей памяти. Пролетаю в поля умереть. Нижинский: «Я рисовал Бога в виде кругов, ведь Бог – это движение. Я хотел продолжать танец, но Бог сказал мне «довольно», и я остановился». Последний танец Нижинского «Война и безумие». На полу были разостланы полосы черного и белого бархата в виде креста, в вершине этого креста перед танцем встал Нижинский с распростертыми в стороны руками, как распятие.

Зима вернулась, опять снег, слякоть. Каждый день плачет, никак не может забыть умершую мать. В Якутии погружение аквалангистов в самое холодное озеро в мире, на 60 метров, мировой рекорд. Гойя, черная рука из-под могильной плиты, Ничто. Я почел бы себя безумным, если бы у меня в голове оказалось больше одной мысли. Чаадаев. Согласно Талмуду неуч не может попасть в Царствие Небесное. Невский, площадь Искусств, в Филармонию, пианист Мищук. Георгиевский зал в Кремле, воссоединение Крыма с Россией. Всенародное ликование, салют. Предсмертное прохождение через полное одиночество. Колдовская власть буквы. Весенний день, пушистые облака в голубом небе, заснеженное кладбище, черные сучья высоких кленов. Медленное шествие по длинной-длинной дорожке, парами и поодиночке, с цветами, могила Саши Старовойтова, годовщина смерти. Четверг. Встали рано, метро Обухово, к черту на кулички. В 20.30 по всей Земле на час отключат освещение, в знак экономии энергии. Час Земли.

Землетрясение в Чили. Пруды, чайки. Авария на Стачек, прорвало трубу, дорога залита, клубы пара. В библиотеке Льва Толстого было 14 тысяч томов. Предсмертное, записанное дочерью Александрой Львовной изречение

Толстого: «Бог не есть любовь». Умирая, Толстой повторял: «Искать, все время искать». День детей аутистов, сосредоточенность на себе, в своем внутреннем мире, неспособность к общению. Таких детей рождается с каждым годом все больше. Ужас призраков времен отошедших. Пасть мертвым перед неуязвимым призраком. Реальность креста. День холодный, ветер, тучи, замерзшие лужи. Камбоджа, Ангкор, город, затерянный в джунглях. Каждую ночь король поднимается на вершину храма, чтобы соединиться с девятиглавой змеей, дочерью бога. Так поддерживается благополучие государства. Если девятиглавая змея не появится навстречу королю, государство погибнет. Недоверие к слову; мысль тускнеет, исходя из уст. Каждое слово вздымает прах степных дорог. Глас бездны, ему нет толкователя. Рассылал визитные карточки с надписью: «Кит Китович Кентавров. Напророчил себе смерть. Золотому блеску верил, а умер от солнечных стрел. Думой века измерил, а жизнь прожить не сумел. Противостояние Марса. Марс в середине апреля приблизится к Земле на максимально короткое расстояние 92 тысячи км. Сейчас светится в 10 раз ярче, чем самая яркая звезда первой величины. Поздно встал. Поздно мелют мельницы богов. С ней в Обухово. Ждал на дворе. Солнце, ледяной ветер, спрятался за угол здания. А все-таки весна. Припекает. В Южной Корее затонул паром, недалеко от берега, корпус торчит над водой. Триста погибших, остались внутри. Умер Маркес, 87 лет. Лесков, как писать: пиши вдоль, потом поперек. Возраст, когда все силы в сборе. Лесков называл смерть: «интересный день». Пасха, крестный ход. Ул. Генерала Симоняка, яркий день, солнце. Стою на балконе, в раскрытое

окно ветви черемухи со свернутыми трубочкой зелеными бутонами листьев. Люди на улице идут в легкой одежде, с непокрытыми головами.

Одесса, огонь пополаяющий. Дождь, град. Стоял на балконе, зацветающая черемуха, градинки бьются о стекло, отскакивая; люди, застигнутые грозой, лужи, две старухи, одна закрыла голову зеленой миской. Мужчина с георгиевской ленточкой. Библиотека древних рукописей в Армении в Ереване, перевод с древней египетской рукописи и карта, на которой изображен Марс и два его спутника. Как древние могли знать об этом? Ведь спутники Марса были обнаружены только в 19 веке. О двух спутниках Марса упоминали и Галилей, и Свифт в своем «Гулливере», глава о Лапутях, и Вольтер. «Не трудно написать что-нибудь, а трудно не написать». Л. Толстой. В Турции авария на шахте, погибло более 300 шахтеров. А встона, бо, братие, Киев туюю. Донбасс, кровь. Земля наклонена к своей оси на 21 градус, поэтому сезоны года, весна, лето, осень, зима, в разных полушариях наоборот. Четыре миллиарда лет назад Земля столкнулась с другой планетой, поменьше, Теей; Тея разрушилась, из ее осколков возникла наша Луна. Авария при запуске спутника «Протон» на космодроме «Байконур», сгорел в верхних слоях атмосферы. Наводнение в Сербии. Чаплин, всемирная слава, ревущие толпы поклонников, встречающих на вокзалах и пристанях. Вот уже неделя, как я здесь один. Ветер сдувает лепестки с яблонь. Смотрю, смотрю: чудо из чудес! Бреюсь утром у умывальника на дворе: в зеркале старик, голова седая. Старик, старик. Чаплин о писателях, с которыми он был знаком: Стейнбек писал не меньше 2 тысяч слов в день, Томас

Мани в среднем – 400 слов в день, Фейхтвангер надиктовывал 2 тысячи слов в день, Сомерсет Моэм – 400 слов в день, чтобы только не потерять темпа письма. Уэллс – тысячу слов в день. Английский журналист Хеннен Суоффер писал до 5 тысяч слов в день. Жорж Сименон писал роман за месяц. Не хочется в такую жару ехать в город. Сажу на веранде у раскрытого окна, Велесов внуче. Род человеческий – Книжки читатель, и на обложке имя творца, имя мое, письменна голубые.

Пьяный старик лежит под сосной, в рваном свитере, на ноге резиновый сапог, другой сапог валяется далеко в стороне; громко сам с собой разговаривает. Когда возвращались обратно, он уже был в канаве у железнодорожной насыпи, кричал: «Эй, девушка! Где я нахожусь? Это какая улица?» Разбудил мотоцикл, гремел на дороге перед домом, как апокалипсис. Оса на окне гудит в свою воинственную трубу. В Москве авария в метро, 21 человек погиб. Обломки «Боинга» под Донецком, погибло 298 человек. Собирают трупы, везти в Голландию. Чистое утро. Сияльны неба голубели. Гиляровский «Мои скитания». Чехов о нем: «Человечина». Вечером долго стоял в саду, смотрел на уходящее солнце. Гипноз заката. Солнцепоклонник. Вот и стемнело. Засохшее дерево, рогатое, страшное. Твой есть день и твоя есть ночь. Понедельник. Извержение вулкана в Исландии. Семикрылый путь в когтях трескучих плоскостей. Триумф головы Вселенной, арфа и бокс; вси языцы, воспещите руками. 1-го сентября объявят лауреатов, хлопки и вспышки. Большая Морская, Союз художников, вот мы с ней и пришли, а как же иначе, мы герои дня, и все это в нашу честь. На стенах детские рисунки, хороводы лодок в море

на восходе веселого, горячего солнца. Это нам весточка из Баку. У нас на глазах слезы радости. Наши тревоги, наши молитвы.

Косые рифмы, перезвон событий. Сердце речаря обнажено в словах. Улетим в Никогдавль. До реки. Солнце уже скрылось, похолодало, ни ветерка. Студеная дымка, трава на берегу покрыта ржавчиной осени, лес черный, вода замерла, матовая зеркальность, тишина, всплеск рыбы, и опять тихо. Утром восход солнца. Вышел за калитку, приветствовал, воздев руки. Орфический гимн Солнцу: «Услышь меня, благословенное, чьи глаза видят всё, услышь мои слова и открой радость жизни посвященным!» Вот для этой радости и живешь, еще день, еще вечер, еще ночь, чтобы опять встретить утро, новое утро, увидеть это чудо восхода. Проводил до платформы, тяжелая сумка, кабачки, яблоки, уехала в город. Говорит, чтоб не грустил, вернется в четверг. Начались дожди, всю ночь стук по крыше, просыпался, опять засыпал. Слезы людские, о слезы людские.

Прижимаю к груди мою книгу. А зал кричит: «Распни, распни его!» О мне глумляхуся сидящие во вратах, и о мне пояху пьющие вино. Умер Любимов, режиссер. В метро девушка уступила место. В тот год, когда девушки впервые прозвали меня стариком. Ветер осени золотой развеял меня на родине красивой смерти – Машуке. Старый фильм, Печорина играет актер Ивашев. В разбитое стекло врывается морской ветер. Уверенность, что пройдешь по водам, не замочив подошв, как призрак. Холодный октябрьский день, яркость солнца раздражает, тоска, нервы, вагон, еду, куда, зачем, абсурд, дурость; ромашки у трамвайных рельс проносятся мимо, гнутсы

на ветру. Еще не увяли, живые ромашки. Умереть с пулею в груди – стоит агонии старика. Что-то сбывалось над ним. Встал в половине седьмого, в Автово, оттуда на машине, за Лугу, за Кингисепп, деревня Малое Кузмичево. Просторный сельский дом. Библиотекари, краеведы, поэты, писатели. Пели хором: «Выхожу один я на дорогу». Потихоньку вышел, по старым деревянным мосткам, к реке, через заросли камыша, сухого, выше человеческого роста. Возвращение, ночь, город, наша Лени Голикова, сияющие ореолы в черном небе, пьяно улыбаясь, убегают вдаль, к Стачек. Потеплело, дождь. Леонидов, гений архитектуры, где твои чудо-здания, где твой город солнца? Миражи, построенные на песке. Шнитке – человек, запрограммированный на бесконечное сочинение музыки. Как только прерывалась работа, он заболел. Он болел только в периоды отдыха. «Мы благодарны искусству за то, что оно показывает нам то, что логически сформулировать невозможно». Смотрю, пруд, утки плещутся, хрусталь, ясность, грусть, пустота в сердце, близость зимы, и всё это, всё это... На Южном Урале археологи обнаружили страну городов, загадочная цивилизация, 3,5 тысячи лет до н.э., множество печей для выплавки железа. Похолодало, мглисто. Делакура, прочитав русские новеллы, «Дубровский» Пушкина и «Фаталист» Лермонтова, замечает у себя в дневнике, что эти новеллы написаны в подражание Мериме. Как будто сам Мериме и написал, взяв русские имена и декорации.

Мглисто. Лина Кавальери. Горчичное зернышко, верь, верь в свою горькую истину. Первобытный человек сначала нашел окись меди и железа для того, чтобы сделать краску и создавать свои наскальные рисунки. Что-

бы рисунки дольше сохранялись, их рисовали на большой высоте. Для этой цели изобрели лестницу. И только значительно позже стали выплавлять медь и железо для мечей и утвари, а лестницу использовать для строительства. Тускло. Ньютон стоит на плечах титанов. Голые стволы, черная вода. Старый дом в псковской деревне. Туман, сырой снег. Вот он, на пригорке. Окна заколочены, двор в бурьяне, гнутся на ветру сухие стебли репейника. Сколько же лет прошло, как я тут был последний раз? Тридцать? На похороны Татлина пришло семь человек. Умер через три месяца после смерти Сталина. Утром сажусь за свой стол, снежная равнина безбрежно ясна. Что-то вроде многоярусной пирамиды, наполненной стоящими людьми. Основание, самый нижний ярус, самый большой и широкий, там стояло очень много народа, несметные толпы, и я заметил, что все они слепы, у всех вместо глаз тускло мерцали свинцовые бельма. Толпы слепцов. Чем выше ярус, тем он уже, и тем меньше на нем людей, и тем больше они зрячи, тем яснее и проницательнее их зрение; я видел, как всё светлее, всё чище становятся их, направленные на мир, взоры. И, наконец, на самом верху этой загадочной пирамиды, на ее острие, как на утесе, стоял один единственный человек; только он один и мог там, на этой высоте поместится; его глаза сияли, как два солнца. Это существо смотрело вокруг себя во все стороны, и видело всё, видело все ярусы пирамиды до самого подножия и всех людей, толпящихся на них, его же не видел никто. Он был Невидимка. Киты, ослепнув, кончают самоубийством, выбрасываются на камни. Врубель ослеп. В больнице для умалишенных подолгу стоял у окна. Уверял, что если он простоит здесь

10 лет перед Богом, то Бог вернет ему зрение, даст новые изумрудные глаза, он начнет новую жизнь и опять будет работать, рисовать картины. Третий глаз Шивы. Лучше быть первым в аду, чем вторым на небе. У папуасов – если племя изгоняет кого-нибудь, то по нему поют заупокойную песню, и изгой умирает. То же – у сибирских народов, когда поют такую песню шаманы. Конные монголы охотники с прирученными беркутами на правой руке в зимних горах. Охота на волков. Два беркута нападают на бегущего волка, накрывая его крыльями, он борется с ними. Тут поспеваает монгол охотник; спешась, поражает волка ножом.

Умерла Елена Образцова, на 75 году жизни. Кармен, золотой сон. А боги и во сне, как кони, белозубы. Блейк, призрак блохи, тигр во мраке, Иерусалим, гимн Великобритании, заклинатель сов. Глубина, мать тьмы, застольные беседы с мертвецами, рисунок мира на обратной стороне этой скатерти. Стасов Серову: «Правда ли, что вас не интересует содержание?». «Не интересует» ответил Серов. «Меня интересует только художественно написанное». Монах Авель, предсказатель бедствий и войн. Вавилон, ворота бога. В Вавилоне жило 180 тысяч. Ворота Иштар из синего кирпича. Прихожу во двор; у подъезда стоят кони-львы, сами вороные, а гривы рассыпные, шерсть как дорогой атлас лоснится, а заложены в коляску. Лесков. Чертогон. Румыния, книги на золотых пластинах. 400 золотых пластин с древними письменами, сантии Даков, записаны славяно-арийскими рунами. Миртград. Орий из Ирия. Рукописи Леонардо в библиотеке Милана, 6 тысяч страниц. Леонардо писал всю жизнь, каждый день по 2–3 страницы. Не имел ни

университетского, ни даже школьного образования. С иронией называл себя необразованным и безграмотным человеком. Не знал латыни, поэтому не мог прочитать многие научные книги. Умер в 67 лет. Мрамор проходит через резец Микеланджело, чтобы превратиться в скульптуру. Когда Микеланджело указали на недостаток сходства его портретов с Юлием и Лоренцо Медичи, он гордо ответил: «Кто заметит это через тысячу лет». Большая книга, большое несчастье, Каллимах. Бедные художники, они погибают, если о них не говорят. Моя госпожа Меланхолия, моя Эгерия, мой злой гений. Встреча Сатурна и Луны в созвездии Скорпиона. По ночам воздух сгущается и это вызывает печаль. Грозда невидимого, дождь со снегом. Поэзия – это вино заблуждений, поднесенное пьяными наставниками. Они плывут в челне безрассудства и обитают в роще безумия. Учился у творящих превращений, черпал в источниках своего сердца. Писал книги и прославил свое имя в мире. Отличался изысканными замыслами, потомкам передал свитки.

Кто-то внутри меня то ли говорит, то ли поет, не дает спать. В Политехнический, путевки. Холод, дождь. Дух искренности, узор письмен. Велика сила Вэнь – вместе с Землей и Небом рождена она! Человек – налитый зерном колос пяти стихий, он поистине сердце Земли и Неба. Когда же сердце рождается, появляется речь, а речь появилась – и вэнь становится ясно видна. Проясняется узор и являются письмена. Узор же речей – сердце Неба и Земли. Речь и письмо обнаружат разницу между благородным и подлым. Солнечно. С книжной ярмарки. Велес, его стада и струны, табуны и свирель. Посидим на скамейке в Екатерининском садике, мороженое, за-

цветающий каштан. Ницше, впад в безумие, подписывал свои письма: «Распяты́й Дионис». В ювелирный, выбирали серебряные ложки, в подарок на серебряную свадьбу. Весь май ураганный ветер. Извержения вулканов на Галапагосских островах в Тихом океане, вулкан за вулканом. Такого еще не бывало. В Перми неслыханный ливень, затоплены улицы. Родственные души не растут на деревьях. Григ Чайковскому. Старая съемка, парад Победы в Москве на Красной площади в 1945 году. Льет дождь, толпа под зонтами, солдаты в касках, воины-победители. Жуков и Рокоссовский на лошадях, белой и вороной. Сталин над всеми, вождь народов. Женщины в шляпах того времени, счастливые лица. Вечером салют. Великая Победа.

Полнолуние. Окликает по имени. Федра, Фрейд, голова Орфея. Пушкин, более 50 автопортретов, молодой, в Кишиневе, в Одессе, носил длинные волосы, кудри до плеч. В Михайловском в ссылке отрастил баки. Рост Пушкина 166, 64 см. Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит. Посвящено жене, Гончаровой. Пруд, закат, тростники. Я один, всегда один, даже когда с кем-то, и глубоко-глубоко в душе – один одинешенек, всегда, всегда. Рильке о Родене, отшельничество, «Башня работы». Еду, за окном вагона ливень с градом. Витебский, город затоплен, люди ходят по пояс в воде. Число Фи построило всё живое на земле, божественная пропорция 1,618, резец Фидия, циркуль Творца, золотое сечение-свечение, звон позвонков. И опять Ом, первоначальный, творящий звук. Книжная галерея у Михайловского замка, жаркий день, сцена на солнцепеке, просят выступить с речью о Книге. Велес играет на свирели в полуденный

зной на лугу. Я в Киеве, в Софийском соборе, тайна моя всегда со мной, всегда со мной, она во мне; но за мной следят, непрерывно, неотступно следят и подслушивают; с рождения до смерти, до последнего вздоха.

Красил забор. Солнечно, царский знак, фарн. Роза мира, Велга, Звента-Свентана. Подходит к калитке, после бани, счастливая. Зари румянец дальний шевелит мерцанье свеч. Аграфия, отвращение к письму, весь день, не могу взять перо, не могу видеть чистый лист бумаги. Поцеловала в лоб и ушла, в цветастом летнем платье, веселая. Ночью гроза, странная, бесшумная, вспышки сквозь пелену туч, со всех сторон, кругом, а молний не видно. Потом молнии стали сверкать зримо, ослепительные, огромные, через все небо. Таких мы никогда не видели. Гроза бушевала часа три. Феерия. Мы стояли у окна на веранде, она у меня за спиной, трепеща и вскрикивая при каждой вспышке. Утром тучи. Опять в депрессии, говорит, что ей никак с собой не справиться, все время ждет какого-то несчастья. Говорит, что погибает. В страхе: приближается день отъезда. Страх растет. На смерть ехать. Завтра же сдаст билеты. Тяжелый разговор. Так жить невозможно. Меня интересует только моя Книга, а больше ничего на свете не интересует. Книга заменила мне жену, заменила всё. Вся моя любовь и нежность обращена на Книгу. Предлагает расстаться. Ее затверженная пластинка: расстаться, расстаться.

В море медузы. Клод Лоррен, закат в золотой дымке. Вечером после ужина пошли в армянскую церковь на горе над бухтой. Уже темно. Грегорианский крест. Библия на древнеармянском, на пергаменте. Луна, оранжевая, над горой. Фотографировались. Вернулись в номер.

Бессонно. Всю ночь грохот, рев и вой. Танцплощадка, половецкие пляски, визг нимф в бассейне у нас под окнами. Сад пыток. Гуляли по набережной, тот же оглушительный рев и грохот, кафе, бары, аттракционы, тир, воющие певцы, шашлычный дым. Девушка в кабинке, сидит, опустив ногу в аквариум с рыбками. Рыбки облепили ее изящно очерченную, белокожую ногу. Уж приближается ночь, покориться и ночи приятно. Старинная греческая крепость Никоптия на горе над морем, копченые сардины, вино. Крутятся и танцуют, Амма создал все спиральные миры Вселенной, звезды и зерна. Бледный Лис прилетел с Сириуса, изготовил маски и научил говорить. В день нашей свадьбы нам подарили яблоко из оникса. Оникс избавляет от печали и меланхолии, укрепляет дух, вселяет оптимизм. Полезен пожилым людям. Все пройдет, все пройдет. Сердце шире мира, разрыв всех узлов.

Октябрь, вечер, бреду по дороге. Фонари зажглись. Вокруг каждого фонаря очарованный рой заблудших душ. У Тютчева: «бродит сиянье». «Бродит», а не «брезжит», что, казалось бы логичнее, для непоэта. Веберн, число 23. Всю жизнь не расставался с книгой Гете «Учение о цвете». Перед нами художник, который самые высокие идеи выражает минимумом слов. Свет глаз. Для меня нечистая нота – что-то ужасное. Веберн весил около 50 кг, рост около 160 см. Убит американским солдатом 15 сентября 1945 года. Ему было 63. Кто такой Веберн, сам Веберн не знал. Шёнберг страдал трискайдекафобией (боязнь числа 13). Он родился 13 числа, что всю жизнь считал дурным предзнаменованием, и 13 же числа умер. Боялся дня, когда ему исполнится 76, потому что в сумме эти цифры составляют пресловутое число

13. Умер 13 июля 1951 года именно в 76 лет в 11.47 вечера за 13 минут до полуночи. Язык, вдохновляй разум! Форма – значит красота. Жить – значит отстаивать свою форму. Разбирала при мне старые письма, записки, поздравительные открытки. Заплакала. Память умерших. Он писал силою Пишущего Имени и отдавал людям. Мудрецы воссияют сиянием небес. Оборванная последняя фраза второго тома «Мертвых душ»: «Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва...» Курские помещики хорошо пишут. Ты равен духу, которого созерцаешь. Когда придет Бог, смотри вниз и записывай сказанное. Суббота. К Земле приближается громадный метеорит, прогнозы ученых неутешительны. Мглисто, высокий шаг облаков. Вишну на белом коне в конце времен. Одежда первой четы, знак Каина, радуга и скрижали. Вошедшие во дворец круга и квадрата испортили точку. Во тьме они оборачиваются в образ змея с двумя головами, летят в бездну и плавают в великом море. Сияние посеяло семя, красу мира. Каждому началу видел я конец. Будет день один, он известен Господу, ни день и ни ночь. В мире существует 45 оттенков огня. Понедельник, солнечно, ходили платить квартплату. Блеск еще зеленой травы на газоне. Кошмары. Иоганн Генрих Фюсли, ночная кобыла. Только там затихнет Лилит и найдет себе покой.

Зачем-то понесся на Невский, бес в ребро. Она осталась дома, истерзанная своими черными мыслями. Гостиный двор, через подземный переход, афиша: Ингмар Бергман, неделя ретро фильмов в кинотеатре «Аврора» с 13 по 17 ноября. Фонтанка, мрак, дождь, фонари, тол-

па. Гул гигантских городов. Жутко, дико. Мое одинокое, бессмысленное блуждание в этот вечер, поступки, достойные сумасшедшего. Что я тут ищу? Число, букву, звук, этих троих серафимов, созидающих нового Адама? Магазин «Порядок слов». Моя Книга лежит среди других книг на прилавке. Сделав вид, что интересуюсь новинками, беру мою Книгу, держу в руках, листаю. Вечер безумных действий. Мое лицо убрано навсегда, безвозвратно из ниши времен. Умер Мамлеев, 84 года. Полночь. Луна в голубом круге. Встала рано, уехала в бассейн. Бэр, биологический момент. В Египте разбился самолет с туристами, возвращался в Петербург. Погибло 224 человека, все, кто был на борту. Призрачно, Лейбниц. Мнимые числа – это поразительный полет духа божьего, это почти амфибии, пребывающие где-то между бытием и небытием. Книга – письмо к себе, написанное тенями и отблесками на голой стене. Сорвался с облака, злоба дня, то да сё. Трамвайная остановка, солнце между домов, почернелые листья блестят утреним серебром. Воскресенье, пошли заказывать для нее очки на дальноркость. Наладим ли мы опять нашу жизнь? Тебя любить, обнять и плакать над тобой. Листаю мерцающий лед этих страниц. Что ж, очень интересный, своеобразный писатель, о нем еще обязательно вспомнят. Семь книг облачной библиотеки. Кодекс Гигас, библия дьявола, на пергаменте из ослиной кожи (потребовалось 160 ослиных шкур), высота 90 см, ширина 49 см, толщина 22 см, весом 75 кг. Самая большая и самая тяжелая книга на земле, (сдвинуть можно только усилием двух человек) написана монахом-писцом в бенедиктинском монастыре в Чехии в начале XIII века. Писал 30 лет в затворничестве, посвя-

тив этому всю свою жизнь. Свод средневековых знаний. Изображение дьявола во всю страницу. Имя писца неизвестно. Скрытая мощь, идущая от этой книги, притягивает к себе людей. Кодекс Гигас находится в королевской библиотеке в Стокгольме. Язык ветвей. Имя в шуме волны, плеснувшей в берег дальний, мое, не мое.

Бесснежно. Древний ужас. Седой опыт художников всех времен. Ну вот, выбрались хоть куда-нибудь. Выставка буддизма в Эрмитаже. Число Будд бесконечно, и у каждого Будды своя Чистая Земля. Проклятие девятой симфонии, несущее композиторам неминуемую гибель. Три ноты в такой последовательности вызывают тревогу и страх. «Мрачное воскресенье», песня-убийца – вызвала сотни самоубийц в Венгрии. Шумерский гимн богу Зла. Белое на белом, черное на черном. Что-то там светится изнутри. Она, Гармония, Мелюзина, прекрасная змея моих вещих снов, трепетание крыльев бабочки на грани исчезновения. Ищу опору в себе самом, в пустом сердце, где огни и мрак. Вслушиваюсь в несказанное, люблюсь невидимым. Бритвенная ясность. Декабрь, в метро, старик и старуха, совсем дряхлые, дремлют на сиденье, он – с седыми, обвислыми усами. Вышли, шатаюсь, держа друг друга. Луна все в том же голубом ореоле. Ольга Розанова, зеленая полоса. С рождения я имел на душе черное пятно, которое росло с годами и чуть было не зачернило всю душу. Я плыл, но с бурей вдруг предстала смерть ужасна. Стихи говорят о воле. Передай волю в словах. Эта сила поистине велика, родилась вместе с землей и небом. Уши созданы для того, чтобы слушать музыку. Глаза созданы для того, чтобы видеть красоту. Уши и глаза – дверные створки сердца. Поэтому уши

должны слышать гармонию, глаза – видеть прекрасное. Понедельник, приморозило. Куда-то едем, троллейбус, страшный мир. Что ж, все в наших руках, и этот крепко затянутый узелок. Мир не имеет по отношению к нам никаких намерений, ясно как нож в руке убийцы. Миром правит молния в электрическом уютге. Я меж всеми и вся, потерянная иголочка. Где голова Гойи? Ул. Кузнецова, бесснежно, мороз, мрак, утесы многоэтажья. Ураганный ветер с залива. Идем, сцепясь, нагнув голову. Конец этого года.

Спутник Юпитера «Европа», ледяной кокон, подо льдом вода, океан, испускает звуки, писк дельфинов. У всех геометров глупый вид. Маркиза де Помпадур. Стою на дороге, искорки снега выются, блестя на солнце. Искал станок для бритв. Афина, вещей ворон в шлеме. Что уму позор, то сердцу красота. Мороз. Эпидемия свиного гриппа, все в марлевых повязках. Полнолуние, Офаниэль, блюститель лунного круга. Зинаида Волконская, царица муз и красоты, северная Коринна, в волшебном замке музыкальной феи. Умер Виктор Львович, инфаркт, 70 лет. Гулял, гололед, солнце, голубое небо, ручки, как весной. Грустные мысли. Пусть разрушается тело – душа пролетит над пустыней. Смотрю на мир сквозь магический кристалл, октагон, восьмигранник. Совиные глаза слов. Лежу с женщиной, у нее на лице трагическая маска, Мельпомена. Отдернул штору – метель. Манчжурия. По степи скачет всадник на мохнатом коне, древний воин с трезубцем на шлеме, сын Великой Матери. Украсил себя шрамом на подбородке, бреясь новой бритвой. Спасительная чуточка безобразного, как любил говорить Дега. В театр, «Травиата», Рене Флеминг. Я был на зрелище:

какие ощущения во глубину души прельщенные влились!

Оттепель, февраль, голос арфы отзвучал. Жуковский умер в 69. Как мне сейчас. Достать чернил и плакать. Уехала куда-то за Финляндский вокзал, в военкомат, по траурным делам, насчет покойного Виктора Львовича. Тусклость, гаснут угольки в крови. Печальна плоть, и книги надоели. Мы – буквы магической книги, и эта вечно пишущаяся книга – единственное, что есть в мире, вернее, она-то и есть мир. Читаю или пишу, ниже, выше, мне уже не отличить, где я, где они. Когда я пишу, я узнаю, что я хотел написать. Ну вот, теперь-то я знаю, что хотел написать о священной горе Меру в Индии. Мир существует, чтобы войти в книгу. В мою Книгу! Кому это непонятно? Погасшему вулкану? Вернулся с прогулки, ей плохо, давление подскочило, дрожит, руки и ноги ледяные. Солнечный день, почти весенний. Трепет тех метелочек во льду, там, у ограды. Стоял у дороги, перед тем горбатым мостиком, полянка в снегу блестит на солнце, куча свежесрезанных черных сучьев. Их горьковато-нежный запах. Невский, вечер, огни, небо в сторону Невы темно-голубое с фиолетово-розовыми полосами, в сторону площади Восстания – темно-синее. Шел от метро домой, луна в двойном ореоле: жемчужном и с краю – коричнево-красный. Жозефина Бейкер, танцовщица, мулатка, покорила Париж, изображая обезьянку и исполняя дикие танцы. Под конец танца влезала на пальму. Вирджиния Вулф, 4 тома дневников, 5 томов писем. «Этот туманный мир литературных образов, похожий на сон, без любви, без сердца, без страсти – именно этот мир мне нравится, именно он мне интересен». Слуховые гал-

люцинации перед приступами безумия, слышала голоса птиц на оливах древней Греции. В Капеллу. Гуго Вольф. Сколь тяжела участь художника, если он не в состоянии сказать что-либо новое! Умер Умберто Эко. В тот же день умерла Харпер Ли, «Убить пересмешника». Метель, струнки на ветру, их трепет, всегда, всегда, белое, черное. Сосны поскрипывают, постанывают. Это мой истерзанный мозг стонет, распятый на кресте бессонницы. Агония Христа длится вечно, и в это время нельзя спать. Приходил сантехник, поставил счетчик воды. Домоуправ, подписать акты. Ясность свидетельств. Голое слово правды, холодно и страшно ему одному в мире. Бегущий Апис с мумией на спине.

Затерялся в зеркалах, в отражениях отражений. Из ненаписанного. Тот, кто увидит в небе призрачный город гандхарвов, того ждет несчастье и гибель. Время убийц с голубыми глазами. Великое произведение с неизбежностью должно быть по своему смыслу темно для всех, кроме горстки тех, кто подобно его создателю, общился тайн. А оттого вполне достаточно, чтобы у него нашелся всего один понимающий читатель. Снежная лавина в горах, Мечислав Карлович, пропавшие без вести, их тени бродят вокруг нас по ночам, но никто их не узнает. Неузнанные, уходят с рассветом, растворяются в воздухе. Возможно, они живут на Луне. А мы с Венеры. Откуда же еще? На Венере красно-кровавый, раскаленный песок, скорпионы и раковины. «Принцесса «Турандот» в Мариинке в новом зале. Час поздний, бежим на автобус, шестерка, заворачивает. А остановка-то вон где, едва видно, на краю земли! Скользко, промозгло, помартовски. Продрогли на ветру. Минута тоски когда-то

давным- давно выбрала нас, а жало ее до сих пор в нас живо; мы с тобой, пронзенные в тот далекий вечер, все еще трепещем на этой игле. Двуетное, сросшееся существо, куда же нам друг от друга деться? Некуда, некуда... «Мальчик и девочка», фильм шестидесятых годов по сценарию Веры Пановой. Врубель о Серове и Коровине: «У них нет натиска и восторга». «Вон из-под роскошной тени общих веяний и стремлений в каморку, но свою – каморку своего специального труда – там счастье!» Последние слова Врубеля: «Николай, довольно мы здесь полежали, поедem в Академию». Проснулись посреди ночи от какого-то ужасающего грохота за окнами. Семь кузнецов куют счастье для всех людей на земле. Вавилонская башня уже возведена до небес, достраивают последний этаж. Скоро нам туда переселяться. Три года со дня смерти Саши Старовойтова. Кладбище, горсточка пепла в урне. Рядом могильщики жгут костер из веток спиленного тополя. Огонь пляшет, разметав алые космы, такой веселый, буйный. В Ростове на Дону разбился «Боинг» из арабских эмиратов, все погибли. Писать становится все труднее и труднее. Смысл жизни, когда я не работаю, сразу мельчает и теряется. Вирджиния Вулф. Трехмесячный младенец в утробе слышит, как стучит сердце матери, слышит ее дыхание. Умиравший Розанов в розовом женском капоре. Голос из мрака: «Ноты молний! Читай ноты молний!» Артур Рубинштейн, старый, седой, маленький, с крючковатым носом, как попугайчик, пальцы сморщенные, лапки краба, летают по клавишам. Яков Черников, архитектурные фантазии, слово заменить знаком. Язык графики станет международным языком. Солнечно, голубая дымка, пруд, горба-

тый мостик, неизвестность. Навстречу девушка с кошкой и попугаем.

День смерти Павла Первого. В этот день Павел в Михайловском замке, идя в свою спальню, взглянул в зеркало, которое было кривым и искажало отражение: «Посмотрите, какое смешное зеркало – я в нем с шеей на сторону!» За полтора часа до своей гибели. Часовой у ворот Михайловского замка кричит Петербургу: «Император спит!» После этого все в Петербурге должны лечь спать, и никому не позволено выходить на улицы. А с Невского и Марсова поля спешат Пален, Зубов, Бенингсен, ведут гвардейские батальоны. Вином и злобой упоенны, идут убийцы потаенны. Зубов ударил Павла золотой табакеркой в висок. Павел упал. Все кучей на него навалились, задушили шарфом. Человек рождается с полностью готовым правым полушарием мозга и не готовым к работе левым полушарием. Правое полушарие – живописные, образные, музыкальные способности, танец, все художественное, творческое. Левое полушарие – язык и логическое мышление, начинает работать только с двух лет. Также и в истории: человечество сначала мыслило только правым полушарием, только образно, и так истолковывало мир, только через искусство и религию. Вначале были искусство и религия. Немецкий ученый Клаудио Шмидт открыл в Средиземноморье древние храмы, которым 11 тысяч лет. И случай – бог-изобретатель. Каждый миг подсовывает всё, что есть в мире. Ах, опять Египет, пирамиды, боги, цари! Семь раз повтори «ах» и улетай в свой рай, хохлатый ибис! Идем, начинает темнеть, холодный ветер, новостроечные колоссы, близко залив, дымящаяся башня слева. Уверяет: что это ядо-

витый газ, хлор или сера. Ее терзает тревога, говорит о ненадежности этих новых домов, долго ли они простоят, ей кажется, что они уже шатаются под напором ветра и вот сейчас на нас рухнут. Из-за этого не спит уже третью ночь. Плачет: завтра день смерти матери. На Стачек по жилищным делам, насчет протечки сверху. В кабинете у чиновника разрыдалась. Вторник, Дюрер, меланхолия. Скрыть мастерство в тумане над рекой. О тленности, река времен. Голый человек на голой земле. Каждый раз. Начну на флейте стихи печальны. Шмель и две бабочки с голубыми глазами на краях крыльев, серафимы. Встреча в солнечном луче. Слова и перстни. Брожу неприкаянный все эти апрельские дни. Не понимаю, чего же еще я жду от себя? Звездоносного ниспадения с невозможного неба? Девятого вала? Седьмой беды? Чужд границ, слеп и нем. О как божественно соединение извечно созданного друг для друга! Дышу-пишу, звуки-знаки возникают из вибрации этой жизнестойкой спирали, у нее 70-й виток. Верь в чудеса, и они придут.

Ночью дождь. И сейчас. В вазе у нас на столе распустились листочки тополя. Бальмонт в сюртуке с пышным шелковым галстуком, ромашка в петлице. Поэзия как волшебство. Непонятный странный шепот – шепот капель дождевых. Как весело, как горестно весной. Пауль Целан, рифма к Незримому. Непременно буду в этом аду, где они все, в кровавой луже оскользнусь. Не могу написать «поскользнусь», хоть режьте. Протестующий вопль пера: не могу я так написать! Не могу! Это самый страшный, смертный грех писателя. Вечность буду в гробу биться без права на помилованье. Цветаева – зеленоглазая рысь, не признавала никаких депрессий, толь-

ко экспрессии. Ветер желаний надувает паруса языка. Подходим к Михайловскому замку, теплынь, нам жарко, ров, свежая травка зеленеет на откосе. Она в своем сиреневом пальто и берете. Все уже собрались, расселись за огромным овальным столом; звучит Державин, его могучий глагол: «Я здесь умру, – но и в эфире мой глас по смерти возгремит!»

Чудеса-любеса, зеленое солнце, новооперенное. Забытая страна, без конца, без края. Едем навестить родные места, сто лет выбирались. Все те же старые лиственницы, грачи строят гнезда, хлопанье крыльев, крики. Ржавый шпиль школы, где мы с тобой когда-то учились, в давние-давние времена, не в этой жизни. Деревянный сарайчик на пригорке, храм святой Ольги. Сергей Прокофьев в ответ, что его музыка непонятна: «Я родился гением, и мой слух слышит то, что никто не слышит, мой слух опережает время». Александр Прохоренко, героическая гибель, похороны, поселок в Оренбургской области, шествие, солдаты несут гроб. Залп из автоматов. Жизнь камышовок. Болотные камышовки – наилучшие имитаторы певчих птиц. Ни одна из птиц не сравнится с ними в этом таланте. Перенимают песни любых птиц, которые они слышат, соловья, зяблика, овсянки, жаворонка, ласточки, иволги, всех. После зимовки в Африке приносят более 80 песен разных птиц, которые они там запомнили. Не просто имитируют, а импровизируют, творят из чужих песен свои, свою музыку. Действуют как настоящие творцы. Перенимают чужие песни по принципу эмоциональности. Их привлекает эмоциональность, накал, страсть чужих песен. Камышовки живут три года. Русский язык – самый вер-

ный аналог песен певчих птиц: также свободно комбинируются слова во фразе. Утром, раскрыв окно, вижу: журавли! Летят клином высоко в чистом, голубом небе, курлычут. Поехали на пл. Стачек, танк на постаменте, дзот в цветах, в георгиевских лентах. Концерт, песни, участники шествия «Бессмертный полк» с портретами на древках. Часы неба и часы души не повторяются. Если зажечь свечу у себя за спиной, а перед собой поместить кристалл кварца, чтобы свеча его освещала, и сосредоточить взгляд на освещенном кварце, то в голове возникнут все книги, которые тебе необходимо написать, и все мысли, которые тебе надо написать в этих книгах. Майский ветер, колышутся шатры чистопенных сил. Сокар, сокол на холме, у некрополя, покровитель мертвых. Смотрю в корень, а из него тысяча лучистых дорог в разные стороны. Читаю, печалюсь, фиолетовый занавес отделяет от леса потусторонних растений. Поднимаюсь по ступеням, бесшумно, без перил. Наконец, настало мгновение, звезда безутешных открывателей в ручке Ковша. Последняя ступень, но она рушится под ногой... И лечу вниз головой, лицо – каменный кулак, щели глаз, приносящих клятву. Сияние, боль, имя. Гаснущий кусок грозно-звездного неба в голове. Отцветающая роскошь, пройти через все коридоры, по обеим сторонам двери, как в гостинице; за каждой дверью другая, неизвестная моя жизнь. Прямое, как струна, соединение. Поющая струна, ее союз с каким-то неизвестным, потаенным словом. Без этого слова не поется и ничего не понять. Но как только приближаешься к нему, оно тут же ускользает, разветвляясь на тысячи лабиринтов, все запутанней, все сложнее. И я вижу: это

лабиринты моих же нервов, через них бежит ток первоначального, творящего Звука. Австрийский архитектор и живописец Хундертвассер строил дома-цветы, рисовал непрерывную линию, желая закончить ее спиралью, устремленную в неизвестность. Завещал похоронить себя в Новой Зеландии, без гроба, без одежды, под деревом, чтобы его тело питало это дерево. Земля – святое. Роберт Флат, «Великая тьма», черный квадрат масонов, дракон Китая. Оливер Мессиян, «Квартет на конец времени», сочинил в концлагере. Я хорошо помню эту ночь: сияющую Прагу, какие-то мосты, сады, свое одиночество. Фиксация взрыва сердца на бумаге, проявленность бури, эти гравюры писем, глубоко врезуемых в медную доску времени, эта стая из двадцати зигзиц, зовущих князя на Дунае. Ухожу один, не прощаясь, не оглядываясь. Белопенные шатры цветущих яблонь над обрывом, этот благовонный угол на незнакомой земле, и соловей щелкает, где-то совсем близко, и эта теплая мглистость, облачность, ветер. Четверг, фронтовик, Забежинский, 95 лет, поет, солдаты – белые журавли. «Вот, все, с кем воевал, никого уже из них нет, я один остался, и сам не знаю, зачем я еще живой». Суббота. Уехал – от себя. Куда мы идем? Всегда – к родному дому. Цвет отчаянья – белое. Всплеск перед занавесом. Из каждого моего слова глядит череп. Звон крови гаснет, вечер. Там, по ту сторону зеркала – тьма, крошечная, ничего там нет. А здесь и сейчас идет дождь, тихий, теплый, майский дождь, и каждая капелька – зеркальце, и в ней, дрожа от счастья, отражается весь мир. Дуновение новых душ из будущего. На каком лепестке оборвется разговор? Чёт и нечет, самозарожденье.

Звук стеклянной бутылки о камень, из ниоткуда и в никуда, шумерская песня «Гильгамеш и Небесный бык». 27-е, праздник города, 313 лет с основания Петербурга. Медный Всадник – мы все находимся в вибрации его меди. Петербург лежит почти на 60 параллели. Эта параллель – критичная для самого существования человека. У живущих на ней состояние психики все время напряженное, тревожное, сон сбивается. Границы реального и потустороннего размыты. Невротическое состояние, напряженное ожидание неизвестного, неопределенность границ возможного и невозможного порождает пограничные феномены психики, близкие к галлюцинациям. Подходим, белая сирень у парадной. Нас ждут, мать и дочь. Стол накрыт. Жизнь двух женщин.

Во сне явилась строчка, боялся забыть. «Вошел в лес: клещи, пауки, змеи». Ну и зачем мне она? Мелькнуло что-то за стволами, что-то невыразимо чудовищное, будто бы вдруг увидел изнанку всех вещей, их неизвестную, всегда скрытую оборотную сторону. Больше одного мгновения видеть «Это» невозможно, человеческий мозг не выдерживает: умрешь или сойдешь с ума. Уехала куда-то, ничего не сказав. Грядет похолодание, температура снизится сразу на десять градусов. В Европе наводнение, Париж затоплен, из Лувра вывозят картины. Вышел в сад, ветер, петух поет, где-то далеко; или поезд, жалобный голос, печальный труженик железных дорог. Вот я стою тут, в этой случайной точке, а ко мне летят со всех сторон, отовсюду, со всех уголков Вселенной всякие звуки и разные мысли. Это я их притягиваю, я чем-то их привлекаю. Наверное, какое-то излучение, дрожь, вибрация. Какая-то потаенная косточка светится. Времечко-

семечко. Демокрит, атомы и пустота. Титанические тела облаков. Запах персидской сирени на пустынной улице с неизвестным названием. Брожу весь день, то молчалив, то весел вновь, музою взлелеян. Шиповник у реки, алые всплески, гул пчел, своеструнно. Есть слова как бы и не слова: полуслова, полусорох, полусвет. Тоска осужденных планет. Полурыба, полуптица. Мрамор форм, пробегают голубые искорки, расколотые куски сахара в темноте. Поэты пишут не для зеркал. Бар в Фоли-Бержер. Гуляли в Михайловском саду, холод, дождь, фигуры из цветов, замерзли. Вы никогда не видали красного цвета, а я вам буду говорить о нем. Из дневника Достоевского. Бальмонт, весь мир есть изваянный стих. В 70 лет умопомешательство, психиатрическая больница, буйные припадки, вдребезги разбивал мебель, гнул переплет железной кровати. Отвращение к еде, еле могли уговорить съесть ложку жидкой каши. Забыл все языки, которые знал, забыл все свои стихи, утратил все свои огромные знания, забыл всё. Потерял способность писать и читать. Полнолуние, мать всех живущих. Сломать застывшую привычку жить, перелом, крушение, катастрофа. И семь воздушных ступеней моих надежд не оправдали. О белая Леда, твой блеск и победа! Не я мыслю словами, слова мыслят мной. Слова говорят что-то без слов, чем-то несловесным. Это они говорят душой, это душа слов говорит. Душа слов бессловесна. Душа слов – это Душа мира, мировая Душа, Anima mundi. У шумеров истинная ученость – знание заклинаний, искусство магии. Загробная жизнь жалка и бестелесна, мрак и уныние. О сестра моя, посмотри: я лежу в прахе, и мне никогда не подняться с этого черного ложа. Все труды шумеров ано-

нимны, неизвестно имя автора ни одного из дошедших до нас великих произведений. Подражание образцам, копирование древних текстов – вот что шумеры считали задачей писателя. Оригинальность и новизна их не вдохновляли. Шумерский художник не стремился к свободному творчеству, его заветной целью было скопировать образец до мельчайших деталей. Он – ремесленник, его личность ускользает от него самого. Шумеры устанавливали статуи в таких местах, где их невозможно было увидеть, зарывали в основание храма. Достаточно того, что их увидят боги. Человеку их видеть незачем. Маска быка с бородой, найденная в городе Ур. Когда вверху. Энума Элиш. Нашествие улиток, весь сад заполонили, большие и маленькие, и совсем крохотные, с букашку. Божьи создания, как ими не любоваться. У них такие нежные, незащитные тельца и чуткие рожки. И они носят у себя на спине свои изысканно раскрашенные, витые домики и кибиточки. Я бы отдал все на свете за то, чтобы хоть раз взглянуть их глазами. Но мир не стоит на месте, завтра уже все изменится, опустеет сад, и мы уедем, забыв наши заветные желания, забыв что и как, и откуда, забыв всё. И кто-то крутит калейдоскоп злополучных историй.

Стол в саду, день жаркий, душный. Встреча. Столько лет! Седая, а глаза те же, смеющиеся карие вишенки. Время золотое. Когда же жизнь прошла? Едем, а там-то что делается, посмотри! Ураган разыгрался, дождь хлещет в стекла вагона. Любая попытка анализа и истолкования произведений художественного творчества вульгарна и отвратительна. Карл Блум. Где-то я слышал это имя, цветок, певец. Все как-то устроено и в то же время никак не устроено, а только как-то неизвестно строится,

может быть построено или само построится, непредсказуемо. Ничего мы не знаем, а знает пчелка и цветок акации; они из масонов, когда они встречаются, то один говорит: «Бояз», другой отвечает: «Яхин». Третий день непрерывный дождь с ветром. Сад залит. Крыша протекает, подставили тазы. Молчим, как будто у нас обет молчания, кольцо во рту. Голый по пояс, в одном башмаке, с закатанной по колено штаниной на левой ноге, глаза завязаны, грудь исколота циркулем до крови. Ляг в гроб и полежи в нем часа три, мертвым, и тебе дадут новое имя. Проснулся посреди ночи от внезапной боли, сердце как будто шилом пронзило. Это мой зеркальный двойник смертельно ранен в грудь на другом краю Вселенной. Глубокая еще дымится рана. Эйнштейн, близнецы кванты. Боже, как все запутано, перепутано в твоём мире! Есть ли в этом хоть какой-то музыкальный или ритмический смысл? Тогда бы я еще мог утешиться, проснуться от мертвого сна в долине Дагестана и написать стихотворение, от которого бы содрогнулись сердца. Встречал на платформе. Вышла из вагона, усталая, сутулится. Говорит, что едва уговорила себя уехать. Так бы и осталась в городе. Гром гремит устрашающе, туча наползает, черная-черная. Лежу мертвый. Мимо проносятся, гремя, вихри ночных электричек. Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани: пора сходить. Или промысел, или атомы. Скоро ты забудешь обо всем, и все забудут о тебе. Брезжит во сне лунный корень слова. Пробую писать изнанкой языка, но все рассыпается, не та алхимия. Жди ясного на завтра дня. Идем к реке, стала жаловаться: «Скажи, что мне делать? У меня постоянно тоска, жуткая тоска, я с ума схожу. Может быть,

я уже сумасшедшая, и мне нужно лечь в больницу? Принимать какие-то успокоительные лекарства для психически больных?»

Приснилось, что не могу вспомнить имя шотландского поэта. Пробудясь, вспомнил: Роберт Бёрнс. Подходим к церкви, зазвонили колокола, праздничный перезвон. День святой Ольги. В церкви венчанье. Новобрачная пара. Последнее слово Нижинского: «мамаша» – обращаясь к жене Ромоле, или же звал свою мать. Смерть – отказали почки. Когда заболел, лежа, в бессознательном состоянии танцевал пальцами, изображая танцевальные жесты из балетов. Левой рукой стал исполнять пор-де-бра вокруг головы, как делал, танцуя «Призрак розы». Всего Нижинский танцевал 10 лет, в 29 лет сошел с ума, 30 лет – сумасшествие. Вся жизнь – 62 года. Ученые определили, что человек выражает свои эмоции словами только на 10%. Всё остальное – взглядом, мимикой, жестами, интонацией. Поздно вечером пошли прогуляться к реке. Розовая полоса меркнет. Укорочена струна дня. Беспесенно. Кто даст ми криле яко голубине; и полещу и почию.

Самоосуществление. Капниста я прочел и сердцем сокрушился: зачем читать учился. Кюхельбеккер, десять лет в одиночной камере, изучил древнегреческий, читал Гомера в подлиннике. Изучил английский и читал Шекспира. «Никогда не буду жалеть о том, что я был поэтом. Утешения, которые доставляла мне поэзия в течение моей бурной жизни, столь велики, что довольно и их, и я считал бы себя неблагодарным, если бы требовал от поэзии для себя еще другого чего. Поэтом же надеюсь остаться до самой минуты смерти, и признаюсь, если бы

я, отказавшись от поэзии, мог купить этим отречением свободу, знатность, богатство, даю тебе слово честного человека, я бы не колебался: горесть, неволя, бедность, болезни душевные и телесные с поэзией я предпочел бы счастью без нее». Из письма Кюхельбеккера. Дрожащие напевы. Блеск той жемчужины, недоступный ничьим глазам. Тень и тело, Ахайя, Геликия, море не вернет своих мертвецов. Олимпиада в Бразилии. Всю ночь ливень, потоп. Открыл окно, шум, несмолкаемый, в темноте. Почему ж печальная распространилась мгла? Говорили о повторяющихся снах. Ей долго снился один и тот же сон: будто бы она взбирается по лестнице в старом доме на Римского-Корсакова, а лестница вдруг оказывается без ступенек, какие-то обрывки, обломки, и она в ужасе, никак не добравшись до квартиры. И часто снилась та старая квартира. Умер Эрнст Неизвестный, на 96 году жизни. Будут ставить памятник в Екатеринбурге. Приснилось молодое женское тело, я его обнимал, а оно было холодное и безжизненное, как мрамор, и у него не было головы. Четверг. Полнолуние. «Что до меня, я не только догадываюсь, но могу сказать твердо – уверен, что Луна и все тела небесные обитаемы: мне кажется, что это и быть не может иначе». Кюхельбеккер. И думал я, подобно Оссигану, блуждать во мгле у края гроба стану. Горька судьба поэтов всех времен. Вышли смотреть на звезды. Ученые говорят, что такой звездопад – величайшая редкость, впервые за всю историю человечества. Звезды падают дождем, по всему небу, звездный ливень. Феерия. Елизавета Кульман. Сегодня счастье, завтра счастье, помилуй бог, когда-нибудь должно же быть и умение. Суворов. Дай мне себя обнять, добрая, старая летопись, ты, что

так уже давно ходишь рука с рукою с временем. Заря-обманщица, два утра персов, фальшивый и настоящий рассвет. Наказание художников, в День Страшного суда они должны будут вдохнуть жизнь в свои творения. Там пишут белым огнем по черному огню, для бессмертия двадцатитрехлетних, Шиллер, трава блестит после дождя, ртутные капли. Моя единственная звезда – смерть, бедняга Нерваль, безумец, принц дураков, повесился на улице Старого фонаря. Ночью свело ноги, судороги, хоть кричи. Тони Крегг в Эрмитаже, скульптуры из стекла, завихрения. Толпа китайцев под аркой Казанского собора, впереди высокий китаец с красным флажком в руке. Гюисманс, рак языка. Карл Юнг, «Красная книга». Еду, за окном летит ржавый лес, конец лета. Создание химер, скрещивание генов мухи и человека. Гены слышат нашу речь и фиксируют в генетическом коде, передавая мутацию дальше по цепочке поколений. Записки Патрика. Жутко кричала в третьем часу ночи. Ей приснился кошмар, будто бы она в гробу, пытается приподнять крышку и никак не может. Зовет на помощь, а никто не отзывается. Третий день в городе. Дождь начался, ночной дождь, его всхлипы и вздохи за окном. Сокровища Мьянмы. Созрело ли ты, ячменное зернышко, для вечной разлуки? Менделеев, мастер чемоданов, бог химии шагает через семь ступеней. *Werde der du bist*. Но не дается, как назло, твое заветное число. На заливе шторм, водород с кислородом разбушевались. Оляха, вывернутая ладонь, это потаенное серебро, и шелест, шелест. Скрытые сокровища на каждом углу, скрытые навсегда.

Отворяю калитку, она на дворе у рукомойника, в своей толстой шерстяной безрукавке; увидев меня, улыба-

ется. Идем, мглисто, тихо. Вьется путь золотой и крылатый. Церковь в цветах, белые лилии, гладиолусы, розы, хризантемы. Какие мы с тобой непростые, непутевые, все-то у нас трудно и сложно, совсем запутались. А здесь чистые молитвы, и бремя легко. И опять летим, разрывая сердце. За окном вагона закат, пурпурные столбы на горизонте. Говорит, такой закат – к ветру. Вот и проверим завтра. В городе дождь, фонари, мрачно. Еле дотащились с двумя тележками. Возврат в точку. Сплю. Бескрайнее поле знаков-знаков, колеблемое золотыми волнами спелой ржи, их колышет дыхание Бога. И каждый колос полон спелых значений. Наводнение в Приморье. Купили зеленый коврик, в прихожую, положить у порога. Идем обратно, а солнце-то уже зашло, и стало темно и холодно. А час назад, когда сюда шли по Стачек, какой роскошный закатище пылал-сверкал, какое сияние! На прощанье! Ничего, ничего, не будем грустить. Завтра вернется, всё вернется. В божьем мире нет атома, в котором бы не играла радуга и не пел петух, возвещающий утро. Разговариваю сам с собой, а кто-то подслушивает, тысячеглазый и тысячеухий. Прячусь от ветра у вокзальной стены, солнце спит, струна внутри дрожит и сотрясается, отзываясь на какие-то неслышные голоса. Весь я – эта струна, вся моя жизнь – в ней. Мозг состоит на 80% из воды, это в нас Вода мыслит. Тот, Кто создал мрак покровом Своим. Буквы бессмертны. Можно сжечь свиток, но буквы неуничтожимы, они поют на устах Набу, бога писцов. Письмо – это рассеивание букв, из них прорастут новые песни и новые гимны. Снится черная вода, кто-то в халате, с левой полы капает кровь. Дует другому через бараний рог из рта в рот, целитель. Одноглазый силь-

нее двуглазого. Проглотишь глаз – воскреснешь. И они также пойдут туда, где им написаны дни и времена. Я, Енох, писец Бога, за посмертным столом, передо мной Книга жизни и смерти, прошлого и будущего. Я должен быть здесь, за столом, в полном уединении, только при Боге и слушать Его голос. Пишу в этой Книге то, что мне диктует Бог. Узоры письма возникают на границе двух миров, этого и того, потустороннего. Наша галактика сближается с галактикой Андромеды. Через 4 миллиарда лет мы столкнемся. Тогда ночное небо будет представлять фантастическое зрелище. Приснилось, что я упал в гигантский водопад, низвергающийся с высоких скал. И – чудо! Остался цел! Знаю, висел я в ветвях на ветру девять долгих ночей. Руны найдешь и постигнешь знаки. Явились 18 рун, как только схватил их, умер. Проснулся, пятница, ураганный ветер. Сел за стол. Страшно писать! В каждом слове столько горя и боли, накопленных в мире, что бьет током, как будто попал под провод скорбного и грозного напряжения. Как только я прикасаюсь острием пера к бумаге и начинаю выводить первое слово, так во мне уже кричат все слова со всего мира, всех времен и народов, всех живущих и когда либо живших, зывают ко мне, стенают и рыдая. Они разрывают мне сердце. Невозможно, невозможно сегодня писать!

Клювик уже пробует прочность скорлупы. Скоро вылупится, ураганно, огонь и жупел и дух бурен. Духом бурным сокрушиши корабли фарсийския. Мать-молния держит над головою два зеркала, освещает молнией сердца людей, рождает отмеченных вещим даром. И это она же, мать умерших, ведет их на суд, в зал взвешивания сердца. Соль

морей и пыль дорог у нас за плечами. Одетый в Имя шелкает меня по носу, и я, просыпаясь, опять забываю все, что знал. Да, забываю всё, что знал. Собрал с миру по нитке, я опять с пустыми руками, опять ни с чем. Понедельник, едем, оса, Эпиктет, осеннее, желтый центр наших унылых мыслей. Железный запад. Кто-то разматывает два клубка ниток, белый и черный, справа и слева от нас, день и ночь. Мозг – это орган, которым мы думаем, что мы думаем. Барс, пропавший без вести в мексиканских лесах. Тускло, постригся, пошли платить за квартиру. В Орле поставлен памятник Ивану Грозному. Пятница. Умер Алексеев, инсульт. В рай ведет мост Сират, тонкий, как волос, острый, как меч. В сторону он отошел и сел на песок, перед морем, весь красотою светясь. И в Аркадии я, Пуссен. Население Земли – 7,2 миллиарда. Похороны Алексеева, Северное кладбище. Ждем автобуса, замерзли. Смотрим – высоко-высоко в небе летят журавли, два клина, один за другим, их удаляющиеся голоса: «Прощайте, прощайте!» Напротив нас, через дорогу – дуб, еще не опавший, сияющий, еще держит все свои золотые листья. Темная энергия космоса, ничего мы о ней не знаем. У речи четыре степени, они от Брахмана, который мудр и познал их: три степени – тайные и неподвижные, а четвертая – это человеческая речь. Тот, кто искренен в каждом слове, будучи тем, что есть. Эти звуки ускользают от произнесения и начертания, их можно услышать только в глубочайшей тишине души, в молчании. Вечер, сумрачно, дождь, снег, безлюдная улица, лохмотья листьев. Три кошки греются на канализационном люке. Узнаю тебя, Сатурн, глагол времен, пожирающий своих детей. У Слова широкий зев, все поместимся. Франц Кюсс, «Амурские волны», в подземном переходе,

слепой трубач. Калека у метро, на обрубке ноги прикреплено зеркало, в нем он видит всё, что происходит на свете, все сокрытое и тайное. В Иерусалиме археологи вскрыли гробницу Христа; найден папирусный свиток, датируется временем первого храма. Сенсация. Свиток выглядит, как комок черной грязи. Проснулся посреди ночи, боль в виске, задыхаюсь, не хватает воздуха. В темноте мерцает стол, лунный кварц, суровый повелитель, призывает к жертвоприношению. Сажусь, начинаю писать на каких-то призрачных листах из тусклых мерцаний. Всё, что я пишу, тут же стирается и исчезает. И я понимаю: всё, что я пишу – это только попытки восстановить целостность, свою и мира. Воссоздать целостность. А она не воссоздается, она опять и опять распадается у меня под пером. Но я не оставляю своих попыток. Я упорен. Мое упорство сокрушит все преграды. Погибну за этим столом, но не оставлю поле сражения. Нет, не оставлю!

Понедельник. Пошли искать поликлинику на Стачек, дом № 142. Метель в лицо. Сюда поплыла Лейли, семь струн у нее в руках, морской конь везет ее, и чистая струя подымается, как знамя. К Элизе, нотная запись, обнаруженная через 40 лет после смерти. Ибо вселенная эта простирается до пределов, до которых простираются слово и образ. Имя и Форма, две великих силы Брахмы. Тот, кто знает эти две силы, сам становится великой силой. Климат, наклон, Гипарх. Метет третий день. Что за звуки!.. аль бесенок в люльке охает, больной. Бес скуки мучит душу. Сегодня ночью гигантолуние, поминание предков. Не пригласить предков за стол – наихудший проступок перед духом. Сядем за этим столом, а стол наш – вся земля, и споем в едином хоре, все живые и мертвые, древнюю песню, со-

чиненную ветром в поле и волной в море. На этой лютне играют только один раз в жизни. Генрих Восьмой, зеленые рукава. Узнай же себя, испытай себя крепко! Заратустра, не говори, а пой! Умер Фидель Кастро, 90 лет. Вечер, фонари, запорошенные листья на земле, шелест сыплющегося снега. Лицо Олега Когана, бледное, трагическое, с опущенными веками, со скрипкой в безвольно повисшей усталой руке. На дереве Фусан десять золотых воронов, десять солнц. Посланный с небес стрелок И поражает из лука девять лишних солнц-воронов. Среда, снегопад. Просит сопровождать ее, иначе ей одной будет не справиться со своими страхами. С Невского на Малую Конюшенную. Пока шли, и стемнело; мрак, фонари, снег опускается, опускается, как занавес, мягкий, пушистый. Четверг. Ушла на концерт, пусть развеется, а я один побуду. Костер из соломы на льду пруда, танец с алыми гиацинтами. Стою, смотрю на это зрелище в сумраке зимнего вечера. Только бы в эту ночь не мучиться, не думать о безвозвратном и спать спокойно. Мозг в спокойном состоянии голубой, во взволнованном – красный, как кусок раскаленного железа. Кристалл человека, октагон, меркаба, служитель священного воображения. Просветление во облацах. Красота в деснице твоей, Гермес. Тибет брезжит, свод из цветного стекла, белый луч вечности. «Книга о развязывании узлов». Что ж, пора нам, времечко-семечко, развязать эти узлы. Вижу перед собой образ другого себя. Этот другой стоит на последней, седьмой ступени; он смотрит на меня с высоты лестницы грустным взором. Он прощается. Он говорит: книга написана. Книга для всех и ни для кого. Твоя и моя, наша с тобой книга. Поворачивается спиной и уходит в нее, в книгу, в ее призрачную, мгlistую даль, и там исчезает.

Овсянников Вячеслав Александрович.

Прозаик, поэт. Родился 02.02. 1947 г. в Белоруссии. Окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище им. адмирала С. О. Макарова. Работал на спасательных судах Балтийского морского пароходства, затем служил в органах внутренних дел.

С 1999 года член Союза писателей России. Лауреат премии им. Н. В. Гоголя 2007 года в номинации «Нос» за книгу «Загинайло». Лауреат международной премии им. Виктора Голявкина 2014 года в номинации «Современная проза» за книгу «Прогулки с Сосновой». Лауреат Всероссийской литературной премии им. А. К. Толстого 2014 года в номинации «Художественная проза» за книгу «Прогулки с Сосновой».

Живет в Санкт-Петербурге.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Медведев. Человек на мосту. 5

В ТЕНИ ВОДОЛЕЯ. 13

Литературно-художественное издание

Овсянников
Вячеслав Александрович

В ТЕНИ ВОДОЛЕЯ

Публикуется в авторской редакции

Художник А. В. Медведев
Вёрстка А. В. Медведев

Формат 70x100 ¹/₃₂ Гарнитура Petersburg
Печ. листов 13
Бумага офсетная 80 г/м²
печать цифровая. Тираж — 16 экз.

Для заметок
